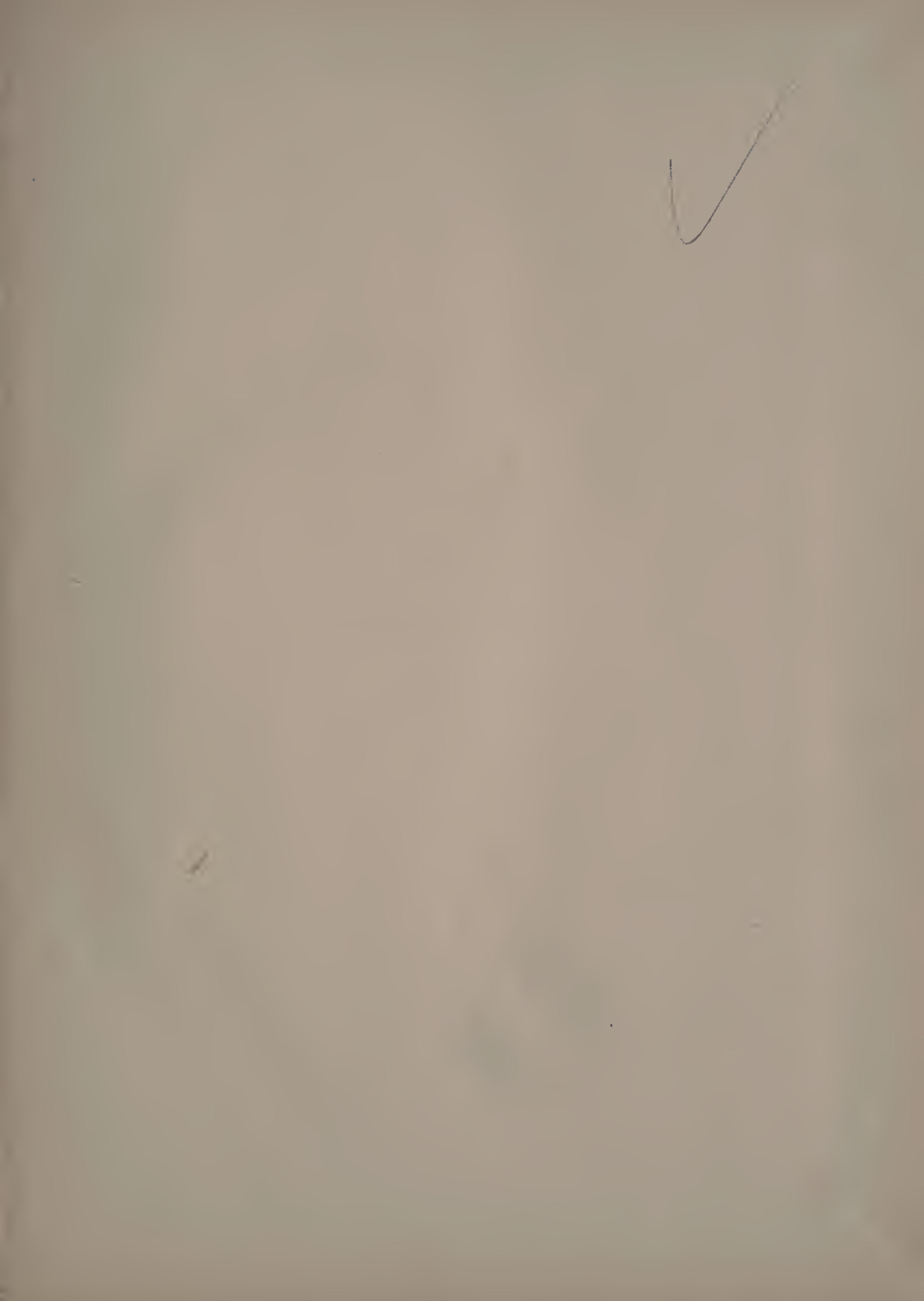

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Ив. Ив. Иванова.

Со многими портретами и рисунками.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Кудринская у., д. Кирѣевой.
1899.

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА

Дм. Ив. ТИХОМИРОВА.

Москва, Б. Молчановка, д. Д. И. Тихомирова.

Книги для библіотекъ.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста, 3-е изд. иллюстриров. многими картинками. Ц. 1 р. Уч. К. М. Н. Пр. книга одобрена для ученическихъ библіотекъ двухклассныхъ школъ, учительскихъ семинарій, город. и уѣздн. начал. училищъ, для библіотекъ (младш. возр.) гимназій и прогимназій и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Ж. М. Н. Пр. № 2, 97, стр. 136).

Его же. Акъ-Бозатъ. Разсказъ, съ картинками художника А. С. Степанова, изящное изданіе. Ц. 30 к.

Его же. Два разсказа: Ангелочки. Земля не принимаетъ. Ц. 10 к.

Его же. Послѣдняя треба. Ц. 10 к.

Его же. Аленушкины сказки. 2-ое дополненное роскошное изданіе. Ц. 1 р. Въ 1-мъ изд. Уч. Ком. М. Н. Пр. книга одобрена для ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ и допущена въ безплатныя библіотеки и читальни. (Ж. М. Н. Пр. № 5, 97 г.).

Его же. Зарницы. Второй сборникъ разсказовъ для старшаго возраста. Ц. 75 к. Книга одобрена Уч. Ком. М. Н. Пр. для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и допущ. въ безпл. библіотеки и читальни. (Ж. М. Н. Пр. № 5, 97).

Его же. Бѣлое золото, повѣсть. Ц. 50 к. Уч. Ком. М. Н. Пр., книга допущ. для учених. библ. средн. и низш. учебн. завед. и для безпл. народ. библ. и читал.

Ив. Ив. Ивановъ. Національная героиня Франціи. Жанна Д' Аркъ. Съ 12 рис. Ц. 30 к.

Его же. Бѣлинскій. Біограф. очеркъ. Съ портр. Бѣлинскаго. Ц. 10 к.

Его же. Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. Бичеръ-Стоу. Ц. 30 к. Гл. У. В. У. З. *Рекомендована* въ кадет. корпуса. (П. Сб. № 8, 1898 г.).

М. Н. Альбовъ. Исторія одного скитальца. (Снѣжокъ и Картошка). Повѣсть, со многими рисунками. Ц. 1 р.

В. П. Острогорскій. Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 4-е, дополненное. М. 1898 г. Ц. 50 к. Книга занесена въ каталогъ книгъ для безплатн. народн. читаленъ Мин. Нар. Пр. (стр. 105).

Его же. Художникъ русской пѣсни. А. В. Кольцовъ. М. 1893 г. Ц. 50 к.

Его же. Родные поэты, сборникъ для юношества стихотворныхъ произведеній образцовыхъ писателей. 1895 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

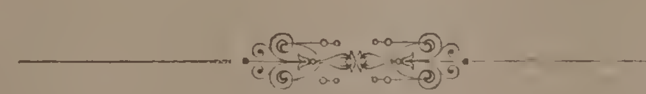
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Ив. Ив. Иванова.

Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе“. Москва, Б. Молчановка, домъ Дм. Ив. Тихомирова, № 24.

Со многими портретами и рисунками

Цѣна 45 коп.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Кудринская улица, д. Кирѣевой.
1899.

Дозволено цензурой, Москва, 19 Декабря 1898 г.

Шестнадцатое августа.

Шестнадцатаго августа въ Москвѣ, въ присутствіи Ихъ Величествъ, торжественно открытъ памятникъ Императору Александру II. Первопрестольная столица русскойдержавы украсилась новымъ монументомъ величайшаго историческаго значенія, и кремлевскій холмъ, исконн священный для русскаго народа многочисленными вѣковыми воспоминаніями, сталъ его сердцу и разуму еще ближе, еще дороже.

Памятники, воздвигаемые народомъ въ честь его вождей, должны напоминать современникамъ и потомству самыя свѣтлыя и достойныя страницы исторіи и служить неугасаемыми свѣточами для всѣхъ поколѣній на путяхъ ко благу и величію отечества.

Если это такъ,—во всѣхъ странахъ міра нѣтъ монумента, превосходящаго блескомъ и славой памятникъ Императору Александру II.

Среди многомилліоннаго русскаго народа не найдется ни одного человѣка—настолько нищаго разумомъ и бѣднаго чувствомъ, чтобы не понять и не оцѣнить подвиговъ почившаго Царя. И не только среди русскаго народа,—всюду, гдѣ есть слабые, обиженные, порабощенные,—должна вызвать глубокій откликъ вѣсть о почестяхъ Царю-Освободителю. И даже найдутся цѣлые народы, которые московское торжество признаютъ своимъ національнымъ праздникомъ, воспоминаніемъ объ утренней зарѣ своей родной свободы...

Площадь, гдѣ высится только что открытый памятникъ, уже давно стала историческимъ мѣстомъ.

Здѣсь, восемьдесять лѣтъ тому назадъ, семнадцатаго апрѣля, въ Николаевскомъ дворцѣ у великаго князя Николая Павловича родился сынъ-первенецъ. Отецъ Новорожденнаго не былъ наслѣдникомъ престола. Таковымъ считался его старшій братъ, Константинъ Павловичъ, и судьба, казалось, отдалила августѣйшаго младенца отъ царскаго вѣнца. Но великій князь Константинъ уступилъ престолъ своему брату,—и, на великое счастье русскаго народа, открылъ дорогу къ верховной власти своему племяннику.

Поэтъ Жуковскій, ставшій впослѣдствіи наставникомъ юнаго великаго князя, привѣтствовалъ его рожденіе вдохновенными словами:

„Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ.
„Да славнаго участникъ, славный будетъ;
„Да на чредѣ высокой не забудетъ—
„Святѣйшаго изъ званій *человѣкъ!*"

Слова оказались пророческими.

Именно званіе *человѣкъ* на всю жизнь осталось высшимъ украшеніемъ въ царственныхъ дѣлахъ—сначала Цесаревича, потомъ Императора.

Еще до вступленія на престолъ Великій Князь, Александръ Николаевичъ является неизмѣннымъ прибѣжищемъ всѣхъ, кому грозитъ суровая кара за невольный грѣхъ, кого преслѣдуютъ неправда судей и обиды сильныхъ. Къ Великому Князю несутъ свою докуку,—и вчера еще властный сановникъ, сегодня постигнутый опалой—по ошибкѣ, по несчастному недоразумѣнію; и бѣдная дворовая крестьянка, не стерпѣвшая оскорбленій своей госпожи и едва не совершившая кроваваго преступленія; и даже безродный четырнадцатилѣтній мальчикъ, пойманный съ фальшивымъ гривенникомъ и приговоренный къ страшному наказанію...

У всѣхъ у нихъ единственная надежда — человѣческое сердце Наслѣдника, уже извѣстное народу.

И они не ошибаются.

Насколько зависитъ отъ доброй воли и свѣдѣній Великаго Князя, правда возстановляется, несправедливо наложенныя кары отмѣняются... Будущій Царь не перестаетъ быть заступникомъ своихъ будущихъ подданныхъ предъ строгостью законовъ и гнѣвомъ Отца. Народная молва уже теперь именуетъ его Ангеломъ Хранителемъ, и спасенные имъ разсказываютъ, съ какой радостью онъ первый осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ облагодѣтельствованныхъ имъ жертвъ чужой неправды или заблужденія.

Провидѣніе призываетъ его на прародительскій престолъ— въ тяжелыя времена кровавой Восточной войны, засвидѣтельствовавшей предъ всѣмъ свѣтомъ великія доблести русскихъ воиновъ,—но въ то же время отяготившей страну тяжелыми жертвами и лишеніями. Новый Государь заключаетъ миръ и спѣшитъ отдать всѣ свои помыслы и силы обновленію своего царства!

Прежде всего онъ выполняетъ завѣтъ своего родителя. Съ юношеской вѣрой въ святость и правоту великаго дѣла онъ рѣшается низложить вѣковое рабство народа и осуществить давнишнюю мечту величайшаго поэта Россіи и всѣхъ ея лучшихъ сыновъ:

„Увижу ли, друзья, народъ освобожденный,
„И рабство, павшее по манію царя?
„И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
„Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря“?..

Густыя тѣни облегаютъ небо и мѣшаютъ лучамъ зари. Царю приходится выносить по-истинѣ богатырскую борьбу...

Но духъ Царя ясенъ и непоколебимъ. Царь вѣритъ въ благоразуміе и искреннюю признательность своего народа, и нѣтъ силы способной остановить его на величественномъ пути ко всенародному благу. Онъ торопитъ своихъ совѣтниковъ—забыть страхи и своекорыстные разсчеты. Онъ горитъ нетер-

Памятникъ Императору Александру II, въ Москвѣ.

ниемъ возвѣстить двадцати двумъ милліонамъ своихъ подданныхъ права на человѣческое достоинство и гражданскую свободу. Онъ назначаетъ сроки, когда задача должна быть выполнена. Онъ не отступаетъ даже предъ рѣзкимъ настойчивымъ словомъ по адресу медлительныхъ и лукавыхъ,—а боязливыхъ онъ ободряетъ прочувствованной, истинно-человѣческой рѣчью:

„Твердо уповая на милость Божію, и увѣренный въ святость этого дѣла, я надѣюсь, что Богъ насъ не оставитъ и благословитъ насъ кончить его для будущаго благоденствія любезнаго намъ отечества".

И Богъ благословилъ...

Девятнадцатаго февраля 1861 года Государь подписалъ манифестъ, отмѣнявшій крѣпостную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ. Пятаго марта манифестъ опубликованъ въ Петербургѣ и потомъ — по всей Россіи.

Болѣе свѣтлаго дня не бывало на Руси, — и свѣтъ ярче всего озарилъ самого виновника безпримѣрнаго праздника.

Очевидцы разсказываютъ, какимъ торжествомъ сіяло лицо Государя. Когда народъ на улицахъ, падая на колѣни, благодарилъ своего благодѣтеля; — Царь и его наслѣдникъ, казалось, были окружены сіяніемъ,—и Государь говорилъ: *„это мой лучшій день"*...

Да,—лучшій.

Въ этотъ день не только осуществилась завѣтная воля державнаго вождя своего народа, но и оправдались его надежды на своихъ „дѣтей".

Народъ терпѣливо, съ глубоко-затаеннымъ восторженнымъ чувствомъ ждалъ своей воли. Онъ зналъ, какъ крѣпко стоитъ Царь за его свободу,—и только изрѣдка, съ смиреннымъ благоговѣніемъ, рѣшался обнаруживать предъ лицомъ Монарха свою благодарность. Царь торжественно, предъ государственнымъ совѣтомъ, свидѣтельствовалъ о своей радости, при

видѣ такого довѣрія и спокойствія народа, твердо шелъ къ своей цѣли и открылъ своему царству новый путь къ величію и нравственной силѣ краснорѣчивыми словами манифеста:

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ. залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

Этотъ подвигъ былъ только началомъ другихъ подвиговъ человѣческаго сердца Монарха.

Два года спустя, въ годовщину рожденія царя, является законъ, отмѣняющій тѣлесныя наказанія...

Народъ понялъ силу новаго закона и вновь возликовалъ. Въ Москвѣ онъ потребовалъ, чтобы духовенство отслужило молебенъ на кремлевской площади противъ дворца, гдѣ родился Государь. Народъ на колѣняхъ молился за Царя и еще разъ доказалъ, какъ глубоко западаетъ ему въ сердце всякая новая забота Царя о возвышеніи *нравственнаго духа* подданныхъ.

Такъ именно Государь объяснялъ цѣль новаго закона.

Спустя нѣсколько времени появился указъ, окончательно упрочивавшій основы гражданскаго благополучія русскаго народа.

Неутомимый законодатель создавалъ новый судъ—*скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ подданныхъ*. Онъ стремился утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно „общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго“.

И народъ, освобожденный отъ крѣпостного ига, теперь видѣлъ надъ собой единственнаго господина — *законъ*, одинаково строгій и неподкупный для знатнаго, богатаго, бѣднаго и худороднаго. Царь выполнялъ свою волю, объявленную еще при восшествіи на престолъ: *правда и милость да царствуютъ въ судахъ*, и годъ за годомъ не переставалъ возвышать человѣческую природу и гражданское положеніе своихъ подданныхъ.

Всѣ его планы явно направлялись къ одной цѣли — царствовать надъ людьми—свободными и умѣющими пользоваться своей свободой и защищать ее. Царь въ своихъ манифестахъ и указахъ безпрестанно говорилъ о *духѣ*, о *нравственныхъ и умственныхъ качествахъ*, о *свободномъ трудѣ*, о *благѣ общественномъ*. Царь желалъ воспитать въ своемъ народѣ просвѣщенныхъ гражданъ, способныхъ понимать общую пользу и безъ понужденій власти, по собственной волѣ работать ради славы и духовнаго развитія родины.

Обезпечивъ внутреннее благоденствіе Россіи, Александръ II, руководимый тѣмъ же чувствомъ правды и справедливости, положилъ новую нерушимую основу внѣшнему могуществу своей имперіи. Создавая новыхъ гражданъ, подчиняя ихъ новымъ равнымъ для всѣхъ законамъ,—Царь не могъ миновать великаго вопроса въ судьбѣ каждаго современнаго государства—*войска*.

Въ старое время военная служба для простого народа была не менѣе тяжелой неволей, чѣмъ крѣпостная зависимость. Помѣщики старались сдавать въ солдаты завѣдомо ни на что негодныхъ крестьянъ, пьяницъ и преступниковъ. Пойти въ солдаты, —въ представленіи народа,—значило, —отправиться въ ссылку, на вѣчныя лишенія и вѣчную разлуку съ родными. Даже законъ сдачу въ солдаты приравнивалъ къ тяжкимъ наказаніямъ. Всякій, кто имѣлъ средства, старался откупиться отъ грозной и позорной обязанности, нанять за себя какого-либо несчастнаго или безроднаго. Бѣдняки отцы и матери провожали своихъ дѣтей на службу съ плачемъ и отчаяніемъ,—будто на муки и казнь.

Такіе порядки унижали высокій долгъ солдата—защищать свое отечество. Слѣдовало возвысить положеніе воина и сдѣлать военную службу почетной. Слѣдовало — защиту родины превратить въ общее дѣло народа, безъ различія званій и состояній, превратить въ *святое дѣло*, отъ котораго позорно откупаться и бѣжать.

И перваго января 1874 года былъ утвержденъ уставъ о воинской повинности. Онъ сравнялъ всѣ сословія и всѣ званія предъ обязательствомъ—проходить простую солдатскую службу. Льготы давались только образованію, и уставъ такимъ путемъ достигалъ двухъ цѣлей: облагораживалось званіе солдата и поощрялось образованіе. Кто былъ образованнѣе, тотъ и служилъ меньше. Слѣдовательно, и въ этой реформѣ не упускалось изъ виду развитіе духовныхъ силъ русскаго народа.

Событія скоро доказали мудрость новаго закона.

Александръ II, откликаясь на общій голосъ своихъ подданныхъ, явился освободителемъ славянъ, страдавшихъ подъ турецкимъ игомъ. Это было истиннымъ крестовымъ походомъ русской арміи и достойнымъ продолженіемъ человѣколюбивой дѣятельности ея вождя.

И армія стала на высотѣ своего призванія.

Давно освобожденная отъ тѣлесныхъ наказаній, обновленная и возвышенная недавнимъ закономъ, она изумила враговъ и друзей дисциплиной и мужествомъ. Многочисленныя побѣды были заслуженными наградами свободному народу, давшему своей родинѣ столь доблестную защиту...

Мы не перечислили и въ настоящую минуту не могли перечислить всѣхъ приснопамятныхъ дѣлъ, какими Императоръ Александръ II заслужилъ себѣ всенародный памятникъ. Мы выполнимъ этотъ долгъ предъ своими читателями въ ближайшемъ будущемъ. Теперь мы только желали указать, какое величавое прошлое нашей родной исторіи воспоминается подъ сѣнью новаго монумента, и какимъ свѣтлымъ вѣнцомъ окруженъ ликъ Государя, на чьемъ памятникѣ самой краснорѣчивой надписью были бы всего два слова, затмевающія славу всѣхъ міровыхъ завоевателей:

Царю-Человѣку.

Императоръ Александръ II.

I.

Въ исторіи не бываетъ совершенно неожиданныхъ и необъяснимыхъ явленій. Величайшія между народныя войны и обширнѣйшія внутреннія преобразованія государствъ постепенно подготовляются въ теченіе многихъ лѣтъ, часто — десятилѣтій. Причины накопляются медленно, — не для всѣхъ и не всегда вполнѣ ясно, — но послѣдовательно и неизбѣжно. Если какой либо историческій фактъ поражаетъ насъ внезапностью, — это не значитъ, будто онъ вызванъ чудомъ или чьимъ-нибудь произволомъ: это значитъ, — мы неосновательно изучили предыдущую исторію и не выяснили постепеннаго хода событій.

Этой истины никогда не слѣдуетъ забывать, — о какихъ бы страшныхъ переворотахъ и бѣдствіяхъ мы ни читали, о какихъ бы подвигахъ великихъ людей мы ни слышали. Но исторія научаетъ насъ не одной этой истинѣ, — иначе мы могли бы окончательно отчаяться въ своихъ силахъ и надеждахъ.

Зачѣмъ было бы лучшимъ и сильнѣйшимъ людямъ стремиться къ общему благу, жертвовать своими талантами и иногда даже — личнымъ счастьемъ своей родинѣ, — если надъ всѣмъ человѣчествомъ царствуетъ непреодолимая сила и по-своему устроиваетъ всѣ человѣческія дѣла, независимо отъ

нашихъ желаній и усилій? Чему *суждено* быть, — то непремѣнно будетъ, — все равно станемъ ли мы радоваться или горевать...

Подобное разсужденіе убило бы волю у самаго дѣятельнаго человѣка и уничтожило бы всякую разницу между добромъ и зломъ, преступленіемъ и подвигомъ. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ и быть не можетъ.

Каждый изъ—насъ участникъ и виновникъ тѣхъ событій, какія совершаются вокругъ насъ. Каждому дано различать порокъ и добродѣтель, пользу и вредъ, и каждый воленъ направить свои силы въ ту или въ другую сторону. Онъ можетъ остаться совершенно равнодушнымъ къ тому, что̀ дѣлается другими и ограничиться заботами о собственномъ покоѣ и благополучіи. Онъ можетъ, ради личныхъ разсчетовъ, стать на сторону такихъ же себялюбцевъ, какъ онъ самъ, и вмѣстѣ съ ними вредить другимъ, всему обществу, даже государству. Наконецъ, — человѣкъ можетъ придти на помощь тѣмъ немногимъ благороднымъ людямъ, которые стараются направить теченіе жизни въ сторону правды и справедливости. Всякій обыкновенный смертный въ силахъ занять то или другое положеніе,—но, очевидно,—у кого больше власти, кто выше стоитъ надъ другими,—у того каждый поступокъ, часто даже слово — имѣютъ громадное значеніе въ событіяхъ настоящаго и будущаго. Когда дѣятель призванъ управлять судьбами народа, когда отъ его воли зависятъ сотни и тысячи другихъ властителей, — его равнодушіе или сочувствіе къ общему благу — отражаются на длинномъ рядѣ поколѣній, на исторіи цѣлыхъ столѣтій.

Мы намѣрены разсказать жизнь одного изъ такихъ дѣятелей. Она наполнена великими преобразованіями величайшаго въ мірѣ государства. Преобразованія замышлялись въ теченіе почти столѣтія, мысль о нихъ занимала многихъ предшественниковъ Царя и иногда до такой степени настойчиво, что,

казалось, готова была осуществиться. Но время шло. Мысль то отступала предъ разными препятствіями, то вновь возникала, — пока, наконецъ, она не овладѣла душою и сердцемъ молодого монарха, и онъ рѣшился привести ее въ исполненіе, несмотря на всѣ затрудненія и страхи людей осторожныхъ и медлительныхъ, на сопротивленіе—равнодушныхъ и корыстныхъ. Въ полной его волѣ было — послушаться многочисленныхъ предостереженій, отложить, подобно своимъ предкамъ, великое дѣло до болѣе удобнаго времени, подождать, пока на сторонѣ его будетъ больше друзей и защитниковъ. Исторія не стала бы упрекать Царя за осторожность и медлительность. Она вполнѣ благосклонно объяснила бы отсрочку разнаго рода обстоятельствами и непреодолимыми причинами.

Но Царь не пожелалъ довольствоваться такимъ судомъ. Онъ предпочелъ лично вмѣшаться въ теченіе обстоятельствъ и всей своей громадной властью воспользовался съ единственной цѣлью - дать торжество свѣтлымъ силамъ надъ темными, возстановить попранныя права слабыхъ и одинаково для всѣхъ своихъ подданныхъ указать свободные пути къ нравственному и гражданскому развитію.

Царь совершилъ все это по свободнымъ внушеніямъ своего сердца. Несомнѣнно, — правда давно вопіяла къ небу и къ людямъ. Всякій разумный и честный человѣкъ могъ видѣть, сколько зла и горя угнетаетъ милліоны русскаго народа. Но зло развивалось и крѣпло цѣлыми вѣками. Многимъ оно стало казаться вполнѣ законнымъ и неприкосновеннымъ. Зло успѣло сростись съ привычками и нравственными правилами и сильныхъ, и слабыхъ. И даже добрые, но малодушные люди могли думать, что искоренять зло—значитъ, разрушать вѣковой порядокъ, осуждать все государство на смуты и даже кровавую междоусобную войну. И Царь безпрестанно слышалъ эти предостереженія.

Ему недостаточно было благихъ желаній, одного чувства со-

страданія и любви къ своему народу. Только глубокая вѣра въ свое предпріятіе, твердая рѣшимость во что̀ бы то ни стало довести его до конца—могли преодолѣть тайную и явную вражду.

И Царь преодолѣлъ.

Этой побѣдой онъ сталъ выше славнѣйшихъ завоевателей,—потому что нѣтъ на землѣ болѣе опасныхъ и упорныхъ враговъ, чѣмъ вѣковые предразсудки и страсти. Борьбу Царь началъ немедленно, лишь только получилъ власть, и не слагалъ оружія до конца. Такая царская жизнь—не только прекраснѣйшія страницы въ исторіи, но и поучительный примѣръ для всякаго, кому—хотя бы въ самомъ ограниченномъ кругу—приходится встрѣчаться съ насиліями и беззаконіями.

Царь вступилъ на свой героическій путь въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ и мужественныхъ силъ. Онъ давно успѣлъ приготовиться къ своему подвигу,—и безъ этихъ долголѣтнихъ приготовленій онъ врядъ ли совершилъ бы его съ такой твердостью. Царь преобразователь долженъ былъ родиться съ извѣстными дарами природы, и воспитаніе должно было развить ихъ, чтобы создать въ лицѣ монарха великаго благодѣтеля народа.

Такъ это и было въ дѣйствительности. Исторія раннихъ лѣтъ будущаго государя—трогательная повѣсть богато-одаренной, благородной души, еще въ дѣтствѣ таившей въ себѣ задатки позднѣйшихъ стремленій монарха.

Мы и начнемъ свой разсказъ съ этой повѣсти. Не часто человѣчеству приходится вносить въ свои лѣтописи такой чу̀дный разсвѣтъ такого солнечнаго дня!..

II.

Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Россія испытала страшное, безпримѣрное бѣдствіе. Еще въ памяти у всѣхъ

были свѣжи кровавыя впечатлѣнія французскаго нашествія. Еще древняя столица, принесенная въ жертву за всю страну, не успѣла вполнѣ обновиться послѣ пожара и разрушенія. Ея улицы загромождены развалинами, населеніе поглощено работой на едва остывшемъ пепелищѣ. Русскій царь вмѣстѣ съ другими государями занятъ умиротвореніемъ Европы, потрясенной завоевателемъ. Еще въ воздухѣ носятся смутные отголоски только что прогремѣвшей бури. Виновникъ ея, брошенный на далекій, уединенный островъ, все еще является грознымъ призракомъ для недавно побѣжденныхъ имъ монарховъ и народовъ. И ему долго еще суждено пугать воображеніе мирныхъ смертныхъ, — подобно зловѣщей кометѣ, едва скрывшейся за горизонтомъ.

Но ей никогда уже не подняться надъ міромъ. Тамъ, гдѣ она больше всего причинила бѣдствій и погубила человѣческихъ жизней, на смѣну истребителю людей—восходитъ звѣзда будущаго монарха-освободителя. Онъ возместитъ своему народу лишенія, претерпѣнныя въ борьбѣ съ иноземнымъ врагомъ и за любовь къ родинѣ, обнаруженную въ рабскомъ состояніи, вознаградитъ свободой.

Семнадцатаго апрѣля, 1818 года, около полудня, Москва узнала о великой радости царской семьи. Двѣсти одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ рожденіе у великаго князя Николая Павловича — сына — первенца, нареченнаго Александромъ. У царствовавшаго императора, Александра Павловича, и его наслѣдника, брата Константина, не было дѣтей, и современникамъ событія, естественно, представлялась мысль, что новорожденному, можетъ быть, предназначено носить корону.

Эта мысль прежде всѣхъ пришла матери, великой княгинѣ Александрѣ Өедоровнѣ, и она записала въ своихъ „*Воспоминаніяхъ*“: „Я помню, что почувствовала что-то строгое и меланхолическое при мысли, что это маленькое существо призвано стать императоромъ“.

Съ великокняжеской семьей жилъ въ Кремлѣ поэтъ Жуковскій, уже много лѣтъ связанный съ ней самыми искренними, сердечными отношеніями. Онъ, восторженно привѣтствовавъ рожденіе великаго князя, въ посланіи къ его матери перечислялъ предзнаменованія, обѣщавшія новорожденному блестящую судьбу. Его колыбель окружали вѣковые памятники родной державы, первые дни онъ прожилъ въ городѣ, искони принимавшемъ на себя кровавыя битвы за Россію. Величіе историческихъ воспоминаній должно сопровождать всю жизнь Александра, и поэтъ напутствовалъ его одушевленными пожеланіями.

Онъ не сулилъ ему славы полководца и завоевателя, не пророчествовалъ его вѣку — грома оружія и военной славы. Онъ говорилъ о вѣкѣ „обильномъ честью", о забвеніи личнаго блага для блага *всѣхъ*, о свободномъ голосѣ отечества, какъ высшемъ приговорѣ надъ дѣлами властителя, наконецъ, — о святѣйшемъ изъ званій *человѣкъ*! Праздникъ царской семьи поэтъ считалъ до такой степени близкимъ своему сердцу, что новорожденнаго привѣтствовалъ, какъ *товарища прекраснаго союза* - среди родныхъ.

Именно это привѣтствіе было вѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ предзнаменованій. Оно указывало, какая простота и сердечность господствовали въ семьѣ Великаго князя — отца. Поэтъ здѣсь чувствуетъ себя своимъ человѣкомъ. Даже больше. Онъ, далеко не ласкаемый судьбой и не избалованный природными родственниками, находитъ при дворѣ людей, близкихъ и родныхъ ему по душѣ. Онъ — неизмѣнно искреннiй и благородный — счастливъ тамъ, гдѣ принято предполагать только раболѣпство и высокомѣріе. Всѣ пожеланія поэта будущему царю должны исполниться прежде всего потому, что самъ поэтъ можетъ отъ всего сердца встрѣтить его, какъ своего *товарища*, какъ лично дорогого себѣ *человѣка*.

Говорятъ, — Филиппъ, царь Македонскій, извѣщая великаго

ученаго и философа, Аристотеля, о рожденіи наслѣдника престола и приглашая мудреца—быть его наставникомъ, писалъ: „я не столько радуюсь тому, что у меня родился сынъ, сколько тому, что онъ родился при твоей жизни". И Аристотель принялъ на себя обязанности наставника. Ученикъ вышелъ однимъ изъ величайшихъ героевъ и завоевателей. Его слава наполнила весь древній міръ. Но смерть скоро пресѣкла жизнь царя, громадныя завоеванія распались на множество государствъ, гдѣ званіе *человѣкъ* не пользовалось никакимъ уваженіемъ, гдѣ для народовъ изобрѣтали все новыя тягости и цѣпи.

Имя Александра Македонскаго блеснуло ослѣпительной молніей, оставило по себѣ въ исторіи приснопамятный слѣдъ,—но ни одинъ лучъ въ этомъ блескѣ не свидѣтельствуетъ о человѣческой свободѣ, о торжествѣ правды слабыхъ надъ несправедливостями сильныхъ. И самъ герой окончилъ свои дни. воображая себя божествомъ и считая всѣхъ другихъ людей своими безсловесными рабами.

Событія, совершавшіяся въ русской столицѣ, казались неизмѣримо скромнѣе. Отецъ Новорожденнаго не писалъ краснорѣчивыхъ писемъ ни къ какимъ знаменитымъ ученымъ. И такихъ даже не было въ то время во всемъ русскомъ государствѣ. Наставниковъ придется отыскивать среди обыкновенныхъ смертныхъ, не завѣщавшихъ потомству никакихъ великихъ произведеній. Важнѣйшимъ и замѣчательнѣйшимъ дѣломъ ихъ жизни именно и будетъ ихъ участіе въ образованіи будущаго царя.

Во главѣ ихъ станутъ люди, ни единой чертой не напоминающіе геніальнаго ученаго древности. Тотъ, раньше чѣмъ получить въ руки царскаго сына, успѣлъ обнять всѣ современныя знанія, лично сдѣлать въ нихъ важныя открытія и прослыть первѣйшимъ мудрецомъ.

И онъ совершилъ свое дѣло съ успѣхомъ. Его питомецъ

искренно полюбилъ науку и искусства, не забывалъ о нихъ въ самомъ пылу завоеваній, и поэмы Гомера услаждали его отдыхъ послѣ походовъ и сраженій. Царь—просвѣщенный и свѣдущій,—одного только не достигъ воспитатель и, можетъ быть, и не желалъ достигнуть: не внушилъ ребенку и юношѣ, что существуетъ слава болѣе почетная, чѣмъ истребленіе ни въ чемъ неповинныхъ людей и покореніе отдаленнѣйшихъ царствъ. Геніальный философъ не имѣлъ представленія о царѣ—мирномъ благодѣтелѣ человѣчества, безъ различія племенъ и состояній—и не могъ изъ своего питомца создать монарха-человѣка.

Именно эта задача досталась на долю несравненно болѣе скромныхъ людей. Отецъ Новорожденнаго съ самаго начала заявилъ твердое рѣшеніе: „Я хочу воспитать въ моемъ сынѣ человѣка, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него Государя“.

Выполнить этотъ планъ пришлось двумъ подданнымъ русскаго государя, вложившимъ всѣ силы свои въ это дѣло. Главнымъ руководителемъ умственнаго развитія великаго князя былъ выбранъ поэтъ Жуковскій, воспитателемъ—капитанъ Мердеръ.

III.

Какимъ образомъ на *поэта* могли возложить такое сложное, отвѣтственное званіе, какъ первый наставникъ будущаго русскаго императора? Жуковскій былъ извѣстенъ, какъ авторъ превосходныхъ стихотвореній, особенно—переводовъ произведеній нѣмецкихъ поэтовъ. Его стихами увлекались читатели, склонные къ чувствительнымъ настроеніямъ и къ фантастическимъ мечтамъ. Поэтъ особенно любилъ сочинять элегіи—стихотворенія, исполненныя грусти и неудовлетворенныхъ желаній, баллады — сказанія о мірѣ чудесныхъ героевъ и привидѣній. Все это было въ высшей степени красиво, звучно и искренно прочувствовано самимъ поэтомъ

Но подобный талантъ еще не могъ свидѣтельствовать о способности писателя—учить и умственно развивать другихъ, особенно дѣтей. Поэтъ, очевидно, обладалъ особенными качествами ума и сердца, не свойственными многимъ поэтамъ и дѣлавшими изъ него исключительнаго человѣка.

Эти качества Жуковскій получилъ отъ природы, а жизнь и личная воля поэта развили ихъ до такой степени, что дѣйствительно, лучшаго наставника царскому сыну трудно было отыскать.

Въ жилахъ Жуковскаго текла не вполнѣ русская кровь. Его мать была плѣнная турчанка, отецъ—тульскій помѣщикъ, Бунинъ. Это обстоятельство съ самаго начала поставило будущаго поэта въ особыя условія. Мальчика усыновилъ его крестный отецъ и далъ ему свою фамилію. У Бунина была уже семья, и положеніе его незаконнаго сына въ этой семьѣ не могло быть вполнѣ прочно и счастливо. Мать—турчанка, ставши матерью, не могла все-таки войти въ семью своего господина полноправнымъ членомъ. Рядомъ съ настоящей барыней, женой Бунина, она оставалась чѣмъ-то среднимъ, между прислугой и приживалкой. Правда, доброе сердце госпожи Буниной не позволяло ей обижать безродную плѣнницу,—но никакія силы не могли бы взятую на войнѣ турчанку уравнять съ русской коренной дворянской семьей.

Пока „Васенька“ переживалъ дѣтство,—онъ не могъ страдать отъ своего ложнаго положенія. У госпожи Буниной оставались въ живыхъ только дочери; Васенька оказывался въ семьѣ единственнымъ мальчикомъ, и онъ немедленно сталъ общимъ любимцемъ и баловнемъ. Дѣтство прошло свѣтло и радостно. Мальчикъ видѣлъ отовсюду только любовь и искреннюю привязанность. Его шалости не вызывали раздраженія и гнѣва. Жизнь началась идилліей, т. е. картиной мирнаго сельскаго счастья. Но съ годами она должна смѣниться элегіей и даже драмой.

Мать Васеньки, конечно, не могла нарадоваться на счастье своего сына. Но она сама ни на одну минуту не въ силахъ была освободиться отъ тяжелаго чувства,—отъ сознанія своего подчиненнаго отношенія къ господской семьѣ. Ей, какъ и всякой другой прислугѣ, отдавали приказанія. Она принуждена выслушивать ихъ, стоя,—и даже въ присутствіи сына. Плѣнница искренно и горячо привязалась къ своей госпожѣ, не знала, какъ и благодарить ее за любовь къ сыну. Но тѣмъ тягостнѣе приходилось чувствовать свое униженіе предъ этимъ сыномъ. И онъ не могъ, конечно, видѣть равнодушно судьбы своей матери, лишь только сталъ понимать окружающій міръ.

Это пониманіе, при большихъ природныхъ дарованіяхъ ребенка, пришло очень рано. Въ страстныхъ ласкахъ матери, въ ея сдержанной, но столь же горячей благодарности предъ госпожей-благодѣтельницей, ребенокъ чуялъ что-то горькое, какую-то затаенную боль. И онъ разгадалъ ее, какъ одну изъ самыхъ первыхъ загадокъ своей жизни.

Онъ могъ отдать все свое сочувствіе страдающей матери, могъ раздѣлить съ ней тяготу безроднаго существованія,—но онъ не въ состояніи былъ распутать узелъ, завязанный судьбой. Мать его, при всей симпатичности и благородствѣ, все-таки была только турчанка, привезенная крѣпостнымъ мужикомъ барину въ видѣ подарка. Елизавета Дементьевна—это бывшая Сальха, крещеная магометанка, невольница, ставшая домоправительницей, а потомъ—матерью.

Эту исторію зналъ всякій дворовый мальчишка, и она врядъ ли могла внушать домовой прислугѣ особенное уваженіе къ чужестранкѣ, какъ бы ее ни любила и ни уважала сама барыня. Кромѣ того, надо помнить,—исторія происходила при крѣпостныхъ порядкахъ, въ старые годы, когда и господа, и ихъ подданные гораздо выше цѣнили происхожденіе, чѣмъ въ настоящее время цѣнятъ его и благородные, и неблагородные.

Подроставшій Васенька съ каждымъ днемъ все глубже проникалъ въ печальную участь матери. Дѣтская мысль неустанно работала надъ страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Отъ природы крайне впечатлительное сердце все сильнѣе поддавалось грусти. Ребенокъ не по лѣтамъ становился задумчивымъ. Въ немъ быстро развилась любовь именно къ такому чтенію, какое подходило къ его настроеніямъ. Чужая грусть, поэтическая мечтательность вызывали глубокое сочувствіе молодого читателя, и онъ естественно попытается самъ переложить въ стихи свои одинокія думы. Ему поможетъ раннее умственное развитіе.

Съ самаго рожденія поставленный въ особое положеніе ребенокъ легко понялъ необходимость—лично, собственными силами заботиться о себѣ. Независимо отъ учителей—Жуковскій перечитываетъ множество книгъ, записываетъ свои мысли и впечатлѣнія и незамѣтно для себя становится писателемъ.

Первое прославившее его произведеніе является сердечною исповѣдью юноши, успѣвшаго много передумать и еще больше перечувствовать.

IV.

Когда Жуковскому было еще не больше четырнадцати лѣтъ, и онъ учился въ пансіонѣ при московскомъ университетѣ,—товарищи умѣли оцѣнить его начитанность и литературный талантъ. Среди нихъ образовалось литературное общество, Жуковскаго выбрали главой и даже поднесли ему лавровый вѣнокъ. Молодой писатель имѣлъ знакомство съ просвѣщеннѣйшими москвичами и вскорѣ сталъ близкимъ человѣкомъ съ Карамзинымъ и началъ печатать свои переводы въ его журналѣ «*Вѣстникъ Европы*». Здѣсь напечатано стихотвореніе—«*Сельское кладбище*», сдѣлавшее имя Жуковскаго извѣстнымъ обширной публикѣ.

Стихотвореніе — переводъ съ англійскаго, — но совершенно свободный. Имъ поэтъ воспользовался, чтобы высказать свою личную исповѣдь — и изобразить свою внутреннюю жизнь. Онъ долго обдумывалъ свою работу, живя въ деревнѣ и уединяясь на живописный холмъ. Его несравненно больше вдохновляли воспоминанія дѣтства и ранней молодости, чѣмъ стихи иностраннаго поэта, — и онъ искренне повѣдалъ публикѣ о пережитомъ и перечувствованномъ.

Автору было всего девятнадцать лѣтъ, — и онъ уже печально смотрѣлъ на свое прошлое, не ждалъ счастья и отъ будущаго. Одинъ изъ прекраснѣйшихъ стиховъ перевода можно вполнѣ примѣнить къ самому поэту: «*Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою*». Разсказъ о молодомъ мечтателѣ „прискорбномъ“, „сумрачномъ“, любившемъ бродить по дубравамъ въ одиночествѣ, — это — повѣсть самого автора. Онъ такъ же могъ назвать себя странникомъ, — безъ родныхъ и безъ душевныхъ усладъ.

«*Сельское кладбище*» восхитило читателей, но не принесло утѣшеній самому автору. Онъ и въ дальнѣйшихъ стихотвореніяхъ не оставляетъ печальнаго тона, онъ, — еще молодой и цвѣтущій, — готовъ оплакивать весну своей жизни, уже безвозвратно минувшую, его любимая мечта — о концѣ житейской борьбы, о послѣднемъ часѣ.

Конечно, — въ краснорѣчивыхъ стихахъ есть нѣкоторое преувеличеніе чувства. Молодой поэтъ, несомнѣнно, не разстался бы легко съ жизнью, такъ рано его огорчившей. Но сущность настроенія вполнѣ правдива, она останется у Жуковскаго на всю жизнь. Въ ранней молодости онъ сильнѣе чувствовалъ горечь одиночества. Позже судьба подарила его также и радостями, но имъ пришлось бороться съ давнишней и глубокой печалью и борьба никогда не кончалась полной побѣдой свѣтлаго счастья подъ многолѣтнимъ горемъ.

Такая побѣда для Жуковскаго была возможна только въ

томъ случаѣ, если бы осуществилось его завѣтнѣйшее желаніе — имѣть семью. Въ семьѣ для поэта заключалось все лучшее, что въ состояніи жизнь дать человѣку. Его неизмѣнное убѣжденіе: истинно добрымъ и счастливымъ можетъ быть только семьянинъ. И Жуковскій стремился къ этой желанной цѣли всѣми силами души. Но судьба и здѣсь стала поперекъ дороги. Только подъ старость поэту удалось стать мужемъ и отцомъ, — да и то далеко не на радость. Въ семьѣ скоро и навсегда поселилась болѣзнь. Жена поэта впала въ неизлѣчимый нервный недугъ, — и Жуковскому пришлось молиться самому и просить у своихъ друзей молитвъ о терпѣніи, и о силахъ выносить ему горе безъ ропота.

Въ молодости мысль о жизни тихой, ясной, дѣятельной, посвященной истинному добру не покидаетъ Жуковскаго. Его не искушаетъ ни слава, ни всевозможные успѣхи въ литературѣ и въ обществѣ. Онъ хотѣлъ бы устроить свой домъ скромно и уютно и по мѣрѣ силъ быть полезнымъ всякому, кто ни попросилъ бы помощи. Повидимому, — столь немногаго желалъ поэтъ, — и это немногое оказалось недостижимымъ!

Первая же попытка Жуковскаго — устроить свою жизнь по задуманному плану — потерпѣла полную неудачу. Ему отказали въ рукѣ дѣвушки, которую онъ полюбилъ горячо въ первый и единственный разъ за всю свою молодость. И не только отказали, но даже запретили ему говорить о своемъ чувствѣ кому бы то ни было. И этотъ ударъ нанесла поэту женщина, любившая его, какъ родного, когда-то ласкавшая „Васеньку“, — а теперь не желавшая и слышать ничьихъ убѣжденій и просьбъ.

Дѣвушка, увлекшая Жуковскаго, была внучкой того же Бунина. Мать ея воспрепятствовала этому браку и осталась непреклонной. Ударъ для поэта тѣмъ болѣе чувствительный, что онъ былъ учителемъ дѣвушки, вмѣстѣ съ ней читалъ любимыхъ поэтовъ, для нея переводилъ и сочинялъ. Онъ и

позже будетъ безпрестанно вспоминать о ней въ своихъ стихотвореніяхъ и тосковать о незабвенномъ, навсегда утраченномъ счастьѣ.

Положеніе его стало еще тягостнѣе. Онъ ежеминутно долженъ подавлять свое чувство, невольно слѣдить за другими и сомнѣваться въ ихъ ласковыхъ рѣчахъ. Ему казалось, что у окружающихъ нѣтъ для него даже простой дружбы, и ему суждено одно лишь сиротство и одиночество.

Въ такомъ настроеніи Жуковскаго застала Отечественная война. Поэтъ поспѣшилъ вступить въ ополченіе, былъ свидѣтелемъ Бородинскаго сраженія, пережилъ патріотическое воодушевленіе, охватившее весь русскій народъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Оно внушило поэту стихотвореніе „*Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ*“ Поэтъ передавалъ общую всѣмъ рѣшимость—вести до конца кровавую расплату съ врагомъ, призывалъ месть на завоевателя, и выражалъ все это звучными и сильными стихами.

Поэма привела въ восторгъ современниковъ. Каждый изъ нихъ читалъ въ ней свои думы и желанія. Съ нея началась новая жизнь для поэта. Самъ онъ не ожидалъ никакой перемѣны въ своемъ горестномъ существованіи. Война не разсѣяла его одинокой тоски. Жуковскій могъ писать патріотическія стихотворенія,—но кровавая борьба не соотвѣтствовала его душевной кротости, и шумъ войны не принесъ ему ни одной минуты удовлетворенія. Только вѣра въ лучшее будущее, никогда не покидавшая поэта, спасала его отъ отчаянія и полнаго упадка духа. Въ самыя трудныя времена онъ не переставалъ надѣяться на Провидѣніе и повторять: „Все въ жизни—къ прекрасному средство“.

И надежда оправдалась неожиданно для него, и въ то самое время, когда, казалось, тьма кругомъ него становилась все гуще и мучительнѣе.

V.

„Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ достигъ Двора, привелъ въ восторгъ Императрицу, она приказала на свой счетъ напечатать стихотворенiе въ 1200 экземплярахъ и съ этихъ поръ стала покровительницей поэта. Счастье повернуло въ другую сторону,—и пора было! Жуковскаго не только принудили навсегда отказаться отъ надежды получить руку любимой дѣвушки, — но подвергли еще оскорбленiямъ и насмѣшкамъ. Онъ отплатилъ добромъ за зло, отдалъ все свое состоянiе въ приданое сестрѣ своей возлюбленной, помогъ ея матери устроить свадьбу,—а въ награду въ ея же семьѣ и даже женихъ публично поднялъ на-смѣхъ неразсчетливаго добряка и вѣрнаго рыцаря... Ничего больше не оставалось, какъ совсѣмъ уйти изъ негостепрiимнаго дома,—по крайней мѣрѣ на время заглушить страданiя сиротства поэзiей и славой.

Жуковскiй пишетъ посланiе императору Александру I, привѣтствуетъ его побѣду надъ врагомъ Россiи и всей Европы. Посланiе вызываетъ еще больше восторговъ, чѣмъ *„Пѣвецъ“*. Оно быстро разлетается по всей странѣ, его всюду читаютъ, какъ самое блестящее и краснорѣчивое выраженiе общенароднаго чувства. Оно становится лучшимъ украшенiемъ патрiотическихъ празднествъ.

При Дворѣ, уже оцѣнившемъ талантъ Жуковскаго, посланiе прочитывается въ кругу царской семьи. Слушатели прерываютъ чтенiе восторженными восклицанiями, поэтъ заставляетъ ихъ переживать вновь только что совершившiяся событiя, и они нѣсколько разъ повторяютъ чтенiе счастливыхъ стиховъ. Жуковскiй одновременно задумываетъ написать народный гимнъ, — вообще, является талантливѣйшимъ выразителемъ настроенiй, волновавшихъ русскихъ людей въ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ родной исторiи. Дворъ спѣшитъ отдать должное таланту и чувствамъ поэта. Его навсегда призываютъ

на службу въ царской семьѣ, круто мѣняютъ его одинокую, мирную жизнь, и эта перемѣна, наконецъ, приноситъ поэту въ первый разъ въ его жизни нравственное удовлетвореніе,— съ теченіемъ времени оно готово превратиться въ счастье, насколько счастье, вообще, доступно нашему пѣвцу грусти и печали.

На этотъ фактъ мы должны обратить все наше вниманіе. Обязанности, какія пришлось исполнять Жуковскому, оказались для него не простой службой, не выгоднымъ средствомъ къ жизни, а отвѣтомъ на многолѣтнюю тоску души одинокаго неудачника. Предъ нами—одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ, можно сказать,—исключительныхъ примѣровъ—сердечнѣйшаго единенія простого смертнаго съ людьми высшей власти, чисто-человѣческихъ отношеній подданнаго съ семьей государя. Съ тѣхъ поръ, какъ Жуковскій сблизился съ ней,—мы не слышимъ отъ него прежнихъ слезныхъ жалобъ на свою участь,—напротивъ, съ каждымъ годомъ поэтъ все тѣснѣе сживается съ своимъ новымъ положеніемъ, становится все болѣе *своимъ* въ кругу учениковъ, покровителей и почитателей. Онъ, часто единственный изъ близкихъ и совѣтниковъ Царя, рѣшается вступаться за осужденныхъ, лично обращается къ императору Николаю съ ходатайствомъ за такихъ лицъ, о какихъ обыкновенные придворные не осмѣлились бы даже намекнуть. До конца дней онъ становится общепризнаннымъ ходатаемъ за всѣхъ, въ комъ находилъ невольное увлеченіе молодости, чья жизнь сложилась при слишкомъ тяжелыхъ условіяхъ, кто былъ гораздо болѣе несчастнымъ, чѣмъ преступнымъ.

Глубокое знаніе человѣческаго сердца, и милосердіе всегда громко говорили устами человѣка, лично не мало потерпѣвшаго и на самомъ себѣ испытавшаго тяготу житейскихъ неудачъ. Трудно и пересчитать, кто только Жуковскому не былъ обязанъ спасеніемъ, облегченіемъ судьбы,—денежной помощью, нравственнымъ утѣшеніемъ.

Среди облагодѣтельствованныхъ не мало людей—знаменитыхъ, съ большими талантами, но съ печальными опытами въ жизни. Въ старое время не надо было даже впадать въ заблужденія и нарушать законы, чтобы попасть въ невыносимо-мучительное положеніе и запутаться въ безвыходную борьбу съ людьми. Достаточно талантливому человѣку родиться въ крѣпостномъ состояніи,—и вся жизнь легко превращалась въ драму. И мы знаемъ множество подлинныхъ исторій о томъ, какъ безплодно страдали и бились въ темнотѣ рабства многіе даровитые русскіе люди, имѣвшіе несчастье принадлежать по своему рожденію корыстнымъ и безсердечнымъ господамъ.

Жуковскій самъ могъ бы владѣть крѣпостными душами, но онъ поспѣшилъ отпустить ихъ на волю. Ему пришлось освободить и чужого раба, талантливаго малорусскаго поэта Шевченко. Только благодаря участію Жуковскаго,—Шевченко уже въ зрѣломъ возрастѣ сталъ свободнымъ. Онъ до самой смерти хранилъ чувство горячей благодарности къ своему освободителю. И Жуковскій, помимо освобожденія, не оставлялъ Шевченко дружеской поддержкой, заботился объ его талантѣ,—что̀ было особенно дорого для даровитаго, но крайне несчастнаго и одинокаго поэта. То же самое испытали и другіе,—Пушкинъ, Гоголь, Кольцовъ.

Къ Пушкину Жуковскій чувствовалъ истинно-отеческую любовь, безпрестанно ходатайствовалъ за пылкаго и неосторожнаго поэта то предъ его отцомъ, то предъ государемъ, умѣлъ превосходно объяснить и оправдать его юношескую горячность, открыть въ немъ глубоко-любящую, искреннюю и честную душу. Ему пришлось горько оплакивать смерть геніальнаго поэта и быть опекуномъ его дѣтей.

Благодаря Жуковскому, царская семья принимаетъ участіе въ Гоголѣ, обезпечиваетъ его во время болѣзни и, насколько возможно, облегчаетъ послѣдніе годы страдальца. Жуковскій

все время не спускаетъ глазъ съ великаго писателя и лучше самыхъ близкихъ родныхъ умѣетъ понять его затаенныя душевныя муки.

Не менѣе трогательна и исторія съ Кольцовымъ. Поэтъ-мѣщанинъ, взросшій въ темномъ провинціальномъ захолустьѣ, особенно нуждался въ поощреніи. Вниманіе всякаго виднаго человѣка поднимало Кольцова въ глазахъ семьи и родного города, вовсе не расположенныхъ цѣнить торговца скотомъ за его стихи и пѣсни. Жуковскій отлично это понялъ. Онъ былъ уже наставникомъ Наслѣдника и проѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ черезъ Воронежъ, совершая путешествіе по Россіи. Всю остановку въ этомъ городѣ Жуковскій провелъ съ Кольцовымъ, приглашалъ его къ себѣ, пилъ у него чай, гулялъ съ нимъ по городу. Отецъ поэта и особенно воронежцы не могли надивиться на такой почетъ ихъ земляку со стороны такого важнаго лица. Самъ Кольцовъ былъ глубоко тронутъ добротой Жуковскаго и въ письмѣ къ петербургскому знакомому издателю журнала такъ описывалъ свое счастье:

„Седьмого іюля былъ у насъ въ Воронежѣ дорогой гость Великій князь и съ нимъ — Василій Андреевичъ Жуковскій. Я былъ у него; онъ меня не забылъ. Какъ онъ меня принялъ, обласкалъ, что я не нахожу словъ! Всего вамъ пересказать много, много, много... И все хорошо, прекрасно. Едва ли ангелъ имѣетъ столько доброты въ душѣ, сколько Василій Андреевичъ. Онъ меня удивилъ до безумія. Я до сихъ поръ думаю, что это было со мною во снѣ. Да иначе и невозможно... Такъ что я не могу всего разсказать вамъ подробно. Словомъ, чудеса! Дай Богъ ему добраго здоровья. Я благоговѣлъ предъ нимъ. Пріѣздъ Василія Андреевича меня много осчастливилъ. Не только кой-какіе купцы, даже батенька не вѣрилъ кой-чему. Теперь увѣрились... Ничего, слава Богу! Много бы, много вамъ объ этомъ надобно поговорить, да не могу: душа чувствуетъ, да высказать не можетъ. Словомъ, мнѣ теперь жить и съ горемъ стало теплѣй дюже“.

Достаточно было бы одного такого письма, чтобы украсить біографію Жуковскаго. Но онъ на каждомъ шагу создавалъ такихъ счастливцевъ, — и не только самъ, но и побуждалъ своихъ друзей—не забывать гонимыхъ и беззащитныхъ. Среди нихъ, напримѣръ, возникло литературное общество. Собранія происходили очень весело, и они сообщали о своихъ успѣхахъ Жуковскому. Тотъ самъ принадлежалъ къ ихъ кружку, но горячо возмутился безпечными забавами пріятелей и ихъ равнодушіемъ къ чужой невзгодѣ.

Онъ написалъ имъ укоризненное писбмо, доказывалъ, что не зачѣмъ толковать о добрѣ, объ общей пользѣ, о хорошихъ, возвышающихъ душу стихахъ и не зачѣмъ смѣяться надъ плохими писателями. На это надо имѣть право,—а его не имѣютъ тѣ, кто равнодушно относится къ чужой судьбѣ, кто безучастно смотритъ на чужую гибель и бѣду.

И Жуковскій здѣсь же напоминалъ веселымъ друзьямъ, чья участь должна мучить ихъ совѣсть, и какой долгъ они должны выполнить.

Доступъ къ Жуковскому всегда былъ открытъ для просителей всякаго рода и званія. На лѣстницѣ въ его домѣ всегда толпились нищіе и никогда не получали отказа. Онъ иногда раздавалъ въ теченіе года громадныя суммы при своихъ скромныхъ средствахъ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ,— его добротой злоупотребляли, — пускали въ ходъ обманъ и даже наглость. Жуковскій терпѣливо снисходилъ къ виновнымъ и на укоризны друзей отвѣчалъ:

— „Э, господа, не браните его: бѣдность и не до того доводитъ“.

Понятно, какимъ живымъ примѣромъ могъ служить подобный наставникъ для своего воспитанника. Личность и жизнь Жуковскаго могли замѣнить для него всевозможныя правила нравственности: высшій образецъ доброты и человѣчности представлялъ собой самъ наставникъ, всегда чуткій, дѣятель-

ный и терпимый къ чужимъ ошибкамъ и проступкамъ. Лучшаго выбора для руководства умомъ и сердцемъ будущаго монарха нельзя было сдѣлать, — среди какихъ угодно знаменитыхъ ученыхъ и философовъ.

VI

Жуковскій постепенно достигъ своего высокаго назначенія. Сначала онъ — только чтецъ у императрицы, потомъ онъ преподаетъ русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, будущей матери Александра Николаевича. Уже на этихъ должностяхъ Жуковскій успѣлъ тѣсно сродниться съ царской семьей,—особенно увлекали его занятія съ великой княгиней. Для нея онъ сочинилъ русскую грамматику, переводилъ нѣмецкихъ поэтовъ; въ высшемъ обществѣ, гдѣ господствовалъ французскій языкъ, стали больше интересоваться русской литературой. Подъ вліяніемъ этого интереса по-русски перевели новѣйшіе дипломатическіе документы и переложили Библію съ славянскаго на современный языкъ. Самъ Жуковскій чувствовалъ себя счастливымъ. Въ его стихотвореніяхъ начинаютъ отражаться болѣе свѣтлыя настроенія, чѣмъ раньше. Поэтъ даже рѣшается сказать:

«Жизнь очнулась, ожила»....

И онъ правъ. Ему за искреннюю привязанность платятъ пристальнымъ вниманіемъ къ его личнымъ радостямъ и огорченіямъ. Когда впослѣдствіи умретъ любимая имъ дѣвушка, уже давно ставшая женой другого, и это горе жестоко отзовется въ вѣрномъ сердцѣ поэта, — царственная ученица поспѣшитъ утѣшить его, найдетъ для него новую дѣятельность, болѣе широкую и увлекательную. Это именно и будетъ званіе наставника при великомъ князѣ.

Получивъ назначеніе, Жуковскій счелъ нужнымъ приготовиться къ нему,—насколько могло хватить у него нравствен-

ныхъ и физическихъ силъ. Предстоящая работа завладѣла всей его душой. Онъ рѣшается распроститься съ прежней поэзіей ради другой,— несравненно болѣе высокой — и посвятить ей всю остальную жизнь. Оно не считаетъ себя въ правѣ — даже одной минутой жертвовать на какое-либо другое дѣло, кромѣ своей великой обязанности. Раньше, чѣмъ приняться за нее,— надо самому учиться, вдуматься въ мельчайшія подробности, усовершенствовать свои знанія и памѣтить твердый и прямой путь умственнаго развитія царственнаго питомца.

Жуковскій ѣдетъ за границу, и лично знакомится съ лучшимъ современнымъ порядкомъ воспитанія — швейцарскаго педагога Песталоцци.

Этотъ порядокъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ вкусамъ самого Жуковскаго. Песталоцци продолжительнымъ опытомъ личной жизни выработалъ свои воспитательныя правила, сдѣлавшія его имя знаменитымъ. Одно изъ самыхъ главныхъ заключалось въ личномъ примѣрѣ воспитателя для воспитанниковъ. Наставникъ долженъ дѣйствовать на своихъ учениковъ не столько своей ученостью, сколько убѣжденіями, поступками, всѣмъ своимъ нравственнымъ существомъ. Для воспитанниковъ онъ самъ долженъ быть поучительнѣйшей книгой.

Второе правило — сама жизнь должна быть основаніемъ воспитанія, всякое новое свѣдѣніе должно соотвѣтствовать потребностямъ жизни, объяснять жизнь и совершенствовать ее. Воспитанникъ долженъ научиться труду, пріучить себя къ упорной дѣятельности, необходимой для независимаго, честнаго человѣка. Наконецъ, третье правило, подчиняющее себѣ всѣ другія, — воспитанникъ долженъ усвоить прочныя чувства человѣколюбія, не забывать своего долга предъ другими, менѣе сильными и счастливыми, чѣмъ онъ самъ,—однимъ словомъ,—онъ долженъ быть другомъ и дѣятельнымъ защитникомъ народа.

Мы видимъ,—эти правила прекрасно соотвѣтствовали буду-

щему назначенію воспитанника Жуковскаго,—и воспитатель позаботился примѣнить вполнѣ науку Песталоцци въ своемъ дѣлѣ.

Въ Петербургѣ существовалъ пансіонъ пастора Муральта—друга и послѣдователя Песталоцци. Пансіонъ пользовался покровительствомъ государя Александра Павловича, въ немъ обучались дѣти изъ высшаго петербургскаго общества, — и изъ этого пансіона Жуковскій рѣшилъ взять лучшихъ преподавателей для великаго князя.

Но Жуковскій не только заимствовалъ у другихъ все цѣнное,—онъ самъ съ чрезвычайной добросовѣстностью обдумалъ общій планъ преподаванія наукъ. На выработку плана Жуковскій посвятилъ все свое время и всѣ свои знанія. Онъ писалъ, что у него уже не осталось ничего *личнаго*, что всякое новое свѣдѣніе, всякая мысль его интересуютъ только ради его будущаго ученика. Онъ изучаетъ исторію, вдумывается въ дѣятельность и характеры великихъ благодѣтелей человѣчества, — и здѣсь же соображаетъ, какъ все это передать своему питомцу, въ какихъ урокахъ представить краснорѣчивое прошлое, какъ ярче начертить ему пути его будущаго?

Такъ возникъ *планъ ученія*.

Съ самаго начала, согласно съ Песталоцци, Жуковскій позаботился не о количествѣ, а качествѣ и прочности знаній и умственное развитіе великаго князя неразрывно связалъ съ практической жизнью, съ личными наблюденіями, книгу слилъ съ дѣйствительностью. Воспитаніе должно создавать дѣятельнаго, добродѣтельнаго человѣка, сообщать воспитаннику все, что необходимо для общаго блага и, въ благѣ общемъ, для его собственнаго. Образованіе не должно ограничиваться разными научными свѣдѣніями, пусть оно будетъ просвѣщеніемъ, т. е. развитіемъ въ человѣкѣ нравственности. Въ этомъ и заключается его смыслъ. Поэтому, разсуждаетъ Жуковскій, оно одинаково необходимо и царскому сыну, и народу. Только

оно научаетъ каждаго человѣка, какъ слѣдуетъ ему поступать на его мѣстѣ, указываетъ правителю, какъ дѣйствовать благотворно на подданныхъ, а у самихъ подданныхъ развиваетъ уваженіе къ закону.

Естественно, — любопытнѣйшей наукой для царскаго сына должна быть исторія. Жуковскій всегда питалъ горячую любовь къ этой наукѣ. Еще въ ранней молодости онъ усердно читалъ историческія сочиненія, старался составить себѣ ясное представленіе о путяхъ, пройденныхъ человѣчествомъ, и объ ихъ конечныхъ цѣляхъ. Теперь онъ исторію называетъ *сокровищницей просвѣщенія царскаго*: она должна быть главною наукою Наслѣдника престола. Она воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, познакомитъ его съ нуждами его страны и его вѣка, внушитъ ему уваженіе къ человѣчеству.

Изученіе исторіи должно быть проникнуто и освѣщено религіознымъ чувствомъ, и Жуковскаго крайне безпокоилъ выборъ законоучителя. Онъ совершенно успокоился, познакомившись съ планомъ изученія закона Божьяго — протоіерея Павскаго. Этотъ наставникъ имѣлъ въ виду прежде всего воспитаніе сердца, развитіе въ воспитанникѣ человѣколюбія и терпимости, свободы отъ предразсудковъ и непрестанной мысли — о верховномъ судѣ Промысла надъ всѣми смертными, въ томъ числѣ и надъ государями.

Жуковскій вѣрилъ, что такое преподаваніе закона Божьяго воспитаетъ въ царскомъ сынѣ подчиненіе долгу, уваженіе къ праву, справедливости, свободѣ, просвѣщенію и научитъ царствовать для блага народа. Жуковскій не желалъ ничего лучшаго, чѣмъ этотъ планъ, и съ восторгомъ писалъ императрицѣ объ отцѣ Павскомъ:

„Мы протянемъ другъ другу руку, чтобы дѣйствовать сообща, всякій по своей части, на чистое сердце Вашего сына“.

Но Жуковскому поручалось руководство учебными занятіями Наслѣдника, — надзоръ за поведеніемъ великаго князя былъ

возложенъ на другое лицо, — оно вмѣстѣ съ поэтомъ раздѣлило великій трудъ и получило такое же право на благодарную страницу въ русской исторіи.

VII.

Капитанъ Мердеръ на первый взглядъ представлялъ изъ себя человѣка—вполнѣ обыкновеннаго, въ высшей степени скромнаго, даже мало замѣтнаго. Въ домѣ отца и въ школѣ онъ получилъ военное образованіе, былъ одиимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ перваго кадетскаго корпуса, потомъ поступилъ на службу. Въ сраженіи при Аустерлицѣ, одной изъ кровопролитнѣйшихъ битвъ русской арміи съ Наполеономъ, Мердеръ обнаружилъ блестящую храбрость, спасъ отъ плѣна своего полковаго командира. Тяжело раненый въ голову, онъ былъ представленъ императору Александру I, какъ отличный офицеръ.

Рана осудила Мердера на бездѣйствіе. Но онъ, не дождавшись конца лѣченья, снова вступилъ въ дѣйствующую армію и продолжалъ участвовать во всѣхъ сраженіяхъ жестокой войны 1806—1807 года. По заключеніи мира разстроенное здоровье заставило Мердера отказаться отъ фронта и поступить на службу въ тотъ же корпусъ, гдѣ онъ воспитывался. Здѣсь онъ оставался въ теченіе пятнадцати лѣтъ, неизмѣнно пользуясь любовью и уваженіемъ воспитанниковъ. Эти годы были въ высшей степени полезны и для самого Мердера, впервые развили въ немъ способности воспитателя, дали ему возможность тщательнѣе заняться самообразованіемъ и вообще стать достойнымъ того дѣла, какое ему предназначала судьба.

Въ 1823 году Мердеръ получаетъ болѣе видный постъ. Въ Петербургѣ учреждается школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Цѣли школы ставились очень высоко. Она должна была выпускать офицеровъ—умственно-образованныхъ и нравственно-развитыхъ, способныхъ сознательно и достойно вы-

полнять свой долгъ. Великій князь Николай Павловичъ принялъ школу подъ свое особое покровительство. Мердера наз-

Карлъ Карловичъ Мердеръ.

начили ближайшимъ начальникомъ и руководителемъ воспитанниковъ, и на новомъ мѣстѣ онъ обнаружилъ свой богатый

воспитательскій опытъ и превосходное сердце, умѣвшее понимать молодежь и вызывать въ ней любовь къ долгу и чести.

Великій князь ежедневно посѣщалъ школу, видѣлъ успѣшные труды Мердера, могъ оцѣнить его личныя достоинства и рѣдкую добросовѣстность. Лѣтомъ въ 1824 году, когда сыну Великаго князя исполнилось шесть лѣтъ, Мердеръ получилъ свое послѣднее и высшее назначеніе.

Двѣнадцатаго іюля онъ вступилъ въ свою должность и съ этихъ поръ не зналъ другихъ заботъ, другихъ цѣлей жизни, кромѣ неусыпнаго попеченія о своемъ воспитанникѣ. Онъ неотступно присутствуетъ при его учебныхъ занятіяхъ и играхъ, пристально слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, за каждой его мыслью, словомъ, онъ весь сосредоточивается на нравственномъ развитіи своего питомца, не знаетъ другихъ высшихъ радостей, кромѣ его успѣховъ, и другихъ болѣе глубокихъ огорченій, чѣмъ минуты его малодушія.

Въ теченіе десяти лѣтъ Мердеръ является воплощенной совѣстью великаго князя, не переставая работать надъ самимъ собой, перечитывая сочиненія лучшихъ писателей-педагоговъ, вдумываясь въ каждый случай изъ собственной практики.

Мердеръ — по воспитанію и службѣ, — военный — отнюдь не внесъ въ воспитаніе Великаго князя пристрастія къ военнымъ упражненіямъ. Онъ вполнѣ раздѣлялъ взгляды Жуковскаго на этотъ вопросъ, занимавшій очень много мѣста въ жизни Великаго князя. Ему безпрестанно, еще въ самомъ раннемъ возрастѣ, приходилось принимать участіе въ парадахъ, разводахъ, смотрахъ, во встрѣчахъ войскъ и съ теченіемъ времени самому проходить разныя военныя ступени, — отъ унтеръ-офицера до высшихъ офицерскихъ чиновъ.

Было въ высшей степени важно, чтобы увлеченіе военнымъ блескомъ не овладѣло фантазіей молодого Наслѣдника, и чтобы воспитатели умѣли сосредоточить мысли своего воспитанника на предметахъ, болѣе существенныхъ для будущаго правителя великаго народа.

Жуковскій не замедлилъ выразить свои опасенія вполнѣ откровенно въ письмѣ къ императрицѣ. Онъ возставалъ противъ соблазнительныхъ воинственныхъ игрушекъ, указывалъ на опасность для малолѣтняго Великаго князя—являться верхомъ на лошади на военныхъ торжествахъ. Онъ могъ вообразить себя взрослымъ человѣкомъ, и столь сильныя впечатлѣнія могли повредить его высшему назначенію — быть не генераломъ, а законодателемъ.

По поводу военнаго празднества въ Москвѣ, Жуковскій писалъ матери своего воспитанника:

„Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность? Государыня, простите мнѣ восклицанія,—но страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ—казарму... Не думайте, государыня, что я говорю лишнее, возставая съ такимъ жаромъ противъ незначущаго, повидимому, событія. Нѣтъ, государыня, не лишнее! Никакія правила, проповѣдуемыя учителями въ школахъ, не могутъ равняться въ силѣ съ впечатлѣніями ежедневной жизни“.

Мердеръ вполнѣ былъ согласенъ съ Жуковскимъ. Онъ такъ же боялся вредныхъ вліяній многочисленныхъ парадовъ на Великаго князя,—боялся, какъ бы онъ не убѣдился въ исключительной важности этихъ упражненій. Воспитатель рѣшился высказать свои мысли самому государю.

Онъ, какъ и Жуковскій, не могъ и не хотѣлъ удалить изъ программы занятій Великаго князя—военныя науки, – но онъ старался устранить мелочи и познакомить Наслѣдника только съ дѣйствительно необходимымъ. Онъ объяснялъ ему, что великій полководецъ долженъ быть прежде всего человѣкомъ образованнымъ, способнымъ дѣлить съ солдатами ихъ труды и опасности. Только къ такимъ вождямъ привязываются солдаты, а не къ тѣмъ, кого они видятъ только на парадахъ и ученьяхъ.

Государь согласился съ разсужденіями воспитателя, — и для Великаго князя было великимъ счастьемъ, что подлѣ него стояли столь просвѣщенные и здравомыслящіе люди. Особенно велика въ данномъ случаѣ заслуга Мердера, — лично мужественнаго, боевого офицера, но вполнѣ сумѣвшаго понять истинныя цѣли въ воспитаніи будущаго монарха. Жуковскій,— въ свою очередь,—и въ военныхъ занятіяхъ Великаго князя умѣлъ открыть чисто-человѣческія задачи. По его мнѣнію, Наслѣднику престола не было нужды быть образцовымъ солдатомъ, знать до тонкости тайны фронтовой службы. Военная наука должна развить въ немъ болѣе высокія качества—смѣлость, терпѣніе, расторопность, присутствіе духа, рѣшительность, хладнокровіе. Эти именно добродѣтели образуютъ воина въ истинномъ смыслѣ слова, — воина-товарища, испытывающаго тяжести службы и долга вмѣстѣ съ другими.

Такая служба укрѣпляетъ характеръ и благотворно дѣйствуетъ на умъ и сердце.

Мы видимъ, — какое единодушіе царило между первыми руководителями Великаго князя. Они оба съ полнымъ самоотверженіемъ приступили къ своей задачѣ — образовать и воспитать — монарха просвѣщеннаго, человѣколюбиваго, знающаго свой народъ, и его благо считающаго цѣлью всей своей жизни. Жуковскій отъ всего сердца привѣтствовалъ единеніе среди наставниковъ и видѣлъ въ немъ залогъ успѣха.

„Какое счастье“,—писалъ онъ императрицѣ, — „понимать другъ друга и взаимно помогать одинъ другому при исполненіи такой задачи!“

VIII.

Осенью 1827 года Жуковскій вернулся изъ-за границы. Его *планъ ученія* предусматривалъ всѣ подробности предстоящихъ занятій, обнималъ всѣ учебные предметы, тщательно

распредѣлялъ работу по періодамъ—до двадцатилѣтняго возраста Наслѣдника; главное вниманіе сосредоточивалъ на самостоятельномъ трудѣ воспитанника, на развитіи въ немъ твердой воли, здороваго взгляда на вещи и вѣрнаго пониманія окружающей дѣйствительности и своего будущаго назначенія. Ежедневно вечеромъ Великій князь долженъ былъ записывать исторію протекшаго дня. Праздничные дни также предполагалось посвящать полезнымъ, но болѣе легкимъ занятіямъ:—чтенію, ручной работѣ, гимнастическимъ упражненіямъ. Научное образованіе предстояло завершить путешествіемъ, личнымъ знакомствомъ Наслѣдника съ Россіей.

Государь одобрилъ *планъ*, и онъ немедленно сталъ выполняться.

Великому князю выбрали двухъ товарищей-сверстниковъ. Онъ долженъ вмѣстѣ съ ними заниматься, не разсчитывая ни на какое снисхожденіе и предпочтеніе. Между товарищами господствовало полнѣйшее равенство, и награды для нихъ предписывались одинаковыя. Высшей изъ нихъ считалось—право помогать нуждающимся. Была учреждена особая касса. Получившій въ теченіе недѣли отличныя отмѣтки,—могъ, по своему усмотрѣнію, облагодѣтельствовать какого-либо бѣдняка, и такимъ образомъ въ своихъ успѣхахъ находить радость не только для себя, но и для другихъ.

Великій князъ съ самаго начала обнаружилъ отличныя способности и быстро развивающійся умъ. Всѣ науки ему даются очень легко, отличныя недѣльныя отмѣтки—для него обыкновенное явленіе. Но одновременно съ быстротой успѣховъ — Великій князь страдаетъ недостаткомъ, приводящимъ часто въ отчаяніе наставниковъ. У него нѣтъ выдержки. Малѣйшее препятствіе его останавливаетъ, лишаетъ его энергіи, повергаетъ даже въ отчаяніе.

Пока дѣло само собой идетъ гладко и легко, Великій князь доволенъ, превосходно готовитъ уроки, отвѣчаетъ ихъ съ боль-

шимъ воодушевленіемъ. Но лишь только встрѣчается какое-либо затрудненіе, или работа оказывается неудовлетворительной неожиданно для самого ученика, благодаря его невниманію,— въ ту же минуту ученикомъ овладѣваетъ полное равнодушіе и безутѣшное горе. Онъ восторженно счастливъ отъ своихъ успѣховъ, бросается на шею тѣмъ, кто его хвалитъ,—но также горько принимается плакать отъ дурныхъ отмѣтокъ.

Наставникамъ приходится выносить трудную борьбу съ этимъ недостаткомъ воли. На него направлены главныя усилія Мердера. Воспитатель понимаетъ, сколько огорченій предстоитъ монарху, лишенному твердаго характера и вѣры въ свои силы.

Мердеру не трудно идти къ цѣли. Его воспитанникъ одаренъ идеально-прекраснымъ сердцемъ,—даже болѣе чувствительнымъ, чѣмъ это требуется для воспитанія. Онъ легко привязывается къ людямъ, проникается къ нимъ искренней и прочной благодарностью за ихъ заботливость о немъ, мучительнѣйшимъ наказаніемъ для него является ихъ горе, ихъ недовольство его поступками и недостатками. Онъ въ высшей степени чутокъ и совѣстливъ. Стоитъ сказать нѣсколько укорительныхъ словъ,—онъ немедленно сознаётъ свою вину и чувствуетъ себя несчастнымъ изъ-за того, что причинилъ огорченіе другимъ.

Мердеръ разсказываетъ множество подобныхъ случаевъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

„Во время урока фехтованія,—пишетъ Мердеръ,—я просилъ Великаго князя стоять прямо. Онъ, вмѣсто того, чтобы исполнить приказаніе, отвѣтилъ мнѣ:

— „Я стою прямо, какъ вы видите.

„Дабы не начинать лишняго спора, я замолчалъ. Но послѣ урока я ему представилъ неодобрительность его поведенія противъ меня и всю печаль, мнѣ причиняемую всякій разъ, что я вижу его поддающагося его склонности къ спору, которая болѣе ничего, какъ желаніе быть правымъ, даже когда виноватъ.

— „Ваше поведеніе, ваше высочество, разрушаетъ мое здоровье и увѣряю васъ, что попеченія мои о васъ не заслуживаютъ, чтобы вы были моимъ мучителемъ.

„Слова мои сильно тронули великаго князя, онъ заплакалъ и просилъ у меня прощенія“.

Другой случай произошелъ на урокѣ закона Божьяго. Великій князь былъ разсѣянъ и невнимателенъ. „Я,—разсказываетъ Мердеръ,—посовѣтовалъ быть внимательнѣе и проснуться. Но, видя, что онъ все опускается, я приказалъ ему встать. Это ему не понравилось, и онъ старался, видимо, выказать мнѣ свое неудовольствіе угрюмымъ видомъ. Видя, что я того не замѣчаю, онъ старался мнѣ это болѣе показать, принимая различныя позы. Тогда онъ получилъ приказаніе выйти тотчасъ изъ учебной комнаты, снять куртку и надѣть солдатскую шинель.

— „Я весьма сожалѣю, Великій князь, что вы себя такимъ образомъ разжаловываете. Вмѣсто того, чтобы сознаться въ винѣ вашей, быть благодарнымъ, что васъ останавливаютъ, вы показываете неудовольствіе противъ людей, достойныхъ полной вашей благодарности. Сегодняшнее поведеніе ваше растерзало мое сердце, тѣмъ болѣе, что никогда я ничего подобнаго не ожидалъ.

„Слова сіи болѣе чѣмъ наказаніе заставили его понять безразсудство его легкомысленнаго поведенія, въ особенности, когда о. Павскій выразилъ ему удивленіе свое видѣть въ немъ всѣ признаки постыднаго чувства неблагодарности въ отношеніи людей, которые должны быть ему всего дороже на свѣтѣ, ибо они у него—представители его совѣсти. Великій князь казался кающимся и глубоко понялъ свою вину“.

Чаще всего не требовалось даже и продолжительныхъ объясненій. Одна искренне сказанная фраза приводила Великаго князя въ себя и вызывала у него полное раскаяніе. Однажды онъ подалъ неудовлетворительную работу по русской исторіи. Преподаватель указалъ ему на его нерадѣніе и прибавилъ:

— „Хотѣлось бы плакать съ досады, ваше высочество, читая работу вашу, зная, что вы—надежда Россіи“.

Одинъ этотъ упрекъ растрогалъ Великаго князя, и онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

При такой добротѣ и такой развитой совѣсти воспитанника наставникамъ не приходилось прибѣгать къ серьезнымъ наказаніямъ. Величайшимъ лишеніемъ для Великаго князя было неудовольствіе отца, и ребенокъ чувствовалъ себя безконечно несчастнымъ, когда императоръ вечеромъ, послѣ бесѣды съ воспитателемъ, обращался къ сыну съ строгими словами:

— „Уходи, ты недостоинъ подойти ко мнѣ послѣ такого поведенія. Ты забылъ, что повиновеніе есть долгъ священный, и что я все могу простить, исключая неповиновенія“.

Для Великаго князя подобные случаи были цѣлыми событіями, и онъ употреблялъ всѣ силы, чтобы на экзаменахъ вполнѣ удовлетворить наставниковъ. Въ присутствіи отца пропадала всякая усталость и равнодушіе: отвѣты всегда были блестящими и приводили въ восторгъ учителей и родителей.

Именно чувство любви и привязанности сильнѣе всякихъ наставленій управляли поведеніемъ Великаго князя. Онъ горячо любитъ семью, всегда тоскуетъ при разлукѣ съ ней, и свиданіе для него—великій праздникъ. Однажды, когда ему было девять лѣтъ, онъ, при отъѣздѣ матери и сестры, записалъ въ своемъ дневникѣ: „27 апрѣля день былъ для меня памятный: милая моя мама и Мери уѣхали въ Одессу.—Я много плакалъ“. Эти слова прекрасно изображаютъ отношенія Великаго князя къ родной семьѣ—въ юномъ и зрѣломъ возрастѣ.

Столь же добрыми чувствами могли похвалиться и его наставники. Мердеръ сообщаетъ не мало случаевъ, когда съ особенной трогательностью выражалась привязанность къ нему

его юнаго воспитанника. Великій князь восторженно поздравляетъ его со днемъ ангела, приготовляетъ для него подарки, осыпаетъ любезностями, называетъ самыми нѣжными именами, крѣпко обнимая по нѣскольку разъ. Когда Мердеръ заболѣвалъ,—Великій князь удваивалъ прилежаніе въ занятіяхъ, чтобы не обезпокоить больного, и вотъ какъ самъ Мердеръ разсказываетъ объ его поведеніи.

„Нездоровье мое послужило мнѣ новымъ доказательствомъ привязанности Великаго князя ко мнѣ; видя меня слабымъ и страдающимъ, онъ заливался слезами, и только силой могли его отвести отъ моей постели“.

Такъ прошло нѣсколько дней. „Великій князь былъ неутѣшенъ“,—продолжаетъ Мердеръ,—„видя, что меня переносили изъ его комнаты въ квартиру, занимаемую моимъ семействомъ. Я самъ не могъ удержаться отъ слезъ. Его высочество навѣщалъ меня ежедневно по нѣскольку разъ, осыпалъ меня всевозможными ласками“.

Эта отзывчивость и въ высшей степени чуткая впечатлительность обнаруживались у Великаго князя вездѣ, не только въ домашней жизни. Онъ рано сталъ проявлять очень тонкую наблюдательность. Сердце, очевидно, являлось отличнымъ руководителемъ ума и на каждомъ шагу подсказывало будущему императору рѣчи и поступки, исполненные человѣколюбія и трогательнаго добросердечія.

IX.

Цѣль Жуковскаго, чтобы сама дѣйствительность развивала у Великаго князя наклонность къ добру,—достигалась съ такой же легкостью, какъ и учебные успѣхи юнаго питомца. Во время прогулокъ и путешествій онъ внимательно присматривается къ окружающимъ явленіямъ и часто высказываетъ

о нихъ поразительно вѣрныя сужденія,—особенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда у него предъ глазами людское горе.

Весной, предъ поѣздкой въ Варшаву вмѣстѣ съ императрицей, Великій князь спросилъ у Мердера, откуда возьмутъ такое множество лошадей для путешествія?.. Получивъ отвѣтъ, онъ прибавилъ:

— Какое несчастіе для бѣдныхъ мужиковъ, которые принуждены будутъ отдавать своихъ лошадей въ такое время, когда сами въ нихъ такъ нуждаются.

Подобныя мысли часто посѣщаютъ молодой умъ Наслѣдника. Его рано занимаетъ вопросъ о тяжелой участи людей, о быстро летящей жизни. Нерѣдко онъ говоритъ въ тонѣ философа, сострадающаго къ суетнымъ и безплоднымъ стремленіямъ и усиліямъ людей. Жуковскій будто успѣлъ передать ему грустное раздумье о человѣческой судьбѣ и скоротечности счастья. Царскій сынъ, окруженный величіемъ и блескомъ, самъ предназначенный для могущественнаго трона, уже съ дѣтства понимаетъ, сколько непрочнаго и призрачнаго въ этомъ блескѣ.

Однажды, еще только одиннадцати лѣтъ, великій князь разсуждалъ о человѣкѣ и высказалъ такое сравненіе:

„Человѣка я сравниваю съ ученикомъ, переходящимъ изъ одного училища въ другое; тотъ изъ учениковъ, который въ низшемъ училищѣ превзойдетъ образованіемъ товарищей, имѣетъ право подняться, занять въ высшемъ училищѣ почетное мѣсто; человѣкъ, окончивъ свое нравственное образованіе на землѣ, перейдетъ въ другую жизнь и, слѣдовательно, тамъ займетъ мѣсто по достоинству“.

На обратномъ пути изъ Варшавы Великому князю пришлось недалеко отъ Ковно проѣзжать мимо горы, съ которой Наполеонъ смотрѣлъ на переправу своей арміи—въ походѣ на Россію. Великій князь сорвалъ на память дубовую вѣтку и сказалъ:

— „Вотъ какъ все проходитъ... Ни Наполеона, ни страшной его арміи не существуетъ; осталась гора, и къ ней присоединилось преданіе“...

Несравненно болѣе незначительные случаи вызывали у Великаго князя тѣ же думы о человѣческой суетѣ. Услышавъ на урокѣ, что бриллiантъ—тотъ же уголь, только иначе кристаллизованный, онъ замѣтилъ:

— „Скажите, какая ничтожная вещь! А какъ люди стараются доставать бриллiанты, чтобы украшать себя“.

Прошлое неизмѣнно оставляетъ въ душѣ впечатлительнаго ребенка грустный отголосокъ. Онъ, глядя на комнаты,—свидѣтельницы его ранней дѣтской жизни,—еще разъ убѣждается, какъ скоро летитъ время и какъ многое оно уноситъ съ собой! Возвращаясь изъ путешествія домой, онъ спѣшитъ припомнить любимые уголки, обнимаетъ спутника воспитателя и, растроганный до слезъ, восклицаетъ:

— „Наконецъ, я дома, Боже мой! Здѣсь все, каждый кустикъ, каждая дорожка напоминаютъ мнѣ о какомъ-нибудь удовольствіи. Какое счастіе видѣть мѣста и людей, сердцу милыхъ, бывшихъ свидѣтелей нашихъ радостей!“

Впослѣдствіи, когда смертельная болѣзнь удалитъ отъ него Мердера, онъ будетъ писать къ нему за границу трогательнѣйшія письма. Онъ обѣщаетъ „милому, безцѣнному Карлу Карловичу“ — стараться приносить ему одно только удовольствіе, ждетъ, не дождется его возвращенія. Немедленно по отъѣздѣ „безцѣннаго друга“ онъ отправляется съ матерью въ ту комнату, гдѣ жилъ послѣднее время Мердеръ, и вмѣстѣ съ ней молится объ его выздоровленіи. Писать Мердеру для Великаго князя наслажденіе, его сердце открыто по-прежнему для любимаго наставника. Онъ не можетъ въ его отсутствіи отдаваться удовольствіямъ: „мысль, что мы не вмѣстѣ, милый мой другъ, пишетъ онъ, раздираетъ мнѣ каждый разъ сердце,

и я всегда готовъ плакать". И онъ безпрестанно молится, о свиданіи съ нимъ.

Окружающіе знаютъ эту глубокую привязанность и впослѣдствіи, по кончинѣ Медера, нѣкоторое время будутъ скрывать несчастье отъ Великаго князя. И оно было для него дѣйствительно тяжкимъ испытаніемъ,—даже самую разлуку съ Мердеромъ онъ считалъ „первымъ несчастьемъ", которое онъ испыталъ въ своей жизни.

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ
въ 1825 г. (7 лѣтъ).

Эти благородныя, истинно-царственныя свойства природы Наслѣдника бросались въ глаза всѣмъ, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ. Всегда находчивый въ бесѣдѣ, онъ очаровывалъ любезностью и умомъ людей всякаго состоянія. Даже при внезапныхъ встрѣчахъ и обращеніяхъ къ нему онъ не терялся и выходилъ изъ затрудненія, оставляя послѣ себя самыя восторженныя воспоминанія. И опять все то же чуткое сердце подсказывало ему поступки и слова, восхищавшіе русскихъ и иностранцевъ.

Однажды Великій князь вмѣстѣ съ отцомъ посѣтилъ казармы. Офицеръ, весь украшенный знаками отличія, въ восторгѣ отъ Великаго князя, обратился къ нему съ просьбой:

— „Я бы желалъ имѣть счастье—поцѣловать вашу руку.

— „Позвольте лучше мнѣ имѣть честь поцѣловать васъ,— сказалъ Великій князь, и съ этими словами бросился на шею къ изумленному офицеру, который послѣ поцѣлуя старался схватить руку его высочества, но Великій князь, увернувшись, снялъ фуражку, поклонился и, какъ стрѣла, пустился за государемъ“.

Разсказчикъ прибавляетъ:

„Можно себѣ вообразить, какое чувство овладѣло всѣми здѣсь бывшими свидѣтелями сего нечаяннаго происшествія... Можно ли не любить такого ребенка?“

Очевидно,—самоотверженіе воспитателей было достойно вознаграждено. Жуковскій и Мердеръ могли считать себя счастливыми, и особенно,— одинокій поэтъ, нежданно-негаданно нашедшій свою семью въ царскомъ дворцѣ. А Мердеръ, имѣвшій своихъ дѣтей во время службы при Великомъ князѣ,—умеръ съ послѣднимъ словомъ „*Александръ*“ на устахъ.

ПЕТУНИН

Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ 1827 году (9 лѣтъ).

Въ высшей степени любопытно, что нравственныя черты Великаго князя ярко отражаются и въ его школьныхъ работахъ. Онъ вноситъ въ свои упражненія все ту же любящую душу, ту же поэтически-вдумчивую мысль и рыцарское сердце. Воспитатели и наставники сумѣли направить свои уроки къ одной цѣли нравственнаго совершенствованія будущаго монарха и рано достигли благодарныхъ плодовъ.

X.

Предъ нами—двѣ ученическихъ работы Великаго князя,—къ сожалѣнію, слишкомъ мало. Ихъ было множество и тѣмъ болѣе интересныхъ, что онѣ печатались одновременно съ работами сверстниковъ Александра Николаевича въ особомъ журналѣ *„Муравейникъ“*.

Журналъ этотъ издавался исключительно для поощренія авторскихъ наклонностей Великаго князя, его сестеръ—Маріи Николаевны и Ольги Николаевны, и товарищей Цесаревича. Упражненія всѣхъ этихъ юныхъ авторовъ появлялись въ журналѣ за подписью разныхъ инициаловъ.

Предъ нами одно сочиненіе Великаго князя на русскомъ языкѣ, другое на французскомъ. Русское написано, когда автору было тринадцать лѣтъ, французское—годомъ позже. Тема русскаго — характеристика Александра Невскаго. Языкъ въ высшей степени литературный, теченіе мысли вполнѣ свободное и увлекательное. Нѣкоторыя строки живо напоминаютъ обаятельнаго ребенка, виновника только что разсказанныхъ трогательныхъ случаевъ. Мы приведемъ цѣликомъ все сочиненіе.

Александръ Невскій.

Александръ и въ юности былъ чувствителенъ къ красотамъ природы: онѣ всегда возносили душу его ко Всевышнему.

Однажды въ пустынномъ мѣстѣ застигла его ночь; отъ усталости онъ погрузился въ сонъ; утро занималось, когда онъ пробудился, на краю востока сверкала звѣзда, предшественница солнца.

Александръ увидѣлъ, что онъ находился на возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ утесами; все было дико; но между терновникомъ цвѣли прекрасныя лиліи. Съ высоты представлялось необъятное пространство, еще́ покрытое мракомъ. Но

скоро сей мракъ началъ рѣдѣть: открылась глазамъ обширная равнина, усѣянная замками, рощами, позади коей извивалась пышная рѣка, и повсюду являлись спокойныя жилища человѣческія.

Небо между тѣмъ болѣе и болѣе воспламенялось; наконецъ, утренняя звѣзда начинаетъ блѣднѣть и исчезаетъ въ блескѣ восходящаго солнца.

Александръ долго смотрѣлъ на сіе величественное зрѣлище-наконецъ, онъ понялъ его таинственное знаменованіе, сло; жилъ руки, палъ на колѣни и, рѣшившись въ глубинѣ душа быть для народа своего тѣмъ, что солнце сіе для всего міри смиренно произнесъ: *да будетъ Твоя воля.*

Александръ исполнилъ то, что въ эту минуту обѣщалъ себѣ и Богу: онъ сдѣлался образцемъ государей и героевъ. Свое княженіе въ Новѣгородѣ ознаменовалъ онъ блистательными побѣдами. Но исторія еще болѣе удивляется его истинно-христіанскому смиренію. Его подданные, не привыкнувъ переносить иго татаръ, возмущались и убивали посланныхъ для собиранія податей; Александръ, чувствуя, что подобное сопротивленіе только увеличитъ бѣдствіе Россіи, а не спасетъ ея, забывалъ свое достоинство и смиренно испрашивалъ помилованія подданнымъ у надменныхъ татарскихъ хановъ.

Россія въ знакъ благодарности за его самопожертвованіе для блага общаго, причислила его къ лику *Святыхъ.*

Это сочиненіе было напечатано въ „*Муравейникѣ*“ за подписью *А. Р.*, т. е. Александръ Романовъ.

Изъ французскаго упражненія мы можемъ привести только отрывокъ. Онъ называется „*Колумбъ въ оковахъ*“.

Colomb dans les fers

Colomb, celui qui le premier conçut l'idée de l'existence d'un continent à l'Occident de l'Europe, celui qui, malgré les obstacles que lui présentaient et la superstition de ses matelots et le manque de notions sur ces contrées, osa le premier braver les flots et s'enfoncer dans l'intérieur de l'Océan, celui enfin qui donna un Monde Nouveau à l'ancien, était destiné à avoir le même sort que la plupart des grands hommes, c'est-à-dire supporter l'ingratitude.

Excellent début

Malgré les services inouis qu'il rendit à sa patrie, ses ennemis parvinrent à le calomnier tellement aux yeux de Ferdinand, que le Roi fut forcé d'envoyer un gouverneur pour surveiller sa conduite. Cet homme, appelé Bobadilla sans aucun jugement le fit enchaîner et conduire en Espagne. On peut se présenter les sentiments qui devaient naître dans le cœur du grand

Буквальный переводъ:

„Колумбъ—тотъ, который первый усвоилъ мысль о существованіи материка на западъ отъ Европы, тотъ, который, несмотря на препятствія, какія ему представляли—и суевѣріе его матросовъ, и отсутствіе свѣдѣній о тѣхъ странахъ,—сумѣлъ первый отважиться противъ волнъ и пуститься вдаль океана,—наконецъ, тотъ, который подарилъ вселенную новымъ міромъ,—былъ предназначенъ—имѣть тотъ самый жребій, какъ и большая часть великихъ людей, т. е. пострадать отъ неблагодарности.

„Несмотря на неслыханныя услуги, какія онъ оказалъ своему отечеству, его врагамъ удалось такъ оклеветать его въ глазахъ Фердинанда, что король былъ вынужденъ послать новаго губернатора—наблюдать за его поведеніемъ. Этотъ человѣкъ, по имени Бовадилла, безъ суда приказалъ заковать Колумба и привезти въ Испанію. Можно себѣ представить чувства, которыя должны были возникнуть въ сердцѣ великаго адмирала".

Мы видимъ, начало работы вызвало похвальную отмѣтку учителя,—*превосходное вступленіе*. Но оно представляло большой интересъ не только для преподавателя французскаго языка. Воспитатели могли видѣть, какое сильное впечатлѣніе производятъ на Великаго Князя ихъ нравственныя внушенія, какое сердечное участіе испытываетъ онъ къ добродѣтелямъ народолюбивыхъ правителей и къ дѣламъ неправо-гонимыхъ великихъ людей. Жуковскій могъ радостно читать похвалы своего воспитанника скромному самоотверженію Александра Невскаго, его мирному правленію, его заботамъ объ общемъ благѣ.

Въ этихъ похвалахъ сказывались политическіе взгляды самого воспитателя. Жуковскій излагалъ ихъ ясно и, по обыкновенію, вполнѣ откровенно. Истинное могущество государства заключается не въ его обширныхъ предѣлахъ, а въ его благоденствіи. И въ особенности Россія не нуждается въ завое-

ваніяхъ: они только могутъ омрачать величественную картину внутреннихъ улучшеній.

Линейный казакъ.

Снимокъ съ рисунка Цесаревича Александра Николаевича.

И Жуковскій приводилъ въ примѣръ Наполеона. Его могущество, основанное на завоеваніи и насиліи, такъ же быстро рухнуло, какъ и возникло. У Россіи есть другія, несравненно болѣе высокія цѣли—просвѣщеніе, духовное развитіе народа, укорененіе въ немъ человѣческаго и гражданскаго достоинства.

Великій Князь, несомнѣнно, много разъ слышалъ подобныя разсужденія отъ своего наставника,—и они помогли ему убе-

Уланъ.

Снимокъ съ рисунка Цесаревича Александра Николаевича.

речься отъ увлеченій военнымъ блескомъ и военной славой, столь свойственныхъ юному возрасту.

За время ученичества остались единственные слѣды военныхъ интересовъ Наслѣдника—его рисунки,—и этими интересами онъ обязанъ преимущественно своему учителю рисованія—Зауэрвейду. Это,—по происхожденію, сынъ нѣмецкаго актера, по таланту,—видный художникъ, по должности,—профессоръ батальной живописи въ петербургской академіи художествъ, т. е. учившій своихъ учениковъ рисовать сцены сраженій и вообще военнаго быта. Спеціальность Зауэрвейда должна была отразиться на рисовальныхъ упражненіяхъ Великаго Князя. Образцами могутъ служить два рисунка.

Линейный казакъ и *Уланъ*. Оба рисунка исполнены, когда Наслѣднику шелъ шестнадцатый годъ, и по нимъ можно судить о немаломъ искусствѣ молодого рисовальщика, избравшаго довольно трудныя положенія для своихъ рисунковъ.

Но выше всѣхъ этихъ способностей стояли блестящія надежды, какія подавалъ Великій Князь, какъ просвѣщенный человѣкъ и будущій милостивый монархъ. Всѣ похвальные отзывы учителей о научныхъ успѣхахъ Наслѣдника русскаго престола, какъ бы лестно они ни свидѣтельствовали объ его способностяхъ, не могли по своему значенію сравниться съ слѣдующими словами наставника въ письмѣ къ императрицѣ объ ея сынѣ, когда ему исполнилось уже шестнадцать лѣтъ, и въ немъ вполнѣ опредѣлился будущій *царь-человѣкъ*:

„Я,—писалъ Жуковскій,—былъ пѣвцомъ его рожденія,—все носило на себѣ какой-то пророческій отпечатокъ въ эту минуту, на вѣкъ незабвенную для моего сердца! Все то, что̀ вылилось въ то время изъ-подъ пера моего по вдохновенію, можетъ служить какъ бы заглавнымъ листомъ всей его жизни“.

XI.

По законамъ русской имперіи шестнадцатилѣтнему Наслѣднику исполнилось совершеннолѣтіе, и онъ въ самый день

своего рожденія долженъ былъ принести присягу въ вѣрности Государю и отечеству. Семнадцатое апрѣля 1834 года пришлось во вторникъ Страстной недѣли, и торжественный обрядъ отложили до Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Цесаревичу заранѣе предстояло приготовиться къ первому великому акту своего царственнаго призванія. Приготовленіе Императоръ поручилъ знаменитѣйшему среди современныхъ государственныхъ людей—Сперанскому. Законоучитель съ своей стороны велъ бесѣды съ Великимъ Княземъ о смыслѣ предстоящаго обряда. Онъ объяснялъ своему ученику, что принести присягу—значитъ обѣщать предъ Самимъ Богомъ—служить всѣми силами ума и тѣла Государю и отечеству, не отступать даже предъ самопожертвованіемъ, помнить, насколько велика задача — управлять милліонами подданныхъ различныхъ по языку, состоянію, чувствамъ, нравамъ и религіи.

Наслѣдникъ глубоко проникался этими наставленіями. Не довѣряя своимъ нравственнымъ силамъ, онъ однажды невольно воскликнулъ: „рано бы“! Онъ горько сожалѣлъ, что въ столь великую минуту нѣтъ съ нимъ любимаго друга-воспитателя. Мердеръ въ это время доживалъ послѣдніе дни за границей. Великій Князь описывалъ своему „второму отцу“ чувства, волновавшія его наканунѣ знаменательнаго дня. Но его послѣднее письмо нашло Мердера уже мертвымъ.

Съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Наслѣдникъ слова присяги и въ концѣ, при заключительной молитвѣ, слезы прервали его голосъ. Плакали Императоръ и Императрица, прослезились и всѣ свидѣтели трогательной сцены. Великій Князь пожелалъ ознаменовать торжество дѣлами благотворительности. Значительныя суммы были посланы генералъ-губернаторамъ обѣихъ столицъ для раздачи бѣднымъ. Посылки сопровождались рескриптами Наслѣдника, — и къ Москвѣ Великій Князь обращался съ особенно глубокимъ чувствомъ.

„Москва, — писалъ онъ, — есть любезная моя родина. Богъ

далъ мнѣ жизнь въ Кремлѣ. Да позволитъ Онъ, чтобъ сіе предзнаменованіе совершилось; чтобъ я въ остающіеся мнѣ годы первой молодости могъ съ успѣхомъ приготовиться къ ожидающимъ меня обязанностямъ; чтобы со временемъ, исполняя оныя, могъ заслужить одобреніе моего Государя-родителя, какъ сынъ вѣрноподданный, и уваженіе Россіи, какъ русскій, всѣмъ сердцемъ привязанный ко благу любезнаго отечества".

Послѣ совершеннолѣтія ученье Великаго Князя продолжалось еще въ теченіе трехъ лѣтъ и, по плану Жуковскаго, завершилось путешествіемъ по Россіи. Александръ Николаевичъ долженъ былъ ознакомиться съ русской землей и русскимъ народомъ. Знакомство на первый разъ не могло быть подробнымъ и всестороннимъ. Свѣдѣнія могли быть собраны только отрывочныя. Путешественнику предстояло обозрѣть слишкомъ много совершенно новыхъ для него предметовъ. На каждомъ шагу возникали сложные вопросы народной и государственной службы. Все это отмѣтить и понять съ перваго взгляда являлось дѣломъ неисполнимымъ. Но за то въ памяти Цесаревича навсегда врѣзывалось множество глубокихъ и сильныхъ впечатлѣній.

Переходъ отъ покойной, безоблачной, счастливой жизни дворца къ разнообразнымъ наблюденіямъ и встрѣчамъ—былъ слишкомъ рѣзкимъ, чтобы не взволновать впечатлительной и отзывчивой души Великаго Князя. Онъ въ первомъ разцвѣтѣ молодости, переполненный думами о своемъ великомъ и отвѣтственномъ будущемъ, только что закончившій многолѣтніе курсы наукъ,—жадно всматривается въ окружающую жизнь, невольно останавливаетъ свое вниманіе на сценахъ и фактахъ, напоминающихъ ему его неразрывную связь съ родной страной и ея народомъ.

Его всюду восторженно привѣтствуютъ. Толпы знатныхъ и простыхъ встрѣчаютъ и провожаютъ его, какъ высшую надежду государства. Онъ еще ничего не сдѣлалъ для этихъ лю-

дей, а между тѣмъ они видятъ въ немъ свою радость и счастье. Цесаревичъ не можетъ не отозваться на эти пока незаслуженные восторги, и онъ, въ порывѣ молодого чувства благодарности, снова повторяетъ торжественные обѣты присяги: быть благодѣтелемъ своего народа.

Никакое время дня не останавливало населеніе. На всемъ пути города сіяли огни, улицы переполнялись народомъ, свита едва могла охранять Великаго Князя отъ напора толпы, до его слуха долетали крики благодарности Царю за то, что онъ прислалъ своего Наслѣдника къ своему народу. Исторія путешествія—сплошная повѣсть о всенародной радости. Спутники Великаго Князя разсказываютъ, какъ эта радость у крестьянъ выражалась безъ всякаго раболѣпства, съ простымъ сердечнымъ чувствомъ почтенія. Предъ будущимъ Царемъ явился народъ—простодушный, но умный, глубоко-преданный своимъ государямъ, но свободный отъ безсмысленнаго удивленія и малодушныхъ униженій. Именно такое впечатлѣніе произвели на Жуковскаго, сопутствовавшаго Цесаревича, крестьяне приволжскихъ деревень, и онъ писалъ одно за другимъ восторженныя письма къ матери своего питомца.

„Великій Князь,—говорилъ онъ,—будетъ счастливъ самымъ чистымъ счастьемъ, и это счастіе будетъ плодотворно для его будущаго и для будущей Россіи“.

Предсказаніе Жуковскаго начало исполняться еще въ время путешествія. Въ самомъ концѣ мая Цесаревичъ переѣхалъ границу Европейской Россіи и Сибири. Богатый край, все еще полупустынный и дикій, встрѣтилъ Наслѣдника печальными картинами. Онъ ѣхалъ будто по золоту, кругомъ были разсѣяны золотые пріиски, каждый шагъ свидѣтельствовалъ о неисчерпаемомъ богатствѣ края,—но навстрѣчу безпрестанно попадались толпы ссыльныхъ. Среди нихъ находились люди, когда-то принадлежавшіе къ высшему обществу, блестяще образованные и талантливые. Судьбѣ угодно было подвергнуть

ихъ жестокимъ испытаніямъ, и теперь они съ надеждой ждали сына Царя.

Они встрѣтили его съ полной покорностью судьбѣ, съ истинно-христіанской кротостью,—и уже эти чувства взывали къ состраданію и прощенію. Великій Князь понялъ несчастныхъ и немедленно отправилъ письмо къ отцу съ ходатайствомъ за нихъ. Жуковскій, въ свою очередь, написалъ къ Императрицѣ; на своемъ трогательномъ поэтическомъ языкѣ онъ описывалъ горе страдальцевъ, оторвашыхъ отъ родины и всего имъ близкаго, изображалъ ихъ единственное упованіе на царскаго сына...

Мольбы не остались безъ отвѣта. Еще на возвратномъ пути изъ Сибири Великій Князь получилъ письмо Императрицы. Оно извѣщало о прощеніи и возвращеніи изъ Сибири ссыльныхъ, за которыхъ ходатайствовали онъ и Жуковскій. Поэтъ поспѣшилъ описать счастливую минуту Императрицѣ:

„Не могу не подѣлиться съ Вами, какъ доброю матерью, тою радостью, которую произвелъ во мнѣ этотъ произвольный порывъ къ милосердію въ нашемъ миломъ Цесаревичѣ. Я поцѣловалъ съ жаромъ Великаго Князя, а послѣ мнѣ стало жаль, что я не поцѣловалъ у него руку. Я видѣлъ предъ собою не милаго своего питомца, а великаго царскаго сына. Боже мой! Какими глазами будетъ смотрѣть Россія на этого милаго сына царскаго! Не покажется ли нашъ милый Цесаревичъ всѣмъ,—и страждущимъ, за вину изгнанникамъ, и страждущимъ безъ вины отцамъ, матерямъ, братьямъ, сестрамъ и роднымъ, и всѣмъ, у кого въ груди есть сердце,—не покажется ли онъ чистымъ ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба, примирителемъ и посредникомъ. Сколько ранъ будетъ исцѣлено, и сколько слезъ и молитвъ благодарныхъ прольется предъ Богомъ за отца и сына“.

Поэтъ говорилъ о дѣйствительныхъ ранахъ, которыми страдала Россія. Въ его рѣчи не было ни одного слова преуве-

личеннаго, и онъ видѣлъ самыя настоящія слезы и слышалъ горячія давнишнія молитвы. Еще, можетъ быть, никогда Наслѣднику престола не приходилось возлагать на себя корону среди стольких ожиданій и надеждъ своихъ подданныхъ. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ эти надежды становились пламеннѣе.

XII.

Послѣ путешествія по Россіи, Цесаревичъ объѣхалъ западную Европу и по возвращеніи домой приступилъ къ практической наукѣ государственнаго управленія. Государь повелѣлъ ему присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ сначала безъ права голоса, позже 16 августа 1841 года, въ день бракосочетанія Великаго Князя съ дочерью великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, назначилъ его членомъ Совѣта, и съ тѣхъ поръ Наслѣдникъ принимаетъ дѣятельное участіе въ работахъ высшихъ правительственныхъ учрежденій.

Для будущей дѣятельности Александра Николаевича имѣло особенное значеніе предсѣдательство въ секретныхъ комитетахъ, назначенныхъ для рѣшенія вопроса объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Императоръ Николай ясно видѣлъ ихъ тяжелое положеніе и въ теченіе всего царствованія не забывалъ о настоятельной необходимости исправить зло.

Но на пути къ полному излѣченію недуга стояло множество могущественныхъ препятствій.

Цѣль комитетовъ была—изыскать средства, по крайней мѣрѣ, облегчить зло, ограничить власть помѣщиковъ, оградить крестьянъ отъ господскихъ злоупотребленій властью и правами, отъ посягательства душевладѣльцевъ на имущество ихъ крестьянъ. Всѣ эти мѣры обсуждались подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Цесаревича. Рѣшительную отмѣну крѣпостныхъ порядковъ комитеты не находили пока возможной и предполагали—улучшить положеніе крестьянъ постепенными мѣрами.

Эти мѣры быстро доказали свою безплодность. Старанія правительства охранить крестьянъ, ихъ личность и имущество отъ насилія помѣщиковъ не достигали замѣтныхъ успѣховъ. Законъ разрѣшилъ помѣщикамъ давать свободу крестьянамъ за извѣстныя повинности. Воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ нашлось, къ сожалѣнію, слишкомъ мало охотниковъ, и было вполнѣ ясно, что сами дворяне не рѣшатся разстаться съ своими наслѣдственными правами.

Впослѣдствіи самъ Императоръ Александръ засвидѣтельствуетъ въ Государственномъ Совѣтѣ неудачу правительственныхъ попытокъ — помочь крестьянамъ, сохраняя въ то же время права помѣщиковъ.

Это время еще далеко, и пока будущій Освободитель является дѣятельнымъ исполнителемъ предписаній своего отца. Въ отсутствіи Императора изъ столицы онъ становится во главѣ высшаго управленія. По мысли отца, сынъ долженъ показать Россіи, что онъ достоинъ своего высокаго званія,— и Цесаревичъ вполнѣ оправдываетъ надежды Государя. На него возложены также многочисленныя военныя обязанности. Онъ состоитъ командиромъ гвардейской пѣхоты и пользуется этимъ званіемъ—для внимательнаго изученія нуждъ солдатъ.

Современники-очевидцы, много лѣтъ спустя, съ горячимъ чувствомъ благодарности вспоминали объ истинно-человѣческомъ отношеніи Наслѣдника къ своимъ войскамъ.

Одинъ изъ старыхъ гвардейцевъ такъ вспоминаетъ это далекое прошлое:

„Въ тѣ поры Александръ Николаевичъ былъ еще молодой человѣкъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силъ, полный, стройный, румяный. Черты лица его поразительно напоминали Императрицу Александру Θеодоровну, а большіе голубые глаза, съ быстрымъ, величественнымъ взглядомъ,—Императора Николая. Наслѣдникъ престола привлекалъ къ себѣ любовь гвардейцевъ добротою своей души и ласковымъ, человѣчнымъ

обхожденіемъ, представлявшимъ отрадную противоположность съ крутыми, безчеловѣчными пріемами большинства командировъ того крутого времени. Цесаревичъ взыскивалъ рѣдко и неохотно, за то весьма часто и охотно ходатайствовалъ за провинившихся передъ Государемъ-родителемъ и передъ своимъ августѣйшимъ дядею, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, командиромъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ".

Наслѣдникъ входилъ въ мельчайшія подробности быта солдатъ. По его распоряженіямъ, улучшено ихъ продовольствіе, и вообще весь домашній обиходъ. Великій Князь находилъ время—лично просматривать отчеты по полковому хозяйству и дѣлалъ это ежемѣсячно. Его приказы по начальству всегда отличаются искреннимъ, часто задушевнымъ тономъ, если только командиры, дѣйствительно, честно заботились о солдатахъ. Впослѣдствіи, въ тяжкія времена севастопольской войны, Императоръ рескриптомъ на имя Наслѣдника будетъ благодарить его за „отеческую заботливость" о войскахъ и выразитъ надежду, что ихъ служба вознаградитъ Великаго Князя за его труды.

Императоръ не ошибся. Его царствованіе закончилось печальными событіями, потрясшими всю страну. Война началась съ Турціей, но за нее встали сильнѣйшія державы западной Европы — Англія и Франція. Турція, кромѣ того, разсчитывала на помощь Пруссіи и Австріи. Противъ Россіи снова ополчилась вся Европа, какъ это было во время похода Наполеона на Москву, и на этотъ разъ вражда Европы грозила нашему отечеству гораздо сильнѣйшими опасностями. Въ двѣнадцатомъ году европейскіе государи только изъ страха предъ французскимъ императоромъ отправляли свои арміи на Россію,—теперь они добровольно спѣшили воспользоваться случаемъ и нанести рѣшительный ударъ могуществу царя.

Этого рѣшенія менѣе всего можно было ожидать отъ Евро-

пейскихъ государствъ, какъ христіанскихъ державъ. Россія начала войну съ Турціей ради защиты христіанъ на Востокѣ. Турція нарушала договоры, заключенные раньше съ Россіей о правахъ православныхъ въ Палестинѣ. Но этотъ общечеловѣческій, христіанскій вопросъ отступилъ на задній планъ предъ недовольствомъ европейскихъ правительствъ политической силой русскаго императора. Даже Австрія заняла враждебное положеніе и съ этихъ поръ обезсмертила въ исторіи позорную „австрійскую благодарность“.

Всего за четыре года предъ разрывомъ съ Турціей Императоръ Николай спасъ австрійскую монархію отъ неминуемаго распаденія. Возстала Венгрія и потребовала полной независимости отъ нѣмецкой царствующей династіи. Русскія войска усмирили возстаніе,—и теперь Австрія отплачивала за услугу явнымъ сочувствіемъ врагамъ Россіи и христіанства. Пруссія, считавшаяся также въ дружбѣ съ Россіей, начинала колебаться.

Грозная туча повисла надъ Императоромъ и его державой. Она сломила нравственныя силы царя, болѣзнь помогла горю и свела царя въ могилу, — почти внезапно, неожиданно для его подданныхъ и враговъ.

Война длилась уже около двухъ лѣтъ съ Турціей и съ ея союзниками. Она сосредоточилась въ Крыму, у Севастопольской крѣпости и въ Закавказьѣ. Осада Севастополя — одна изъ самыхъ кровавыхъ и героическихъ исторій въ военныхъ лѣтописяхъ. Съ самаго начала борьба противниковъ оказалась неровной. Враги постоянно и легко получали подкрѣпленія людьми и припасами, — русскіе, напротивъ, были осуждены на всевозможныя лишенія. На обширномъ степномъ югѣ Россіи не существовало удобныхъ путей сообщенія. Громадная пустыня отдѣляла дѣйствующую армію отъ центра Россіи. Малѣйшая порча дорогъ отъ непогоды замедляла доставку необходимѣйшихъ предметовъ. Затрудненія еще уве-

личивались многочисленными безпорядками въ военномъ управленіи. Война обнаружила всѣ недостатки дореформеннаго положенія страны. Русскія войска оказались несравненно хуже вооруженными, чѣмъ ихъ противники, не имѣли стройнаго хозяйственнаго управленія и достаточно честныхъ, безкорыстныхъ людей. Казнокрады и взяточники обнаруживались на каждомъ шагу и до послѣдней степени увеличивали бѣдствія несчастныхъ войскъ.

Все это Императору было извѣстно, и онъ переживалъ мучительнѣйшія минуты своей жизни. Власть переходила къ новому Государю среди великихъ затрудненій во внѣшней политикѣ и безчисленныхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ внутренняго порядка государства. Императоръ Николай шелъ навстрѣчу смерти, преисполненный тяжелыхъ думъ о громадной задачѣ, какую онъ завѣщевалъ своему Наслѣднику.

Когда Императоръ доживалъ послѣдніе часы, между нимъ и сыномъ произошла глубоко-трогательная прощальная бесѣда. Ее впослѣдствіи пересказалъ самъ Императоръ Александръ, принимая Государственный Совѣтъ немедленно послѣ кончины отца.

Государь, готовый передать навсегда верховную власть своему преемнику, говорилъ:

— Сдаю тебѣ мою команду, но, къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ, какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и работъ.

Сынъ отвѣчалъ умирающему:

— Ты, вѣрно, будешь *тамъ* молиться за твою Россію и за дарованіе мнѣ помощи.

— О, вѣрно, буду...

И съ надеждой на эти молитвы молодой Императоръ вступилъ на престолъ. Такъ онъ самъ объявлялъ въ первые дни своего царствованія, и не замедлилъ доказать твердость духа въ исполненіи своего призванія.

XIII.

Съ самаго начала Государю предстояла нелегкая задача— одушевить своихъ подданныхъ на новыя жертвы въ жестокой, все еще длившейся войнѣ. И Государь выполнилъ ее съ блестящимъ искусствомъ. Онъ не ограничился обычнымъ манифестомъ при восшествіи на престолъ, торжественными обѣщаніями „утвердить Россію на высшей ступени могущества и славы“, онъ произнесъ рядъ пространныхъ и внушительныхъ рѣчей къ членамъ Государственнаго Совѣта, къ начальству и воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, къ дипломатическимъ представителямъ иностранныхъ державъ, наконецъ,—къ петербургскимъ дворянамъ.

И всѣ рѣчи Императора звучали мощнымъ чувствомъ патріотизма, свидѣтельствовали о непоколебимой вѣрѣ монарха въ свой народъ. Слова говорились простыя, но искреннія и горячія. Какимъ восторгомъ должно было отозваться среди всѣхъ присутствовавшихъ ободряющее восклицаніе Государя, обращенное къ дворянамъ:

— Времена трудныя. Я всегда говорилъ покойному государю, что твердо уповаю, что Богъ милостью Своею сохранитъ Россію. Я надѣялся дожить вмѣстѣ до дней радостныхъ, но Богу угодно было рѣшить иначе. Я въ васъ, господа, увѣренъ, я надѣюсь на васъ. Я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго. Не унывать! Я съ вами, вы—со мною.

Все вниманіе Государя поглощено ходомъ военныхъ дѣйствій. Онъ тщательно слѣдитъ за осадой Севастополя, отвѣчаетъ на всякое донесеніе — замѣчаніями, ободреніями и иногда— горькими упреками за ошибки и неудачи. Ему приходится поддерживать падавшій духъ главнокомандующаго князя Горчакова, успокоивать его совѣсть, признавать его долгъ исполнен-

нымъ, даже если Севастополь и будетъ сданъ. Почти каждое письмо Государя несетъ въ дѣйствующую армію благодарность доблестнымъ войскамъ, заявленія, что Царь и Россія гордятся ими. Императоръ даже придумываетъ особыя средства, какъ бы разсѣять страхи и огорченія главнокомандующаго, совѣтуетъ ему важнѣйшіе вопросы рѣшать въ военномъ совѣтѣ, чтобы облегчить свою отвѣтственность. Нѣкоторыя письма Государя заставляютъ забывать, что ихъ пишетъ неограниченный монархъ своему подданному: такъ они искренни и такъ полны простого человѣческаго чувства.

„Да поможетъ вамъ Богъ,—писалъ Императоръ главнокомандующему,—до конца выдержать тяжкое испытаніе, свыше намъ ниспосланное. Вы поймете, что въ душѣ моей происходитъ, когда я думаю о геройскомъ гарнизонѣ Севастополя, о дорогой крови, которая ежеминутно проливается на защиту родного края. Сердце мое обливается этой кровью, тѣмъ болѣе, что горькая чаша эта досталась мнѣ по наслѣдству. Но я не унываю, а надѣюсь на милость Божію и счастливъ, видя чувства, которыя одушевляютъ васъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества“.

Послѣ одиннадцатимѣсячной обороны, безпримѣрной въ военной исторіи, Севастополь, наконецъ, сдался. Вѣсть способна была повергнуть въ глубокую печаль весь русскій народъ. Ближайшіе участники обороны могли впасть въ отчаяніе и ждать самаго мрачнаго будущаго. Государь и теперь явился неутомимымъ ободрителемъ. Онъ напоминалъ людямъ, близкимъ къ отчаянію, о бѣдствіяхъ отечественной войны, о гибели Москвы. Тогда вся Россія и ея древняя столица подверглись величайшимъ испытаніямъ. Но не прошло и двухъ лѣтъ, — русскія войска были въ Парижѣ Крымъ — не Россія, Севастополь — не Москва, и Царь, увѣренный въ сочувствіи Руси къ правому дѣлу, не терялъ твердой надежды на честный и достойный разсчетъ съ врагомъ.

Государь, наконецъ, самъ отправился на югъ; въ Николаевѣ наблюдалъ за возведеніемъ укрѣпленій, потомъ пріѣхалъ въ Крымъ съ цѣлью лично поблагодарить героевъ. Повсюду были запрещены торжественныя встрѣчи и смотры, путешествіе сопровождалось щедрыми наградами и горячими царскими восторгами предъ мужествомъ солдатъ. Счастье начинало поворачивать въ сторону Россіи. Въ Азіи борьба привела къ сдачѣ Карса русскимъ войскамъ. Наступленіе турокъ остановилось. Ихъ союзники, пораженные и обезсиленные грозной защитой Севастополя, начинали чувствовать усталость. Война, видимо, тяготила ожесточенныхъ враговъ Россіи, и первая Франція обнаружила миролюбивыя наклонности. На помощь миру явились взаимная подозрительность и зависть среди союзниковъ. Наконецъ,— было рѣшено собрать въ Парижѣ конгрессъ для обсужденія договора,—и восемнадцатаго марта 1856 года договоръ былъ подписанъ. Россія удачно вышла изъ страшнаго испытанія.

Главнѣйшимъ лишеніемъ для нея являлось постановленіе— не имѣть военнаго флота на Черномъ морѣ и срыть всѣ береговыя укрѣпленія. Впослѣдствіи, въ 1871 году, это запрещеніе было отмѣнено. Не привело къ плодотворнымъ результатамъ и другое рѣшеніе; направленное противъ Россіи. До тѣхъ поръ она единолично оберегала христіанъ отъ магометанскихъ притѣсненій, теперь Европейскія державы приняли на себя эту заботу. Султанъ, по ихъ желанію, издалъ законъ о равноправности его христіанскихъ и магометанскихъ подданныхъ.

Но всѣ замыслы враговъ Россіи не имѣли ни малѣйшаго практическаго успѣха. Обѣщанія султана остались мертвой бумагой, христіане очутились въ положеніи беззащитнаго и презрѣннаго племени. Россіи вскорѣ пришлось и здѣсь передѣлывать разсчеты европейскихъ дипломатовъ. Война за освобожденіе славянъ въ 1877 году явилась неизбѣжнымъ слѣдствіемъ историческаго и нравственнаго назначенія Россіи—

защищать христіанскій Востокъ, независимо ни отъ какихъ договоровъ съ Европой и безплодныхъ обязательствъ Турціи.

Но миръ былъ заключенъ и на первое время послужилъ величайшимъ благодѣяніемъ для Россіи. Государь немедленно, получивъ извѣстіе о договорѣ, уже высказывалъ свои завѣтныя думы—начать коренное преобразованіе государства. Онъ намѣренъ приняться за излѣченіе ранъ, нанесенныхъ войной. На этой цѣли должна сосредоточиться вся дѣятельность правительства—на долгіе годы: Государь отказывался даже опредѣлить время, въ какое поставленная цѣль можетъ быть достигнута.

Такъ говорилъ Императоръ своимъ близкимъ сотрудникамъ; не преминулъ онъ обратиться съ доброю рѣчью и къ самому народу. Случай представился при роспускѣ государственнаго ополченія по заключеніи мира. Государь пожелалъ лично поблагодарить ратниковъ — всѣхъ сословій и еще разъ засвидѣтельствовать предъ всѣмъ свѣтомъ — ихъ мужество и помянуть славную смерть многихъ изъ ихъ среды.

Наконецъ,—настало время коронованія. Оно съ обычной торжественностью совершилось въ Москвѣ и сопровождалось многочисленными милостями. Замѣчательнѣйшей изъ нихъ было освобожденіе народа отъ рекрутскаго набора на три года.

Это было только начало благодѣяній, задуманныхъ государемъ. Еще до коронаціи, немедленно по заключеніи мира, Царь посѣтилъ Москву, принималъ представителей дворянства Московской губерніи и сдѣлалъ знаменательное заявленіе.

Мы знаемъ,—крестьянскій вопросъ занималъ еще Императора Николая. Всѣмъ было извѣстно доброе сердце его Наслѣдника и его сочувствіе улучшеніямъ народнаго быта. При его восшествіи на престолъ, естественно, всюду возникли надежды и опасенія, какъ новый царь примется за лѣченье вѣкового недуга. Послѣ заключенія мира толки усилились. Теперь руки у Государя были развязаны для какихъ угодно

преобразованій. Начали ходить слухи о немедленной отмѣнѣ крѣпостного права. Эти слухи съ новой силой доказывали, до какой степени назрѣла необходимость реформы.

Государь, обладая неограниченной властью — совершить какія угодно преобразованія государства, счелъ все-таки нужнымъ успокоить дворянъ. Онъ объяснилъ имъ, что пока онъ не намѣренъ уничтожать крѣпостного права, — но только пока! — т. е. въ ближайшую минуту. Рано или поздно оно должно быть уничтожено. Владѣніе душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ: Государь заявлялъ объ этомъ положительно и предлагалъ дворянамъ подумать, какъ бы измѣнить этотъ порядокъ. Въ сущности, Царь настаивалъ на неизбѣжности реформы и давалъ понять, что она не можетъ быть откладываема на далекое будущее.

Эту рѣчь слѣдуетъ считать началомъ дѣла, предисловіемъ къ одной изъ славнѣйшихъ страницъ, какія только были внесены русскими государями въ родную исторію.

Во время коронаціи Государь воспользовался съѣздомъ дворянъ и поднялъ тотъ же вопросъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, долженъ былъ вести дѣятельные переговоры съ предводителями дворянства, поставить имъ на видъ, что Царь ждетъ почина отъ перваго сословія государства, что за дѣло пора приняться немедленно: это — долгъ патріотизма и человѣколюбія.

Всѣ эти внушенія Государя и министра, къ сожалѣнію, не производили должнаго впечатлѣнія на представителей дворянства. Министръ вынужденъ доложить Императору, что всѣ его бесѣды съ дворянами остаются безъ послѣдствій. Дворяне продолжаютъ заявлять, что имъ неизвѣстно, на какихъ началахъ правительство намѣрено освободить крестьянъ, а сами они,—дворяне,—не могутъ придумать путей, ведущихъ къ устраненію затрудненій и недоразумѣній, и врядъ ли придумаютъ: дѣло слишкомъ сложное и опасное.

Государя сильно огорчали эти отговорки, — но, конечно, не могли поколебать его намѣреній. Отмѣна крѣпостного права

Графъ С. С. Ланской.

стала его любимой мыслью, высшимъ государственнымъ стремленіемъ. Онъ не пропускалъ случая — развивать ее съ близкими

людьми и часто жаловался на неподвижность и равнодушіе высшаго сословія.

Одну изъ такихъ бесѣдъ ему пришлось вести не задолго до коронаціи. Бесѣдѣ суждено было стать крупнымъ историческимъ событіемъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ незабвенная заслуга по дѣлу освобожденія крестьянъ — одного изъ скромныхъ совѣтниковъ царя не оцѣнена по достоинству, не всегда даже упоминается и его имя въ исторіи великой реформы.

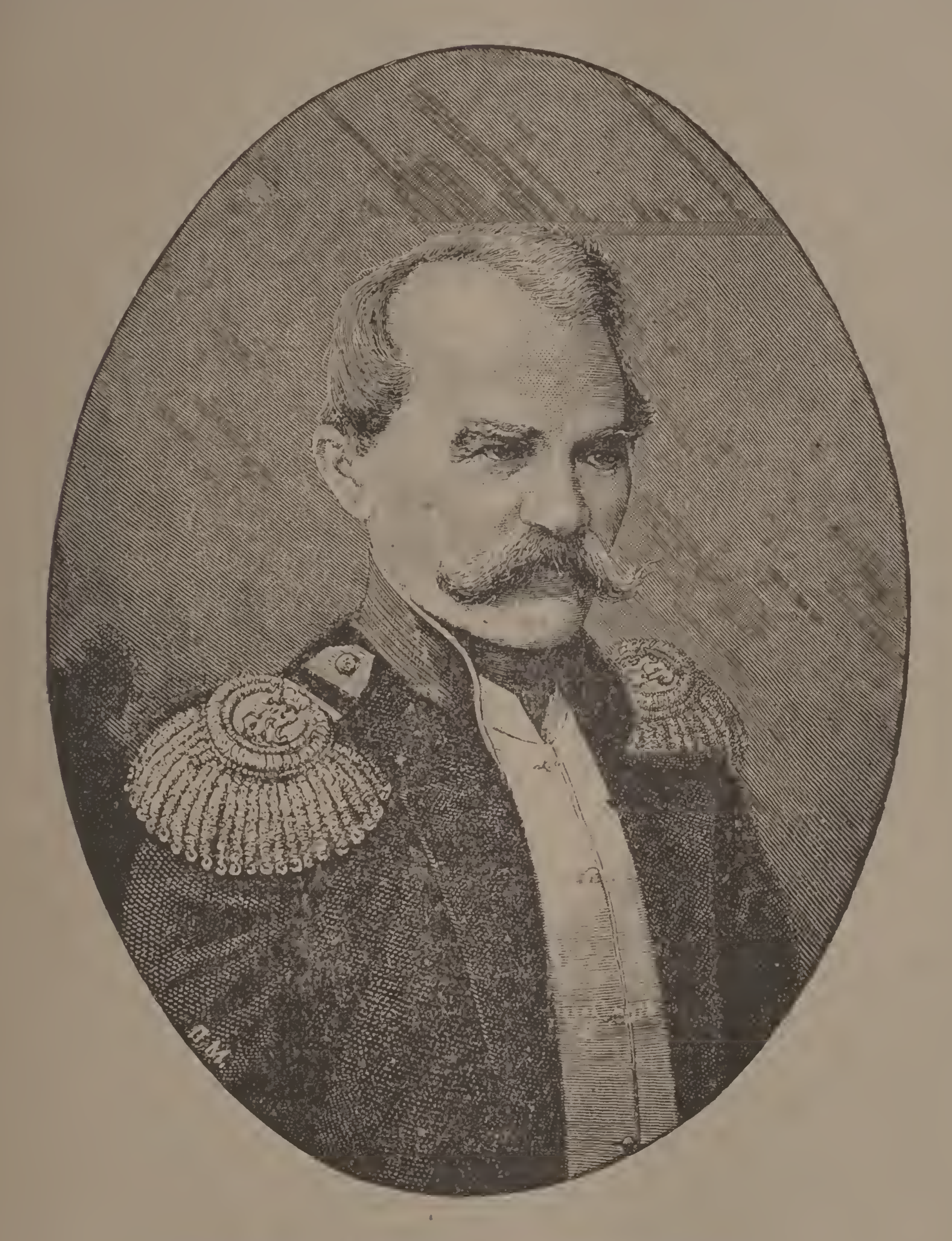
Мы разскажемъ со словъ современника и очевидца любопытный фактъ, онъ оказалъ не малую помощь Государю, — въ началѣ тяжелаго труднаго дѣла, ему, почти одинокому, со всѣхъ сторонъ получавшему только предостереженія, видѣвшему или малодушную оторопь предъ великимъ предпріятіемъ, или упорную, злую волю.

XIV.

Въ началѣ мая 1856 года Государь отправился чрезъ Москву въ Варшаву. По пути онъ остановился въ Брестъ-Литовскѣ для осмотра крѣпости и находившихся тамъ войскъ. Генералъ-губернаторомъ западныхъ губерній въ это время былъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ,—человѣкъ лично очень близкій Государю. Раньше онъ занималъ должность военнаго инструктора—при Александрѣ Николаевичѣ, въ бытность его Наслѣдникомъ, т. е. помогалъ ему въ его многочисленныхъ служебныхъ обязанностяхъ и руководилъ имъ, какъ весьма опытный офицеръ. Назимовъ жилъ во дворцѣ, сопровождалъ Наслѣдника въ его поѣздкахъ по Россіи и постоянно пользовался его особымъ расположеніемъ.

Сохранились письма Цесаревича, а потомъ Императора къ Назимову. Они свидѣтельствуютъ о самыхъ дружескихъ отношеніяхъ Великаго Князя и Государя къ бывшему своему сотруднику. Во время заграничнаго путешествія Александръ

Николаевичъ напоминалъ въ письмѣ къ Назимову о „счастливомъ времени“, проведенномъ съ нимъ. По обыкновенію, рѣчь

Генералъ-адъютантъ Вл. Ив. Назимовъ.

Великаго князя проста и искренна, — даже въ Италіи онъ не можетъ забыть родины и дорогихъ ему людей.

Назимовъ быстро поднимался по служебной лѣстницѣ и былъ назначенъ попечителемъ московскаго учебнаго округа. Военныя привычки не оставили его и на этомъ гражданскомъ посту. Онъ началъ довольно круто обращаться съ подчиненными, рѣзко, по военному, велъ съ ними бесѣды, и дѣло не обходилось безъ рѣшительныхъ мѣръ и строгихъ выговоровъ. Но за этой строгостью и наклонностью распекать скрывалась добрая и честная натура. Люди, служившіе подъ его начальствомъ, разсказываютъ, какъ онъ умѣлъ отличать настоящихъ добросовѣстныхъ тружениковъ отъ карьеристовъ. Онъ всякій разъ готовъ сознаться въ своей ошибкѣ, въ неумѣстной строгости, въ необдуманномъ, незаслуженномъ выговорѣ подчиненному,—и немедленно спѣшитъ публично загладить вину. Исполняя долгъ, онъ не взиралъ на лица людей сильныхъ и знатныхъ и смѣло принималъ сторону слабѣйшаго и обиженнаго. Военные вкусы Назимова были воспитаны его временемъ, когда все военное пользовалось особеннымъ почетомъ, и суровые генералы, закаленные служаки, были въ модѣ. У Назимова генеральство не имѣло ничего общаго съ жестокимъ произволомъ и прихотями властнаго человѣка. По временамъ казалось,— Назимову трудно становилось выдержать суровый видъ, и черты лица невольно становились простыми и сердечными, когда приходилось награждать кого-либо за искреннюю преданность воспитанію дѣтей. Назимовъ неуклонно заботился о гимназистахъ - пансіонерахъ и дѣятельно слѣдилъ за ихъ бытомъ, стараясь улучшить старые порядки.

Послѣ попечительства Назимовъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ западныя губерніи, главнымъ правителемъ всего литовскаго края. Величайшей заслугой Назимова на этой службѣ явилось его участіе въ отмѣнѣ крѣпостного права. Произошло это почти неожиданно. Никто, по крайней мѣрѣ, не подозрѣвалъ, какую роль придется сыграть Назимову въ величайшемъ государственномъ подвигѣ Александра II.

Узнавъ о намѣреніи Государя остановиться въ Брестъ-Литовскѣ, Назимовъ отправился въ этотъ городъ, разсчитывая, по обыкновенію, на откровенную бесѣду съ Царемъ. Такъ это и случилось. На другой же день по пріѣздѣ въ Брестъ, Государь пригласилъ къ себѣ Назимова.

Лицо Императора съ перваго взгляда поражало выраженіемъ какой-то печали, мучительнаго раздумья. Очевидно, Государя тяготилъ какой-то трудно-разрѣшимый вопросъ. Печаль еще больше усилилась, когда Назимовъ изобразилъ Императору незавидное положеніе крестьянъ въ западномъ краѣ. Окончивъ разсказъ, Назимовъ спросилъ у Государя о причинѣ невеселаго расположенія духа. Оно казалось такимъ необычнымъ въ это время молодости Царя и его обширныхъ плановъ на будущее.

Въ отвѣтъ Государь подробно разсказалъ Назимову, что происходило въ Москвѣ немедленно послѣ заключенія мира, какія бесѣды велъ онъ съ предводителями дворянства, и какіе печальные результаты вышли изъ всѣхъ его царскихъ убѣжденій и внушеній. Государь закончилъ свой разсказъ слѣдующими грустными словами:

— Къ сожалѣнію, гг. предводители дворянства меня, какъ слѣдуетъ, не поняли.

Назимовъ не согласился съ заключеніемъ Императора и объяснилъ ему, почему помѣщики боятся отмѣны крѣпостного права. Для нихъ это дѣло совершенно новое и представляется полнѣйшимъ разореніемъ ихъ благосостоянія. Самъ Назимовъ неоднократно заговаривалъ съ своими знакомыми, владѣльцами имѣній, о предстоящей реформѣ и отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не понимавшихъ сущности предпринимаемой реформы, получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Хорошо вамъ, господа, состоящимъ на государственной службѣ, проповѣдовать освобожденіе крестьянъ. Съ потерею вашего родового состоянія при васъ останется содержаніе,

получаемое отъ казны, и вы не погибнете вмѣстѣ съ вашими дѣтьми. Но подумайте, какая участь ожидаетъ насъ, частныхъ людей, въ будущемъ, когда у насъ отнимутъ крестьянъ и надѣлятъ ихъ землею! Какими средствами и какъ намъ придется воздѣлывать нивы, оставшіяся въ нашемъ владѣніи?.. Изъ какихъ источниковъ мы будемъ удовлетворять потребности обыденной жизни нашей и погашать обременяющіе многихъ изъ насъ долги?

Назимовъ, передавая эти слова Государю, объяснилъ ему, что именно страхъ большинства дворянъ предъ бѣдностью и полнымъ разореніемъ мѣшаетъ имъ пойти на встрѣчу царскимъ замысламъ.

Государь не соглашался съ такимъ рѣшеніемъ вопроса. Онъ указывалъ другую причину упорства дворянъ. Они должны были знать, что крѣпостное право существовало и въ другихъ государствахъ, и было отмѣнено, и дворянство не пострадало отъ этой отмѣны: оно по-прежнему осталось первымъ сословіемъ,—по своему вліянію въ государствѣ и по своимъ матеріальнымъ средствамъ. Государь, въ частности, указывалъ на примѣръ Пруссіи. Очевидно,—онъ совсѣмъ иначе понималъ все дѣло, чѣмъ Назимовъ. Для него на первомъ планѣ стояли дворянскіе предразсудки, застарѣлыя привычки и понятія. Такъ именно Назимовъ и понялъ возраженіе Государя,—но Государь здѣсь же поспѣшилъ прибавить:

— Впрочемъ, заявивъ однажды о моемъ рѣшительномъ намѣреніи покончить съ крѣпостнымъ правомъ, я буду стремиться къ осуществленію этой мысли и надѣюсь, что, при помощи Бога, мои старанія увѣнчаются успѣхомъ.

Назимовъ могъ только сочувствовать рѣшительности Царя и, въ отвѣтъ на его рѣчь, высказалъ соображенія величайшей исторической важности.

XV.

Назимовъ соглашался съ Государемъ насчетъ умственной отсталости дворянства внутреннихъ губерній Россіи,— но на западѣ, именно въ Литвѣ, по его мнѣнію, — картина представлялась совершенно другая. Дворянство этой области, — говорилъ Назимовъ, — какъ смежное съ Пруссіей и Прибалтійскимъ краемъ, гдѣ давно уже не существовало крѣпостного права, знаетъ благопріятныя послѣдствія его отмѣны для помѣщиковъ. Дворяне даже неоднократно, по собственному почину, ходатайствовали объ освобожденіи крестьянъ, еще въ царствованіе Александра I и потомъ—при Императорѣ Николаѣ. Въ послѣдній разъ ходатайство встрѣтило сочувствіе русскаго начальника края, поступило въ Сенатъ, и освобожденія не состоялось только потому, что Сенатъ отказался разсматривать самую просьбу, вѣроятно, въ виду совпаденія ходатайства съ непрекращавшимися политическими замѣшательствами въ краѣ. Назимовъ не зналъ, или не считалъ нужнымъ говорить объ этомъ фактѣ, но онъ напомнилъ Государю другой, болѣе ранній, и прибавилъ:

— Остается только сожалѣть, что такую великую реформу необходимо вести отъ центра къ окраинамъ, а не отъ окраинъ къ центру, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣло двинулось бы быстро впередъ.

Государь возразилъ:

— Почему же необходимо? Для меня безразлично, откуда пойдетъ начало этого благого дѣла, отъ окраинъ или отъ центра государства. Помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ, Владиміръ Ивановичъ, чѣмъ вы докажете еще разъ вашу ко мнѣ преданность и привязанность, въ которыхъ, впрочемъ, я никогда не сомнѣвался.

Назимовъ немедленно поспѣшилъ выполнить волю Государя.

Онъ вступилъ сначала въ частные переговоры съ наиболѣе на его взглядъ благонамѣренными помѣщиками и заручился ихъ сочувствіемъ реформѣ. Онъ сообщилъ объ успѣхѣ переговоровъ министру внутреннихъ дѣлъ—Ланскому. Министръ вполнѣ раздѣлялъ виды и ожиданія Государя, но также сомнѣвался, что дѣло освобожденія можно начать съ помощью дворянства. Теперь онъ съ радостью привѣтствовалъ почипъ Назимова, просилъ пока отложить рѣшительный шагъ до коронаціи и явиться въ Москву лично въ сопровожденіи предводителей дворянства, склонныхъ къ искреннему участію въ предпріятіи Государя.

Во время коронаціи Назимовъ вмѣстѣ съ Ланскимъ окончательно условились насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. По возвращеніи въ Вильно, Назимовъ быстро приготовился двинуть вопросъ къ безповоротному рѣшенію и однимъ ударомъ покончить съ неизвѣстностью, томившей Государя. Онъ энергично и искусно принялся за дѣло.

Послѣдовалъ рядъ поѣздокъ по губерніямъ. Помѣщики встрѣчали Назимова съ почетомъ. Онъ напоминалъ дворянамъ рѣчи Государя о неминуемой отмѣнѣ народнаго рабства, ссылался даже на примѣръ польскаго патріота Костюшко. Этого героя обожали поляки и литовцы. — и вотъ онъ-то еще въ 1794 году усиленно хлопоталъ объ уничтоженіи крѣпостного права, указывалъ своимъ соотечественникамъ, какой вредъ принесло Польшѣ безправное положеніе народа. Внушенія Костюшко не произвели желаннаго дѣйствія, — но онъ въ своемъ завѣщаніи еще разъ напомнилъ родинѣ ея нравственный долгъ. Онъ всѣ свои капиталы опредѣлилъ на выкупъ негровъ въ Америкѣ, и землю, подаренную ему Американскими штатами въ благодарность за его участіе въ войнѣ ихъ съ Англіей за независимость, — онъ назначилъ въ пользу выкупленныхъ негровъ.

Эти указанія должны были, по предположенію Назимова,

производить глубокое впечатлѣніе на лучшую часть литовскаго дворянства. Поднялись жестокіе споры сторонниковъ и враговъ освобожденія. Но ряды сторонниковъ съ каждымъ днемъ умножались и, наконецъ, взяли верхъ. Дворянство литовскихъ губерній рѣшило обратиться къ правительству съ ходатайствомъ — дозволить представителямъ дворянъ приступить къ обсужденію вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права. Слѣдуетъ прибавить, что эту отмѣну литовское дворянство намѣревалось произвести, не надѣляя освобожденныхъ крестьянъ землею.

Назимовъ могъ торжествовать. Съ постановленіемъ дворянства онъ въ сентябрѣ 1857 года поѣхалъ въ Петербургъ. Велика была радость Государя, когда генералъ губернаторъ представилъ ему столь давно желанный документъ.

Пріѣздъ Назимова являлся какъ нельзя болѣе кстати. Государь, не ждавшій дѣятельнаго сочувстія къ своему намѣренію со стороны дворянства, теперь могъ убѣдиться, что и среди его ближайшихъ совѣтниковъ господствуютъ такія же мысли. Сильныхъ и искреннихъ сторонниковъ крестьянской свободы Государь на первыхъ порахъ встрѣтилъ только въ своей семьѣ,—въ лицѣ своего брата, Великаго Князя Константина Николаевича и Великой княгини Елены Павловны. Великая княгиня, не дожидаясь общей реформы, рѣшила освободить своихъ крестьянъ въ Полтавской губерніи и обратилась къ Николаю Алексѣевичу Милютину съ просьбой помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Милютинъ въ это время былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ; его даровитость и обширнѣйшія познанія въ области народнаго быта и хозяйства были засвидѣтельствованы многочисленными глубокими трудами. Но будущее Милютину предстояло еще болѣе блестящее: ему суждено было явиться однимъ изъ первостепенныхъ работниковъ во имя народной свободы. Пока онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ министра Ланского и неизмѣнной поддержкой Великой княгини Елены Павловны.

Въ отвѣтъ на ея просьбу Милютинъ предложилъ — справиться у самого Государя насчетъ столь важнаго дѣла. Государь заявилъ, что не можетъ пока указать общихъ руководящихъ основаній для совершенія реформы и что ждетъ заявленій со стороны благомыслящихъ помѣщиковъ, какъ, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ приступить къ отмѣнѣ крѣпостного права.

Это происходило въ концѣ 1856 года, а въ самомъ началѣ слѣдующаго былъ назначенъ секретный „Особый Комитетъ“ для обсужденія крестьянскаго вопроса. На запросъ Государя Комитетъ отвѣтилъ, что считаетъ реформу своевременной,—но дальнѣйшія дѣйствія Комитета показали, что безъ настоятельнаго вмѣшательства Царя и царской семьи дѣло будетъ осуждено на продолжительную проволочку и, можетъ быть, совсѣмъ погребено въ канцелярскихъ бумагахъ.

Въ это именно время и явился Назимовъ въ Петербургъ. Его пріѣздъ далъ сильный толчокъ обстоятельствамъ. Немногочисленные сторонники освобожденія поспѣшили воспользоваться заявленіемъ литовскаго дворянства. На разсмотрѣніе Комитета представленъ вопросъ, — не слѣдуетъ ли открыть губернскіе комитеты для обсужденія реформы тамъ, гдѣ дворяне вызовутся на это дѣло?

Комитетъ и на этотъ разъ сталъ затягивать отвѣтъ. Тогда Государь, потерявъ терпѣніе, приказалъ покончить въ теченіе восьми дней. Въ результатѣ—двадцатаго ноября явился приснопамятный рескриптъ, положившій твердыя и публичныя основанія реформѣ.

XVI.

Рескриптъ былъ на имя Назимова. Рѣшеніе Комитета ускорилось, благодаря особенно участію Великаго князя Константина Николаевича, только что назначеннаго членомъ. Съ этихъ поръ Великій князь становится во главѣ дѣятельнѣй-

шихъ друзей народнаго освобожденія и доказываетъ свое усердіе на судьбѣ того же рескрипта.

Назимовъ получилъ полномочіе образовать въ подчиненныхъ ему губерніяхъ дворянскіе комитеты для составленія и обсужденія плановъ отмѣны крѣпостного права. Рескриптъ, слѣдовательно, имѣлъ только мѣстное значеніе. Константинъ Николаевичъ предложилъ—копіи съ рескрипта разослать всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства. Въ теченіе одной ночи, благодаря стараніямъ Милютина и Ланского, копіи были отпечатаны и разосланы во всѣ концы Россіи. Правительство явно желало придать своей мѣрѣ общегосударственное значеніе и косвенно побуждало дворянство всей страны — высказаться о наболѣвшемъ вопросѣ.

Первымъ откликнулось нижегородское дворянство. Уже въ декабрѣ оно изъявляло полную готовность выполнить священную волю Государя на основаніяхъ, какія Его Величеству угодно будетъ указать. Императоръ немедленно поспѣшилъ изъявить свое благоволеніе и писалъ нижегородскому предводителю дворянства А. И. Муравьеву, главному виновнику отзывчивости нижегородскихъ дворянъ:

„Поручаю вамъ объявить сему благородному сословію мое совершенное удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, устремляемыхъ ко благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое поспѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности изъявленіемъ усерднаго желанія способствовать, зависящими отъ него средствами, предпринимаемому нынѣ важному и, какъ можно при благословеніи Всевышняго надѣяться, — равно полезному для всѣхъ въ государствѣ состояній—дѣлу“.

Адресы продолжали поступать; Государь отвѣчалъ рескриптами, и комитеты стали возникать по всему пространству

Россіи. Наконецъ, 8 января 1858 года учреждается въ Петербургѣ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія многочисленныхъ предположеній и постановленій мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ. Одновременно министръ Ланской задумалъ разослать по комитетамъ общую программу занятій. Здѣсь предполагалось подробно объяснить цѣль дворянскихъ работъ и разъяснить основы предстоящаго освобожденія. На сцену выступилъ еще одинъ незабвенный дѣятель великаго преобразованія — Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, одинъ изъ членовъ Главнаго Комитета.

Онъ успѣлъ сдѣлать счастливую военную карьеру еще въ царствованіе Императора Николая. Тогда онъ не обнаруживалъ никакого сочувствія къ широкимъ перемѣнамъ въ государствѣ. Напротивъ,—онъ считался однимъ изъ самыхъ ловкихъ царедворцевъ, былъ блестящимъ генералъ-адъютантомъ и рѣшительно нельзя было ожидать, чтобы этотъ человѣкъ превратился въ усерднѣйшаго созидателя народной свободы. Вышло иначе.

Крѣпостное право, видимо, рѣзало глаза всѣмъ благороднѣйшимъ людямъ, начиная съ Государя. Есть извѣстіе, что эта боль за рабство народа проникла и въ семью Ростовцева, овладѣла сердцемъ его сына,—и сынъ, умирая преждевременной смертью, умолялъ своего отца—послужить благу народа. А можетъ быть, достаточно было правды самого дѣла, чтобы заставить отзывчиваго человѣка отдать ему всѣ свои силы.

Именно, это высокое назначеніе выпало на долю Ростовцева. Крестьянская реформа стала для него „святымъ дѣломъ“. Государь раньше пользовался помощью Ростовцева по управленію военноучебными заведеніями. Ростовцевъ умѣлъ на этой службѣ пріобрѣсти полное довѣріе Императора и, вѣроятно, именно самъ Императоръ просилъ его —принять болѣе близкое участіе въ крестьянскомъ вопросѣ. Ростовцевъ не только подчинился вліянію царя, — онъ вложилъ всю душу

свою въ заботы о народной свободѣ. Это по истинѣ героическое усердіе было одной изъ причинъ быстрой кончины Ростовцева. Онъ съ самаго начала зналъ, на какой трудный путь онъ готовится вступить.

Я. И. Ростовцевъ.

Искренній интересъ Ростовцева къ реформѣ вызвалъ неудовольствіе ея противниковъ. Бывшіе товарищи Ростовцева не могли помириться съ его исключительнымъ положеніемъ, съ высокимъ уваженіемъ Царя къ государственному человѣку. Они желали видѣть въ Ростовцевѣ простого „выскочку“, и ненависть ихъ оставалась непримиримой до самой его кончины.

А между тѣмъ,—именно примѣръ Ростовцева—одинъ изъ самыхъ поучительныхъ въ исторіи величественныхъ преобразованій Александра II. Перерожденіе Ростовцева доказывало, съ какой настойчивостью и внушительностью самая наглядная дѣйствительность требовала коренныхъ перемѣнъ. Не надо было обладать пылкимъ воображеніемъ и особенной чувствительностью, чтобы горячо стать на сторону Царя и освобожденіе крестьянъ признать общимъ благодѣяніемъ для всѣхъ сословій и состояній.

Ростовцевъ сначала выполнилъ сравнительно скромное порученіе Государя,—составилъ программу „для руководства"—губернскимъ комитетамъ. Но уже основная мысль программы свидѣтельствовала, какъ серьезно понималъ Ростовцевъ свою новую дѣятельность. Множество голосовъ раздавалось въ пользу постепеннаго освобожденія крестьянъ,т. е. крестьяне должны были получить свободу не сразу, а въ теченіе многихъ лѣтъ, когда будутъ окончательно вознаграждены помѣщики за утрату власти надъ крестьянами. Ростовцевъ же требовалъ немедленной личной свободы для крѣпостныхъ. Это было только началомъ трудовъ Ростовцева: онъ быстро шелъ къ восторженному увлеченію предпринятымъ дѣломъ и скоро сталъ ободрять и воодушевлять самого Государя.

Пока шла эта подготовительная работа, и Главный Комитетъ все еще колебался, затягивалъ дѣло, происходили безконечные споры противниковъ и сторонниковъ реформъ, — Государь снова лично вмѣшался и на этотъ разъ въ высшей степени оригинально. Онъ на цѣлыхъ два мѣсяца—августъ и сентябрь 1858 года—превращается въ оратора, въ публичнато защитника затѣяннаго имъ дѣла.

XVII.

Лѣтомъ Царь посѣтилъ сначала Сѣверъ Россіи, потомъ поѣхалъ во внутреннія губерніи. Онъ по пути останавливался въ

губернскихъ городахъ, принималъ дворянство и произносилъ рѣчи. Въ Нижнемъ Новгородѣ онъ еще разъ благодарилъ дворянъ за ихъ примѣрную отзывчивость, но въ Москвѣ его рѣчь звучала иначе. Онъ снова выразилъ свое огорченіе на медлительность московскаго дворянства, напомнилъ о своей неизмѣнной любви къ Москвѣ, какъ своей родинѣ, и это именно чувство еще больше усилило его поученіе. Теперь онъ съ прежней настойчивостью повторяетъ, что ни на шагъ не отступитъ отъ своихъ намѣреній. Это онъ говоритъ въ Москвѣ, тоже самое—въ Смоленскѣ, въ Вильнѣ. Теперь изъ устъ самого Царя Россія слышитъ безповоротную волю правительства. Отступленія и колебанія теперь немыслимы. Путешествіе Государя въ два мѣсяца сдѣлало для реформы больше, чѣмъ могли бы сдѣлать въ нѣсколько лѣтъ всевозможные комитеты и казенныя бумаги. Вопросъ всюду стали обсуждать публично. Самые равнодушные не могли остаться бозучастными къ общему движенью. И на самого Царя поѣздка произвела самое отрадное впечатлѣніе. Онъ убѣдился, что сопротивленія со стороны дворянства правительство не можетъ встрѣтить. По возвращеніи въ Петербургъ онъ въ первое же свиданіе съ министромъ Ланскимъ радостно заявилъ:

— Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца рука объ руку.

Одновременно съ Государемъ возвратился въ Петербургъ Ростовцевъ изъ заграничнаго отпуска. Въ теченіе лѣта, вдали отъ многочисленныхъ и шумныхъ знакомствъ, Ростовцевъ изучалъ на досугѣ предстоящую реформу и результаты своего изученія сообщалъ Государю. Онъ окончательно установилъ программу будущихъ дѣйствій. Главнѣйшія основы реформы онъ изложилъ Государю ясно и сильнымъ языкомъ. Онъ заканчивалъ свое изложеніе въ высшей степени краснорѣчивымъ пожеланіемъ, которому не суждено было исполниться вмѣстѣ съ другими планами Ростовцева:

„О наказаніяхъ тѣлесныхъ“,—писалъ онъ, —„не слѣдуетъ упоминать: это будетъ пятно для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ оныя, къ счастью, не употребляются“.

Письма Ростовцева должны навсегда сохранить видное мѣсто въ исторіи крестьянской реформы. Они отличаются рѣдкой простотой и искренностью чувства. Авторъ подходитъ ко всѣмъ вопросамъ—безъ всякихъ хитростей и тонкостей, беретъ дѣло, какъ его показывала сама жизнь, и обсуждаетъ его просто, какъ умный, много думавшій и много видѣвшій человѣкъ. Ростовцевъ даже впадаетъ по временамъ въ тонъ крестьянина, начинаетъ говорить отъ его лица, его языкомъ. Мы видимъ предъ собой настоящаго практическаго дѣятеля, умѣющаго схватывать смыслъ вещей.

Императора должны были очаровать своеобразныя письма его совѣтника. Ни отъ кого еще Государь не слыхалъ такихъ убѣдительныхъ и въ то же время такихъ простыхъ рѣчей. Сама жизнь говорила въ письмахъ Ростовцева, и Государь, читая ихъ, переживалъ тѣ послѣдствія, какія должна создать отмѣна крѣпостного права въ народномъ быту.

Для реформы было великимъ выигрышемъ—имѣть на своей сторонѣ такого дѣятеля—свѣжаго, энергичнаго, проницательнаго, здравомыслящаго и въ то же время страстно-увлеченнаго. И намъ понятно, почему вліяніе Ростовцева на Государя быстро росло, поставило его на первое мѣсто среди новыхъ людей и мысли его всеподданѣйшихъ писемъ превратило въ убѣжденія Царя.

Губернскіе комитеты между тѣмъ продолжали работать и представлять свои сужденія и планы въ Главный комитетъ. Трудовъ этихъ скоро накопилось громадное количество, и, по предложенію Ростовцева, были учреждены особыя, такъ называемыя, Редакціонныя коммиссіи. Имъ предстояло разсмотрѣть постановленія Губернскихъ комитетовъ и окончательно обсудить всѣ вопросы насчетъ устройства будущихъ свободныхъ

крестьянъ. Это учрежденіе оказалось великимъ благодѣяніемъ для реформы. Оно направило свои усилія *въ ея пользу*, оно сообщило рѣшительный и правый ходъ всему дѣлу, оно спасло нарождавшуюся свободу отъ неустанныхъ покушеній ея враговъ. Во главѣ людей, оказавшихъ такія услуги реформѣ, стояли тотъ же Ростовцевъ и Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

XVIII.

Предсѣдателемъ Коммиссіи былъ назначенъ Ростовцевъ. Самый приступъ его къ своимъ обязанностямъ—весьма замѣчателенъ. Предсѣдатель выразилъ прежде всего желаніе—удалить изъ засѣданій стѣснительныя формальности, обычныя въ чиновничьихъ собраніяхъ. Члены Коммиссіи собирались въ сюртукахъ, во время преній курили, пили чай, вообще царствовала полная непринужденность. Рѣчь, произнесенная Ростовцевымъ при открытіи засѣданій,—ни единымъ словомъ не напоминаетъ торжественныхъ рѣчей высшихъ сановниковъ. Предсѣдатель сказалъ нѣсколько дружескихъ, даже задушевныхъ словъ, заранѣе изгоняя изъ среды своихъ сотрудниковъ этикетъ и чинопочитаніе.

— „Мы приступаемъ къ дѣлу щекотливому“, — говорилъ Ростовцевъ.— „Мы можемъ быть разныхъ мнѣній и взглядовъ. Между нами могутъ произойти горячіе и раздражительные споры и несогласія,—а потому мы всѣ должны заранѣе простить другъ другу огорченія, если бъ у насъ вышло что-нибудь непріятное. И я первый теперь же прошу у всѣхъ васъ прощенія, если бы не умышленно, хотя однимъ словомъ, кого-нибудь обидѣлъ“.

Ростовцевъ обнаружилъ неограниченное вниманіе ко всѣмъ источникамъ, откуда только можно было почерпнуть какое-либо цѣнное указаніе по крестьянскому вопросу. При Коммиссіяхъ была составлена обширная библіотека изъ ученыхъ

сочиненій и даже журнальныхъ статей; Ростовцевъ предложилъ членамъ Коммиссіи пересмотрѣть эти статьи и извлечь изъ нихъ полезныя мысли и свѣдѣнія. Когда предсѣдателю замѣтили, что не всѣ писатели одинаково достойны уваженія по своимъ личнымъ качествамъ,—онъ отвѣчалъ:

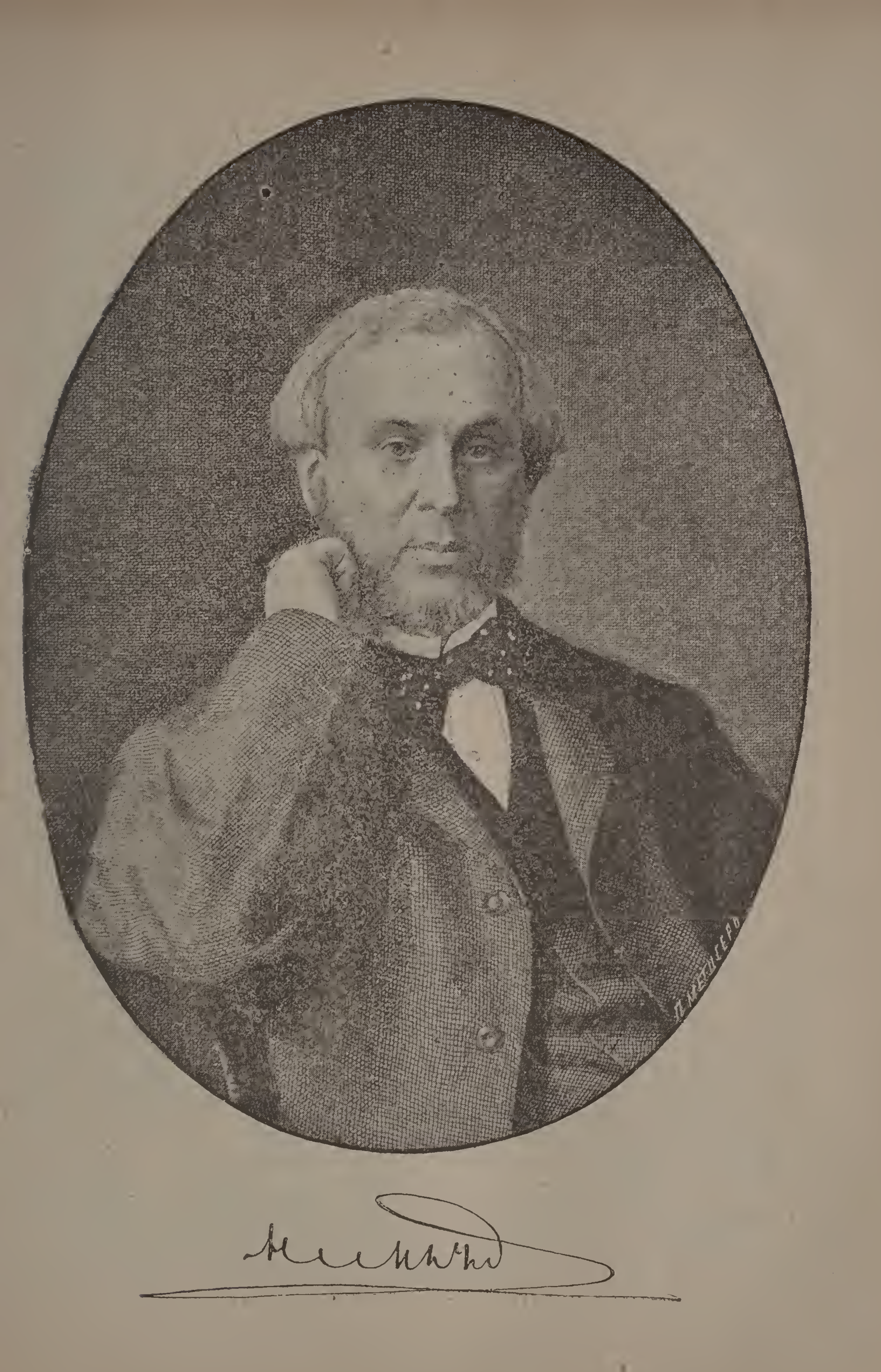
— Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться.

Усерднѣйшаго и талантливѣйшаго помощника Ростовцевъ нашелъ въ лицѣ Николая Алексѣевича Милютина.

Николай Алексѣевичъ принадлежалъ къ кружку молодыхъ образованныхъ дѣятелей, пользовавшихся покровительствомъ Великой княгини Елены Павловны. Сынъ небогатой дворянской семьи, онъ еще дома усвоилъ глубокій интересъ къ судьбѣ крѣпостного народа. На службѣ онъ посвятилъ всѣ свои силы изученію положенія крестьянъ и не переставалъ лелѣять мечту объ ихъ свободѣ. Эта мечта не была тайной среди высшаго чиновничества. Милютинъ считался опаснымъ мечтателемъ, и эта извѣстность долго мѣшала ему занять подобающее мѣсто въ новомъ движеніи. Вплоть до учрежденія редакціонныхъ Коммиссій онъ не принимаетъ прямого участія въ реформѣ. Благодаря Ростовцеву,—Милютинъ является членомъ Коммиссій, какъ представитель Министерства внутреннихъ дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ—становится товарищемъ министра.

Съ этихъ поръ Милютинъ усиленно принимается за работу. Онъ обнаруживаетъ удивительную способность—распутывать самые сложные вопросы. Громадныя свѣдѣнія заставляютъ внимательно прислушиваться къ его рѣчамъ даже завѣдомыхъ противниковъ его взглядовъ. Онъ умѣетъ сплотить тѣсный кружокъ изъ своихъ единомышленниковъ и искусно управляетъ преніями.

Это не значитъ, будто Милютинъ подавлялъ другихъ своимъ авторитетомъ. Тайна его вліянія заключалась въ чисто-рыцарской

искренности убѣжденій и въ блестящемъ дарѣ слова. Ростовцевъ очень мѣтко объяснилъ эту тайну, замѣтивъ однажды Милютину:

— Вы у насъ нимфа Эгерія.

Такъ просто и увлекательно умѣлъ Милютинъ завоевывать сторонниковъ своему дѣлу. Простота и скромность истиннаго подвижника были, можетъ быть, причиной, почему не всегда имя Милютина является въ исторіи на законномъ первомъ мѣстѣ. Его участіе въ знаменитомъ рескриптѣ Назимову—несомнѣнно, потому что Милютинъ уже въ это время пользовался неограниченнымъ вліяніемъ на министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. Учрежденіе Редакціонныхъ Коммиссій также прошло черезъ руки Милютина,—но повсюду на первомъ планѣ мы встрѣчаемъ только или Ростовцева, или Ланского. Милютинъ остается будто за сценой, невидимой Эгеріей—вдохновительницей. Только въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ онъ ярко выступаетъ на первомъ планѣ, такъ какъ здѣсь не принимается ни однаго важнаго рѣшенія безъ его участія. Особенно значеніе Милютина усиливается послѣ смерти Ростовцева.

Дѣятельность Коммиссій шла чрезвычайно быстро. Громадный трудъ, совершенный ими, безпримѣренъ въ исторіи подобныхъ учрежденій. Въ теченіе года и семи мѣсяцевъ Коммиссіи успѣли разсмотрѣть подробно проекты всѣхъ Губернскихъ комитетовъ, составить общій сводъ ихъ предположеній, изложить въ строгой послѣдовательности и ясности свои соображенія по всѣмъ вообще вопросамъ будущаго устройства крестьянъ и дворовыхъ людей, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости,—и вообще представить обстоятельный планъ и окончательные выводы для всей реформы.

Когда работы были закончены,—Ростовцева уже не было въ живыхъ. Въ мартѣ 1859 года онъ открылъ Коммиссіи, а въ октябрѣ того же года заболѣлъ сильной простудой. Несмотря на болѣзнь, Ростовцевъ продолжалъ участвовать въ

засѣданіяхъ и торопилъ товарищей, будто предчувствуя свой близкій конецъ. Когда развившаяся болѣзнь не позволяла уже ему выѣзжать, онъ собиралъ Коммиссіи въ своей квартирѣ и, превозмогая себя, учавствовалъ въ разсужденіяхъ, длившихся по нѣскольку часовъ. Наконецъ, присутствіе его въ Коммиссіяхъ прекратилось. Но ежедневно во всѣ часы принималъ онъ членовъ Коммиссіи и во всей подробности слѣдилъ за ихъ работами.

Въ январѣ 1860 года болѣзнь приняла угрожающій видъ и, несмотря на всѣ усилія медицинской науки, дѣлала быстрые успѣхи. Наступило полное истощеніе физическихъ силъ. Едва слышнымъ голосомъ говорилъ больной съ ближайшими лицами о ходѣ крестьянскаго дѣла, требовалъ откровеннаго мнѣнія о трудахъ Киммиссій, о возраженіяхъ людей, несогласныхъ съ заключеніями большинства, о томъ, насколько предположенія Коммиссій выполнимы на практикѣ.

— „Если я умру теперь,—говорилъ онъ,—то умру со спокойной совѣстью. Мы исполнили честно долгъ свой предъ Государемъ, дѣйствовали открыто, безъ всякой интриги, разъяснили вопросъ и, можетъ быть, подвинули впередъ святое дѣло. Въ твердости Государя я увѣренъ, а Богъ Россіи и святого дѣла не оставитъ“.

Еще въ началѣ болѣзни Ростовцевъ набросалъ планъ отчета о заключеніяхъ Коммиссій, присоединилъ свои взгляды на разные вопросы и указывалъ тѣ изъ нихъ, которые, по его мнѣнію, нуждались въ дальнѣйшемъ обсужденіи и новомъ пересмотрѣ. Будучи не въ силахъ лично окончить записку, онъ поручилъ ее одному изъ своихъ сотрудниковъ. Записку составили, но Ростовцевъ уже былъ не въ состояніи даже подписать ея. Въ день его кончины она была представлена Государю, и Государь, принимая ее, сказалъ:

— Покойный оставилъ намъ здѣсь какъ бы завѣщаніе, которое должно быть для насъ священно.

Послѣдніе часы Ростовцева также остались завѣщаніемъ для всѣхъ будущихъ работниковъ на великомъ поприщѣ общественнаго блага. Онъ, ясно сознавая наступленіе конца, желалъ умереть съ твердымъ убѣжденіемъ въ благотворности трудовъ Коммиссій. Онъ продолжалъ усиленно разспрашивать своихъ товарищей насчетъ основныхъ положеній реформы и, получая отъ нихъ отвѣты, согласные съ его собственными взглядами, говорилъ едва слышнымъ, но покойнымъ голосомъ:

— Силы мои слабѣютъ. Но васъ никакъ я не оставлю до самой своей смерти. Одинъ саванъ отдѣлитъ меня отъ крестьянскаго вопроса.

Такъ умираютъ истинные граждане своего отечества! Ростовцевъ просилъ врачей,—если положеніе его станетъ безнадежнымъ, предупредить его, чтобы онъ, прежде чѣмъ потеряетъ сознаніе, имѣлъ время въ послѣдній разъ переговорить съ Государемъ. Желаніе его исполнилось. Государь находился у постели Ростовцева за нѣсколько минутъ до его смерти. Умирающій не переставалъ ободрять Царя, зная многочисленныя препятствія на его преобразовательномъ пути. Послѣдними словами Ростовцева Императору были:

— Не бойтесь, Государь!..

И Ростовцевъ скончался въ присутствіи Царя.

Записка, которую Государь назвалъ завѣщаніемъ, въ сжатой и чрезвычайно простой формѣ обозрѣвала рѣшенія Коммиссій. На первомъ планѣ стояла забота о дѣйствительно независимомъ, *гражданскомъ* устройствѣ свободнаго народа. Окончательно и безусловно сельскія общества становились земельными собственниками,—и больше не могло быть и рѣчи объ освобожденіи крестьянъ безъ земли. Столь же безусловно крестьяне пріобрѣтали личную свободу. На нихъ распространялись права другихъ сословій—вѣдать свои сословныя дѣла въ своихъ учрежденіяхъ, т. е. имѣть свой судъ, свое волостное

хозяйство, свое деревенское начальство,—подобно тому, какъ дворяне и горожане имѣли свои учрежденія для своихъ сословныхъ нуждъ. Крестьяне, дѣйствительно, становились гражданами, зависимыми только отъ государства, и ни отъ какихъ другихъ высшихъ сословій.

Въ концѣ записки тѣ же слова вѣры въ „святое дѣло", какія Ростовцевъ говорилъ Государю предъ смертью:

„Въ настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества полный тѣхъ же лучшихъ надеждъ и той же теплой вѣры, которыя Васъ, Государь, никогда не покидали".

XIX.

Для Государя была въ высшей степени цѣнна вѣра и бодрость его помощниковъ. Коммиссіи работали быстро, но среди членовъ далеко не было единодушія. Государь рѣшилъ пригласить представителей Губернскихъ комитетовъ — принять участіе въ Коммиссіяхъ. Онъ предварительно принялъ депутатовъ и горячо призывалъ ихъ посодѣйствовать общему дѣлу. Но среди нихъ нашлось не мало непоколебимыхъ противниковъ реформы. Они немедленно замѣтили, что Коммиссіи давно и безповоротно работаютъ съ цѣлью полной отмѣны крѣпостного права. Начались пререканія, личные споры, и Ростовцевъ долженъ былъ сообщать Государю, что среди нѣкоторыхъ представителей дворянства замѣчаются личные и сословные интересы, что уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ они считаютъ нарушеніемъ ихъ права собственности, обвиняютъ даже членовъ Коммиссій въ стремленіи—обобрать дворянъ, водворить въ Россіи безначаліе.

Государя крайне раздражало такое непониманіе его намѣреній, — и онъ спѣшилъ на донесенія Ростовцева отвѣчать въ мужественномъ тонѣ, исполненномъ достоинства и энергіи:

— Не унывайте, какъ я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобы Онъ насъ наставилъ и укрѣпилъ.

Государь снова обратился къ испытанному средству — поддержать друзей реформы. Непосредственно послѣ прискорбныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ дворянъ въ Коммиссіяхъ, онъ отправился въ Псковъ — посѣтить балъ, предложенный ему дворянами, и на пріемѣ произнесъ рѣчь. Также рѣчью онъ отвѣтилъ и на благодарность дворянства за посѣщеніе бала.

Государь заявилъ, что дѣло освобожденія крестьянъ приходитъ къ концу, что оно непремѣнно осуществится на общую пользу крестьянъ и дворянъ, и что дворяне не должны поддаваться ложнымъ страхамъ за свое будущее.

— Прошу всѣхъ, — говорилъ Государь, — не вѣрить никакимъ превратнымъ толкамъ, которыми только хотятъ васъ мутить, а вѣрьте мнѣ одному и моему слову.

Это слово должно было оправдаться особенно внушительно послѣ смерти Ростовцева. Предсѣдателемъ Коммиссіи былъ назначенъ графъ Панинъ, министръ юстиціи. Графъ далеко не отличался практическимъ, живымъ умомъ своего предшественника. Онъ считался за врага реформы. Но у него было много трудолюбія служебной опытности. — Видимо, въ этихъ соображеніяхъ, Государь счелъ необходимымъ при самомъ назначеніи рѣшительно заявить новому предсѣдателю, что занятія Коммиссіи должны идти въ прежнемъ направленіи, что предсмертная записка Ростовцева должна остаться его неизмѣннымъ руководствомъ. Только на этихъ условіяхъ Панинъ получалъ новое назначеніе, и Государь настойчиво подчеркивалъ все это въ своемъ разговорѣ съ Панинымъ.

— Ведите все такъ, какъ было, — говорилъ онъ. Я — всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобы вы могли меня обмануть!

Великій князь Константинъ Николаевичъ, заинтересован-

ный въ судьбѣ „святого дѣла“, также имѣлъ бесѣду съ графомъ Панинымъ. Графъ и его усердно завѣрилъ въ своей безусловной покорности царской волѣ.

— Если я,—говорилъ онъ,—какими-либо путями, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что Государь смотритъ иначе, чѣмъ я,—то я долгомъ сочту тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ и даже съ большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями.

Эта рѣчь дѣлала большую честь подданническимъ чувствамъ графа; но даже и при величайшемъ усердіи онъ не могъ вполнѣ освободиться отъ своего враждебнаго настроенія по отношенію къ крестьянской свободѣ. Государю и вскорѣ Великому князю Константину Николаевичу пришлось энергично вмѣшаться въ ходъ дѣлъ.

Государь съ неустаннымъ вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіями Коммиссіи. Онъ прочитывалъ протоколы ея засѣданій, дѣлалъ многочисленныя замѣчанія на поляхъ, исправлялъ даже опечатки. Членамъ и гр. Панину становилось ясно, что повернуть дѣло въ другую сторону нѣтъ ни малѣйшей возможности, тѣмъ болѣе, что Государь безпрестанно настаивалъ—„отнюдь не затягивать и не откладывать дѣло въ долгій ящикъ“. Въ самихъ Коммиссіяхъ гр. Панинъ и его сторонники встрѣтили неумолимаго противника въ лицѣ Милютина. Онъ, по смерти Ростовцева, чувствуя еще глубже свою нравственную отвѣтственность предъ „святымъ дѣломъ“,— шагъ за шагомъ слѣдилъ за открытыми и затаенными умыслами враговъ реформы и безпощадно подвергалъ ихъ критикѣ, изобличая ихъ злую волю или отсутствіе основательныхъ свѣдѣній въ данномъ вопросѣ.

Теперь именно Милютинъ съ особенной силой развернулъ дѣятельность, которая впослѣдствіи увѣнчала его именемъ „кузнеца-гражданина“. Графъ Панинъ не дорожилъ главнѣй-

шей основой реформы—обязательнымъ надѣленіемъ крестьянъ землею,—и предлагалъ предоставить рѣшеніе этого вопроса полюбовному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ. И Милютинъ во всеоружіи своего слова возсталъ противъ предложенія предсѣдателя. Милютинъ въ пылу рѣшительной битвы не отступалъ и предъ рѣзкими, часто очень ядовитыми замѣчаніями, и противники невольно должны были умолкать, подавленные силой убѣжденія и ослѣпительной ясностью фактовъ и мыслей.

— Васъ не переспоришь,—говорили побѣжденные, отдавая должное упорству и могуществу „кузнеца-гражданина“.

Графъ Панинъ часто попадалъ въ крайне неловкое положеніе подъ ударами Милютина. Дошло до того, что однажды Милютинъ прямо изобличилъ предсѣдателя въ умышленномъ извращеніи постановленій Коммиссій. Графу становилось тяжело исполнять предсѣдательскія обязанности, онъ уже было передалъ ихъ одному изъ сочленовъ. Но Государь призналъ удовлетворительнымъ труды Коммиссій и рѣшилъ прекратить ея засѣданія. Это рѣшеніе не наносило дѣлу ни малѣйшаго ущерба: всѣ главные вопросы и отдѣльныя часности были уже разсмотрѣны. Оставалось—заключенія Коммиссій подвергнуть окончательному рѣшенію высшихъ учрежденій—Главнаго Комитета и, наконецъ, Государственнаго Совѣта.

Государь пожелалъ принять членовъ Коммиссій, поблагодарилъ ихъ и выразилъ надежду, что каждый изъ нихъ въ своемъ кругѣ будетъ содѣйствовать общему благу.

— Дѣло это слишкомъ близко моему сердцу,—говорилъ Государь.—Я увѣренъ, что оно такъ же близко вамъ, какъ и мнѣ.

Собраніе матеріаловъ, разсмотрѣнныхъ Коммиссіями, наполнило тридцать пять обширныхъ печатныхъ томовъ. Впослѣдствіи Государь въ особомъ рескриптѣ, въ день своего рожденія, свидѣтельствовалъ о великихъ заслугахъ Коммисій

предъ крестьянскимъ вопросомъ, признавалъ предъ всей Россіей, что члены Коммиссій „посвящали сему дѣлу все свое время, всѣ свои мысли и способности“. Государь съ горячей благодарностію вспоминалъ о первомъ предсѣдателѣ Коммиссій, говорилъ, что смерть похитила его среди неусыпныхъ трудовъ, что онъ отдавалъ имъ „дни и ночи“. Государь выражалъ увѣренность, что заслуги Ростовцева памятны его, – цареву, — сердцу, не будутъ забыты и исторіей.

Трогательная рѣчь сопровождалась не менѣе трогательнымъ фактомъ. Въ день рескрипта, — 17 апрѣля 1861 года, — была учреждена золотая медаль „за труды по освобожденію крестьянъ“. Награждая этой медалью живыхъ, Государь не забылъ и мертваго. Въ надгробный памятникъ Ростовцева вдѣлали медаль; семья покойнаго возведена въ графское достоинство. Рескриптъ на имя графини Ростовцевой изображенъ на бронзовой доскѣ, и она поставлена у того же надгробнаго памятника. Въ рескриптѣ Государь напомнилъ супругѣ покойнаго о заслугахъ ея мужа и въ слѣдующихъ словахъ увѣковѣчивалъ его память:

„Я повелѣлъ препроводить къ вамъ медаль, установленную въ воспоминаніе великаго событія — уничтоженія крѣпостной въ отечествѣ нашемъ зависимости. На чей вы увидите изображенное въ самомъ видномъ мѣстѣ слово: *благодарю*. Сіе слово обращается и къ умершему супругу вашему, какъ бывшему однимъ изъ ревностнѣйшихъ и главнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ исполнителей моей воли. Такая медаль будетъ положена на гробницу его, а та, которая посылается къ вамъ, да сохранится навсегда въ семействѣ его и потомствѣ“.

Этотъ рескриптъ появился, когда уже отмѣна крѣпостного права состоялась окончательно. Но для этого постановленіямъ Коммиссій предстояло пройти еще двѣ ступени: подвергнуться обсужденію въ Главномъ Комитетѣ и — превратиться въ законъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Государь былъ увѣренъ,

что главное дѣло сдѣлано, и остается только постановить окончательное рѣшеніе. Но, въ дѣйствительности,—намѣреніямъ Государя суждено было встрѣтить и на послѣднихъ порахъ все тѣ же старыя препятствія.

Предсѣдателемъ Комитета былъ князь Орловъ, далеко не раздѣлявшій стремленій Государя. Онъ еще при открытіи Коммиссій заявлялъ членамъ, что ихъ постановленія могутъ быть исправлены, что крестьянскій вопросъ—слишкомъ сложный и запутанный. Несомнѣнно,—такихъ же взглядовъ держался князь и послѣ закрытія Коммиссій.

Но именно въ это самое время онъ заболѣлъ, и предсѣдателемъ Главнаго Комитета Государь назначилъ своего брата, Константина Николаевича. На новомъ посту Великій князь является однимъ изъ славнѣйшихъ дѣятелей народнаго освобожденія.

XX.

Великій князь уже давно принималъ горячее участіе въ крестьянскомъ вопросѣ. Еще до начала преобразовательнаго движенія дѣятельность Константина Николаевича поставила его на самое видное мѣсто среди высшихъ государственныхъ людей страны. Она особенно ярко бросалась въ глаза сравнительно съ направленіемъ громаднаго большинства сановниковъ и придворныхъ. Сторонники народной свободы именно въ Великомъ князѣ заранѣе могли видѣть могущественнѣйшую опору и ближайшаго, благороднѣйшаго совѣтника Государя.

Стремленія къ высокимъ цѣлямъ народнаго благоденствія развились въ Константинѣ Николаевичѣ еще въ ранней молодости. Какимъ путемъ шло это развитіе, у насъ есть драгоцѣнное свидѣтельство, — переписка Великаго князя съ Жуковскимъ.

На Константина Николаевича въ тринадцать лѣтъ возложена была обязанность каждое воскресенье написать письмо къ какому-нибудь знакомому отсутствующему лицу. Такимъ путемъ имѣлось въ виду пріучить Великаго князя къ правильному изложенію мыслей. Эта обязанность крайне тяготила его, пока очередь не дошла до Жуковскаго. Поэтъ на его письмо прислалъ такой интересный отвѣтъ, что Великій князь сразу увлекся перепиской съ поэтомъ, и непріятная обязанность, благодаря Жуковскому, превратилась въ удовольствіе.

Поэтъ немедленно обнаружилъ свое искусство—вести занимательную и поучительную бесѣду съ юнымъ корреспондентомъ. Исправляя его слогъ, онъ въ то же время дѣйствовалъ и на его умъ и сердце. Въ первомъ же письмѣ, давъ нѣсколько указаній насчетъ правильности слога, Жуковскій прибавлялъ:

„Это искусство можете вы мало-по-малу пріобрѣсти отъ навыка. Но прежде всего будьте человѣкомъ, имѣйте ясныя мысли, высокія чувства, теплоту сердца и любовь къ правдѣ; тогда вашъ слогъ будетъ выраженіемъ прекраснаго, и тотъ, кто будетъ васъ читать, догадается, что онъ бесѣдуетъ съ Великимъ княземъ, достойнымъ своего имени и званія". Поэтъ старался и въ этомъ случаѣ внушить сыну царя свой завѣтный идеалъ, который съ такой силой воплощался въ его питомцѣ, наслѣдникѣ престола. „Ничего не можетъ быть выше на землѣ",—писалъ онъ Константину Николаевичу,—„какъ царь, или сынъ у царя, достойный имени человѣка".

И Жуковскій уже тринадцатилѣтнему Великому князю объясняетъ путь, какой предстоитъ ему въ будущемъ. Онъ долженъ заранѣе закалять свою волю, вооружаться всестороннимъ умственнымъ развитіемъ: битва предстоитъ трудная,—развязка ея должна быть или заслуженная слава, или—заслуженное посрамленіе. И нравственная отвѣтственность тѣмъ выше, чѣмъ возвышеннѣе положеніе бойца. Судъ при жизни состоитъ

подъ судомъ всенароднымъ, а по смерти сверхъ суда Божія, предается еще суду исторіи. Она кладетъ на его память или клеймо стыда, или вѣнецъ славы.

Великій князь долженъ возможно тщательнѣе заботиться о своемъ совершенствованіи. дорожить временемъ, скорѣе другихъ сдѣлаться зрѣлымъ человѣкомъ. Константину Николаевичу исполняется всего четырнадцать лѣтъ, Жуковскій уже начинаетъ раскрывать ему его великія обязательства предъ родиной.

„Пора! Великій князь, дорожите минутами и часами, изъ нихъ творятся годы, а ваши годы должны быть радостью русскаго народа, его честью и пользою въ настоящемъ и славною страницею въ его исторіи“.

Поэтъ намѣчаетъ даже программу дѣятельности для Великаго князя. Онъ настаиваетъ, что *жизнь и движеніе*—необходимыя условія для благоденствія государства. Все, что́ составляетъ жизнь души человѣческой, должно цвѣсти безъ всякаго утѣсненія. Великій князь долженъ принимать участіе во всемъ, что входитъ въ составъ общественной жизни. Онъ долженъ „понимать свое время, поставить себя на высоту своего вѣка своимъ всеобъемлющимъ просвѣщеніемъ, своею неподражаемою правдою, основанною съ одной стороны на святой любящей правдѣ Христа, а съ другой—на строгой правдѣ закона гражданскаго“.

Великаго князя, посѣтившаго Царьградъ, увлекла мысль видѣть когда-нибудь щитъ новаго Олега на вратахъ столицы Византіи.—Жуковскій возстаетъ противъ этихъ воинственныхъ помысловъ и доказываетъ, что Россіи для ея истиннаго величія не нужно внѣшняго ослѣпительнаго великолѣпія; ей надо внутреннее, не блистательное, — но постоянное національное развитіе.

Великій князь дѣятельно отвѣчалъ поэту. Мысли Жуковскаго, всегда простыя и человѣчныя, видимо, падали на бла-

годарную почву. Воинственное увлеченіе Великаго князя прошло скоро, лишь только онъ лично поближе увидѣлъ войну. Во время возстанія венгровъ противъ Австріи русскія войска были посланы на помощь австрійцамъ, — Константинъ Николаевичъ въ этомъ походѣ заслужилъ георгіевскій крестъ, — но военный пылъ пропалъ окончательно; объ этомъ Великій князь писалъ Жуковскому. Поэтъ могъ радостно привѣтствовать еще одного своего питомца и ученика, выроставшаго дѣйствительно *человѣкомъ* и истиннымъ представителемъ своего народа, — чего требовалъ поэтъ отъ государей и князей. Не оказывалось въ Константинѣ Николаевичѣ и недостатка въ волѣ, въ *умѣніи хотѣть* и выполнять свои хотѣнья. Именно, на этомъ качествѣ особенно настаивалъ Жуковскій, — и Великій князь не замедлилъ обрадовать всѣхъ лучшихъ людей своего отечества — неуклоннымъ и горячимъ стремленіемъ къ правдѣ и свѣту.

XXI.

Императоръ Николай предназначилъ своего второго сына для морской службы. На этомъ поприщѣ Великій князь успѣлъ развить дѣятельность, совершенно неожиданную и, повидимому, не входившую въ кругъ обязанностей и заботъ *генералъ-адмирала*.

Прежде всего онъ положилъ руку на жестокую язву стараго времени, — на невѣжество, обманы и всевозможныя тайныя преступныя продѣлки чиновниковъ. Онъ потребовалъ безусловной *правды* во всѣхъ служебныхъ отчетахъ, какіе представлялись ему. Только одну *истину* обѣщалъ Великій князь принимать и цѣнить, и притомъ истина не должна оставаться тайной канцеляріи. Великій князь желалъ знать подробно внутреннее положеніе Россіи и для изученія ея были призваны не чиновники, а лучшіе современные писатели — Писемскій,

Гончаровъ, Григоровичъ. Въ морскомъ вѣдомствѣ начались преобразованія, предвѣщавшія великія общія реформы. Константинъ Николаевичъ обратилъ вниманіе на улучшеніе школъ, въ казенномъ журналѣ „*Морской Сборникъ*“ допустилъ статьи объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, о гласномъ судопроизводствѣ. Въ журналѣ появились сочиненія, не имѣвшія ничего общаго съ морскимъ дѣломъ. Геніальный врачъ и знаменитый педагогъ Пироговъ здѣсь помѣстилъ свои статьи „*Вопросы жизни*“, возстававшія противъ жестокости и бездушія старыхъ педагоговъ и учителей. Всѣ газеты только и жили перепечатками изъ морского журнала; такъ дѣятельно и просвѣщенно обсуждались здѣсь современныя нужды Россіи и стремленія ея образованнѣйшихъ гражданъ.

Помимо статей, „*Морской Сборникъ*“ печаталъ разсказы изъ военнаго быта. Великій князь желалъ, чтобы въ этихъ статьяхъ *сильно* и *смѣло* подвергались осмѣянію пороки военной среды, безсердечіе начальниковъ, ихъ ошибочное пониманіе своихъ обязанностей и отношеній къ подчиненнымъ. Все живое и мыслящее въ Россіи зачитывалось „*Сборникомъ*“, и имя Великаго князя являлось популярнѣйшимъ во всей странѣ. Вмѣстѣ съ Великой княгиней Еленой Павловной, Константинъ Николаевичъ становится вдохновителемъ и центромъ новаго преобразовательнаго движенія и ближайшей поддержкой Государя.

Всякій разъ, когда безчисленныя препятствія начинали огорчать императора,—братъ вновь возбуждалъ въ немъ бодрость духа, и страстной, убѣжденной рѣчью разсѣевалъ сомнѣнія. Всюду, гдѣ только угрожала опасность „святому дѣлу“, Великій князь являлся неутомимымъ бойцомъ. При его участіи состоялся рескриптъ Назимову, и былъ разосланъ по всей Россіи, сталъ извѣстнымъ обществу и народу. Во время работы Редакціонныхъ Коммиссій Константинъ Николаевичъ неусыпно слѣдитъ за ходомъ дѣла. Ему представляются по-

дробные отчеты, онъ ихъ изучаетъ съ героическимъ усердіемъ, и единственный среди членовъ Главнаго комитета знаетъ основательно всѣ постановленія и матеріалы Коммиссій еще раньше

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

ше поступленія ихъ въ Комитетъ. Сторонники реформы безпрестанно обращаются къ Великому князю за совѣтами, утѣшеніями и защитой. Онъ всегда готовъ отразить опасность, повлiять

на Государя, воспользоваться своимъ авторитетомъ надъ несговорчивыми членами. Это — многочисленныя, неоцѣненныя услуги,—и исторія даже не въ состояніи всѣ ихъ отмѣтить и по достоинству оцѣнить. Пока Великій князь дѣйствовалъ, преимущественно, какъ частный человѣкъ.

Открыто, предъ всей Россіей выступилъ онъ, назначенный предсѣдателемъ Главнаго комитета. Это было истиннымъ праздникомъ для друзей народной свободы,—и Великій князь первый торжествовалъ. Онъ съ жаромъ принялся за работу, по выраженію очевидца, *вложилъ въ нее всю свою душу*.

Вся предыдущая дѣятельность Константина Николаевича должна была показать противникамъ реформы, какая трудная и сложная борьба предстоитъ съ *такимъ* ея защитникомъ. Всѣ знали рѣдкую добросовѣстность Великаго князя въ работѣ, его неизмѣнную привычку—не приступать къ рѣшенію вопроса безъ предварительнаго глубокаго изученія. Никто не могъ похвалиться предъ Великимъ княземъ болѣе основательными свѣдѣніями и болѣе сильной способностью—помнить ихъ и пользоваться ими въ пылкихъ, увлекательныхъ рѣчахъ. Очевидно,—готовилась послѣдняя, рѣшительная борьба, одинаково замѣчательная и по предмету спора, и по личности главнаго борца.

XXII.

Девятаго октября Редакціонныя коммиссіи были закрыты, и всѣ ихъ работы поступили въ Главный Комитетъ. Предсѣдатель его князь Орловъ подвергся параличу всего за нѣсколько дней до этого событія.

Въ Комитетѣ, какъ и во всѣхъ предшествующихъ учрежденіяхъ, нашлось не мало людей, готовыхъ если не задержать отмѣну крѣпостного права, то по возможности сдѣлать ее наименѣе выгодной для крестьянъ. Графъ Панинъ шагъ за

шагомъ выторговывалъ клочки земли изъ предположеннаго надѣла крестьянамъ. Великій князь, съ свойственной ему горячностью и вооруженный всесторонними знаніями дѣла,— возсталъ противъ мелкихъ корыстныхъ разсчетовъ своихъ противниковъ. Битва заняла болѣе сорока засѣданій, и Великій князь не покидалъ поля отъ начала до конца.

Онъ предоставляетъ членамъ полную свободу высказывать свои мнѣнія, съ поразительнымъ терпѣніемъ слѣдить за преніями и удивляетъ всѣхъ основательностью знаній и выносливостью въ работѣ. Молодой, пылкій, искренне-убѣжденный, сильный физически, съ блестящимъ умомъ и обширной памятью,—Великій князь въ теченіе всѣхъ работъ Главнаго Комитета является истиннымъ рыцаремъ и героемъ народной свободы. Весь ходъ дѣла лежитъ на немъ. Государь пока не вмѣшивается въ занятія Комитета, а большинство членовъ ежеминутно готово запутаться въ личныхъ счетахъ и канцелярскихъ передрягахъ. Великій князь напрягаетъ всѣ силы— образовать большинство на своей сторонѣ и рѣшается завоевать даже самого графа Панина.

Происходитъ по истинѣ историческое совѣщаніе. Еще никогда Великому князю не требовалось столько краснорѣчія, выдержки и авторитета. Очевидецъ, много лѣтъ позже, такъ отзывался объ этомъ событіи:

„Никогда не изгладятся изъ моей памяти тѣ усилія ума и воли, благодаря которымъ послѣ двухъ-часовыхъ горячихъ споровъ, происходившихъ въ кабинетѣ Великаго князя, ему удалось, наконецъ, убѣдить гр. Панина присоединиться къ мнѣнію большинства“.

Рубиконъ былъ перейденъ. Двадцать шестого января 1865 года состоялось послѣднее засѣданіе Главнаго Комитета въ соединеніи съ Комитетомъ министровъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя. Императоръ горячо благодарилъ большинство, нѣсколько разъ обнялъ Великаго князя и про-

изнесъ въ высшей степени энергическую и настойчивую рѣчь, какъ бы предупреждая новыя проволочки и помѣхи великому дѣлу. Государь говорилъ, что до сихъ поръ онъ допускалъ полную свободу въ обсужденіи вопроса,—всѣ и каждый могли невозбранно выражать свои мнѣнія, но теперь онъ не дозволитъ никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ. Дѣло должно быть окончено непремѣнно къ пятнадцатому февраля. „Этого,— прибавилъ Царь, — я желаю, требую и повелѣваю“.

Двадцать восьмого января проектъ Главнаго Комитета поступилъ въ Государственный Совѣтъ. Засѣданіе открылъ лично Государь знаменитой рѣчью, единственной во всей русской исторіи по своему историческому значенію.

Государь началъ слѣдующими словами:

„Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитъ ея силы и мужество. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, убѣждены въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя, почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ окончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ. Возлагаю это на прямую обязанность предсѣдательствующаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Повторяю, и это моя непремѣнная воля, чтобы дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія, какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства. Я не могу не удивляться и не радоваться, и увѣренъ, что вы всѣ такъ же радуетесь тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ“.

Дальше Государь излагалъ исторію крестьянскаго вопроса, начиная ее заявленіемъ, что предшественники его „чувствовали все зло крѣпостного права“. Государь обозрѣлъ мѣры, какія принимались прежними государями для улучшенія быта крестьянъ и „постепеннаго ограниченія произвола помѣщичьей власти“ и указалъ, что всѣ онѣ не имѣли успѣха и по необходимости привели правительство къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Рѣчь Государь заканчивалъ твердой увѣренностью, что, наконецъ, его начинанія придутъ къ благополучному концу.

Министры потомъ передавали, что еще ни разу они не видали Государя съ такимъ рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ тонѣ рѣчи. Одинъ изъ сановниковъ въ письмѣ къ фельдмаршалу князю Барятинскому такъ описывалъ свои впечатлѣнія:

„Засѣданіе Государственнаго Совѣта 28-го января останется памятнымъ въ исторіи Россіи рѣчью, которою Государь освѣтилъ разбирательство Совѣта по проекту освобожденія. Эта рѣчь доказывала глубокое знаніе, которымъ обладаетъ Императоръ по отношенію ко всему этому дѣлу, доказала, насколько онъ имѣетъ о немъ ясное представленіе, и обнаружила тотъ раціональный планъ, которому онъ слѣдовалъ съ полною твердостью. Эта рѣчь поставила Государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ Совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какою либо канцеляріею Совѣта, не была написана и прочитана,—нѣтъ, но была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая давно созрѣла въ головѣ“.

Но и послѣ этой рѣчи Государь не могъ положиться на своихъ совѣтниковъ. Они все подъ тѣмъ же предлогомъ отсрочить окончательное рѣшеніе вздумали было собирать до-

полнительныя свѣдѣнія. Государь еще разъ подтвердилъ, что все должно быть кончено къ 15 февраля. На каждый день Государственному Совѣту назначался опредѣленный урокъ, и засѣданіе не могло закрыться раньше, чѣмъ урокъ не былъ выполненъ. Большинство далеко не всегда оказывалось за проекты Коммиссій, и Государь присоединялся къ меньшинству.

Шестнадцатаго февраля работы были закончены; девятнадцатаго проектъ манифеста представленъ Государю для подписи. Государь чувствовалъ величіе минуты. Онъ остался наединѣ съ самимъ собой, горячо молился, и—подписалъ безсмертный актъ. Французскій историкъ называетъ этотъ день „величайшимъ днемъ девятнадцатаго столѣтія“. Какъ же должны именовать этотъ день мы,—русскіе?!..

Въ тотъ же день, девятнадцатаго февраля, послѣдовалъ рескриптъ на имя Великаго князя Константина Николаевича.

Государь изъявлялъ брату „живѣйшую и глубокую признательность“, свидѣтельствовалъ объ его „пламенномъ ко благу общему усердіи“, объ его ежедневныхъ трудахъ, особенно помогшихъ закончить дѣло. Рескриптъ оканчивался трогательными словами, столь обычными во всѣхъ рѣчахъ Императора во время крестьянской реформы:

„Будущее извѣстно единому Богу, и окончательный успѣхъ предпринятаго великаго дѣла зависитъ отъ Его святой, всегда благостной воли. Но мы можемъ нынѣ же съ спокойной совѣстью сказать себѣ, что нами употреблены для совершенія онаго всѣ бывшія во власти нашей средства, и съ смиреньемъ уповать, что покровительствующее любезному нашему отечеству Провидѣніе благословитъ исполненіе нашихъ намѣреній, коихъ чистота Ему извѣстна“.

XXIII.

Пятаго марта манифестъ былъ объявленъ всенародно, сначала въ Петербургѣ. На разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ Государь самъ прочиталъ его. Долго несмолкавшіе клики народа были отвѣтомъ. Два дня спустя, по всей Россіи были посланы флигель-адъютанты—объявлять „волю“.

Народъ встрѣтилъ вѣсть съ глубокой, но сдержанной радостью. Долго ожидая освобожденія, онъ будто не вѣрилъ желанной вѣсти или не могъ сразу вникнуть въ ея значеніе. Одно только обстоятельство обнаружилось съ самаго начала: стало очевиднымъ, что всѣ страхи помѣщиковъ и противниковъ реформы не имѣли никакого основанія, что освобожденные крестьяне отнюдь не намѣрены воспользоваться своей свободой для мести бывшимъ господамъ, что они безусловно оправдаютъ мнѣніе Государя объ ихъ спокойствіи и довѣріи правительству.

Только въ двухъ мѣстахъ взволновались крестьяне, смущенные нелѣпыми толками невѣжественныхъ грамотеевъ—о другой „чистой волѣ“, т.-е. объ отдачѣ крестьянамъ всей помѣщичьей земли. Крестьянъ особенно смущало постановленіе, чтобы они работали на помѣщиковъ еще въ теченіе двухъ лѣтъ, пока окончательно не будутъ отмѣрены имъ надѣлы и опредѣленъ выкупъ — за эти надѣлы. Но и это смущеніе въ высшей степени рѣдко переходило въ открытое неудовольствіе. Народъ мирно вступалъ въ свои права, твердо вѣруя въ чистоту намѣреній царя.

Какъ, обыкновенно, встрѣчали крестьяне чтеніе манифеста, показываетъ слѣдующій разсказъ очевидца, сельскаго священника.

Чтеніе по селамъ происходило у церквей. Народъ слушалъ, едва переводя духъ и, какъ одинъ человѣкъ, начиналъ волноваться при какомъ-либо словѣ, казавшемся невыгоднымъ для крестьянъ. Но первое же толковое объясненіе успокоивало его.

Очевидецъ рисуетъ слѣдующую сцену, — одну изъ безчисленнаго множества.

Когда исправникъ послѣ чтенія сказалъ крестьянамъ, что они теперь вольные, но что два года должны все-таки работать,—крестьяне закричали въ одинъ голосъ:

— Десять проработаемъ, весь вѣкъ проработаемъ, лишь бы дѣти наши были вольными! За два года и стоять никто не станетъ. Много маялись, а два года,—это все равно, что плюнуть.

Исправникъ сказалъ:

— Теперь съ васъ не будутъ брать ни барановъ, ни шерсти, ни ягодъ,—ничего ровно.

— Мы согласны эти два года по пяти барановъ давать; своихъ у насъ нѣтъ,—купимъ. Берите, что хотите, и работать будемъ, лишь бы мы знали, что будемъ когда-нибудь вольными, что будетъ всему этому когда-нибудь конецъ!

— И бить васъ не будуть, и сѣчь васъ не будутъ.

— Вотъ на этомъ благодаримъ васъ покорно! Этого мы откладывать на два года не согласны.—Всѣ засмѣялись.

— Но если вы не будете слушаться, не будете ходить на работу, васъ будутъ сѣчь, но только не баринъ, а полиція,—или становой, или я.

— О работѣ и толковъ не будетъ, работать будемъ, мы сказали.

— Ребятъ и стариковъ, не станутъ посылать на барщину.

— Стариковъ-то такъ, а ребята то, пожалуй, и соскучатся, какъ долго не станутъ колотить ихъ.

И всѣ захохотали.

Очевидно,—при такомъ настроеніи не могло быть и рѣчи о возмущеніяхъ. Но даже и тамъ, гдѣ они происходили, и гдѣ власти вынуждены были обращаться къ помощи военной силы, дѣло кончалось безъ большихъ жертвъ.

Мы знаемъ подробнѣйшій разсказъ генерала, усмирявшаго

одно изъ самыхъ опасныхъ возмущеній,—въ селѣ Кандеевкѣ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Крестьяне здѣсь рѣшительно отказывались идти на барщину, и даже подъ выстрѣлами кричали: „Всѣ до одного умремъ за Бога и царя, но не покоримся".

Возмущеніе было прекращено, убитыхъ оказалось одиннадцать человѣкъ, между тѣмъ какъ въ деревнѣ въ это время было до семи тысячъ, собравшихся съ сосѣдней округи.

И такъ мѣстностей нашлось только двѣ на всемъ пространствѣ Россіи,—въ Пензенской и еще въ Казанской губерніи. Царь могъ искренно порадоваться за благоразуміе и благородство своего народа и съ добрымъ чувствомъ принимать изъявленія благодарности отъ бывшихъ крѣпостныхъ.

Спустя недѣлю послѣ объявленія манифеста, фабричные и ремесленники Петербурга и окрестностей, въ количествѣ многихъ тысячъ, собрались къ Зимнему дворцу и подали Государю хлѣбъ-соль и адресъ. Между крестьянами и царемъ произошелъ слѣдующій разговоръ.

Послѣ привѣтствія—крестьяне сказали:

— Мы пришли благодарить тебя, Государь, за свободу, которую Ты даровалъ намъ. Удостой принять хлѣбъ и соль отъ трудовъ нашихъ.

Государь отвѣчалъ:

— Благодарю васъ, дѣти, за сочувствіе ваше; дѣло стоило не малаго труда. Поняли ли, дѣти, что для васъ сдѣлано, въ пользу вашего общаго блага, мною въ объявленномъ вамъ манифестѣ?

— Мы чувствительно благодаримъ Ваше Императорское Величество за Ваши великія благодѣянія, которыми Вы обновили жизнь нашу.

— Это было начато еще Моимъ Родителемъ, но Онъ не успѣлъ его кончить при своей жизни. Мнѣ пришлось съ помощью Бога совершить оное дѣло, для блага вашего. Но

вы, дѣти, теперь должны благодарить Бога и молиться о вѣчной памяти Моего Родителя, и самимъ вамъ, всѣмъ вообще, всѣмъ быть полезнымъ для блага отечества. Благодарю васъ; я доволенъ вами.

Такъ передавалъ это событіе крестьянинъ, одинъ изъ участниковъ.

Въ адресѣ крестьяне благодарили Государя за гражданскія права, имъ дарованныя, за свою обновленную жизнь, за свое настоящее счастье, какого не знали ихъ отцы и дѣды, и за будущее счастье своихъ дѣтей и внуковъ.

Въ Москвѣ, въ маѣ, произошла подобная же сцена. Около десяти тысячъ человѣкъ крестьянъ явились къ Государю подали ему хлѣбъ-соль; семидесятилѣтній старикъ произнесъ привѣтствіе. Государь прошелъ среди толпы; она съ восторженными криками падала на колѣни, называла царя „отцомъ-освободителемъ“, и въ своемъ адресѣ свидѣтельствовала о вѣчныхъ молитвахъ за него—внуковъ и правнуковъ освобожденныхъ крестьянъ.

Проѣзжая изъ Москвы въ Крымъ, въ Тулѣ и Полтавѣ Государь обратился къ дворянамъ съ рѣчами. Онъ призывалъ ихъ—помочь ему—укрѣпить новый порядокъ. Было очевидно, что Государь не остановится на пути преобразованій. Освобожденный народъ, и, слѣдовательно, до самыхъ основъ обновленная страна требовали дальнѣйшихъ перемѣнъ въ старомъ бытѣ. И новый 1862-й годъ принесъ вѣсть о новыхъ готовившихся реформахъ.

Во главѣ стояло—преобразованіе суда и народнаго просвѣщенія вмѣстѣ съ устройствомъ народныхъ школъ. Вновь учрежденныя Коммиссіи продолжали работать надъ всестороннимъ развитіемъ народнаго гражданскаго быта, неуклонно вырывая вѣковые плевелы на только что засѣянной нивѣ. И Царь, убѣдившись, съ какимъ достоинствомъ и самообладаніемъ принялъ народъ коренную перемѣну въ своемъ существованіи могъ смѣло задумывать и осуществлять для него новыя благодѣянія свободной человѣческой жизни.

XXIV.

Всѣ преобразованія Александра II, слѣдовавшія за отмѣной крѣпостного права, неразрывно связаны съ этимъ величайшимъ подвигомъ царя. Возникла новая свободная Россія, и все, чѣмъ жило еще столь недавнее прошлое, являлось теперь непримиримымъ противорѣчіемъ, болѣзненнымъ недугомъ въ жизни освобожденнаго народа. И царь это понималъ съ самаго начала.

Предъ нимъ развертывалась твердая программа дальнѣйшихъ преобразовательныхъ мѣръ, и никакая сила не могла бы свернуть преобразователя съ его пути. Это стало вполнѣ ясно еще до объявленія крестьянской свободы.

Врядъ ли когда болѣе глубокія перемѣны во внутреннемъ строѣ государства сопровождались болѣе неблагопріятными внѣшними обстоятельствами. Мы только тогда по достоинству оцѣнимъ рѣшительность Александра II — идти неуклонной дорогой къ всестороннему обновленію своего царства, когда представимъ въ точности злыя силы, отвлекавшія русское правительство отъ текущей дѣятельности.

Одной изъ такихъ силъ явилось польское возстаніе. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что вожди возстанія разсчитывали на предстоящее объявленіе воли и надѣялись на внутреннія смуты Россіи. Первая вѣсть о мятежномъ движеніи въ Варшавѣ пришла въ Петербургъ за нѣсколько дней до подписанія манифеста 19-го февраля. Виновники движенія замышляли оторвать Польшу отъ русской имперіи, создать независимое государство, вернуть ему былое могущество. Возстаніе быстро охватило польское дворянство, встрѣтило сочувствіе у большинства западныхъ державъ и грозило, повидимому, царю и его народу жестокими униженіями.

Къ этой цѣли именно стремились Англія, Франція, Австрія. Они поспѣшили представить русскому правительству

настойчивые совѣты, какъ успокоить Польшу, предлагали облагодѣтельствовать ее новыми учрежденіями, указывали на застарѣвшій внутренній недугъ страны, вѣчно недовольной и готовой къ возмущеніямъ, подвергали порицанію русское управленіе краемъ. Главныя державы увлекли за собой и второстепенныя,—и тѣ, хотя и въ болѣе скромномъ тонѣ, но все-таки жаловались и разсуждали о внутреннихъ дѣлахъ Россіи.

Какъ могущественная держава должна была встрѣтить подобное вмѣшательство?

Всю страну охватило глубокое чувство обиды. Еще никогда Европа не осмѣливалась говорить такимъ языкомъ съ Россіей, — и когда же? — Въ эпоху ея возрожденія, во время восторженно-благодарныхъ чувствъ народа къ своему освободителю! Со всѣхъ сторонъ раздались громкія заявленія патріотическаго чувства. Особенно краснорѣчиво отозвались Московскія сословія — дворянство, крестьяне, городская дума, университетъ.

Дворяне собрались необычнымъ порядкомъ и послали царю адресъ.

„Государь", — говорилось здѣсь, — „мы всѣ предъ вами, какъ одинъ человѣкъ. Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ отечества. Враги, возмутившіе западный край вашихъ владѣній, ищутъ не блага Польши, а пагубы Россіи, призываемой вами къ новой исторической жизни. Государь, ваше право на царство Польское есть крѣпкое право; оно куплено русскою кровью, много разъ пролитою въ оборонѣ отъ польскаго властолюбія и польской измѣны. Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу, и Польское царство соединено неразрывно съ вашею державою... Во главѣ освобождаемой Россіи вы могущественны, государь. Вы могущественнѣе вашихъ предшественниковъ. Дерзайте, уповая на Бога, на вашу правду и на любовь къ вамъ всей Россіи".

Крестьяне выражали готовность поголовно идти въ огонь и въ воду за Русь и за царя-освободителя. Въ высшей степени трогательно звучала рѣчь старообрядцевъ:

„Мы хранимъ свой обрядъ,—говорили они,—но мы твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ, но тебѣ, царь-освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнѣ твоего царствованія намъ старина наша слышится. На тебѣ, Государь, почіетъ духъ царей нашихъ добродѣтельныхъ. Не только тѣломъ, но и душою, мы русскіе люди. Россія намъ матерь родная, мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были русскіе люди, работали на русскую землю, и за нее умирали. Посрамимъ ли мы память отцовъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ русскихъ христіанъ, отъ которыхъ кровь нашу пріяли?.. Престолъ твой и русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное. Мы не опоздаемъ явиться на защиту ихъ и отдадимъ за нихъ все достояніе и жизнь нашу. Да не умалится держава твоя, а возвеличится, да не посрамятся въ насъ предки наши, да возрадуется о тебѣ старина наша русская“.

И со всѣхъ концовъ Россіи слышались тѣ же рѣчи. Царь собиралъ обычные плоды своихъ благодѣяній своему народу, своей вѣры въ него. Ни одинъ его предокъ не слышалъ такихъ единодушныхъ, такихъ восторженныхъ одобреній. Въ двѣнадцатомъ году раздавался голосъ дворянъ и горожанъ,—теперь къ этому голосу присоединился могучій откликъ двадцати трехъ милліоновъ, впервые получившихъ право говорить предъ царемъ о своихъ свободныхъ чувствахъ любви къ отечеству.

Государь до глубины души растроганъ всенароднымъ привѣтомъ. Онъ радостно принимаетъ посланцевъ отъ всѣхъ сословій, говоритъ имъ сердечныя слова благодарности, свидѣтельствуетъ имъ свою любовь, свои молитвы за нихъ предъ Богомъ... Что значила вражда Европы и смута Польши предъ этимъ единеніемъ страны съ своимъ вождемъ? И царь твердо

и достойно отклонилъ чужую заботу о дѣлахъ своего царства. Возстаніе скоро погасло, громадныя жертвы были принесены съ обѣихъ сторонъ; Польша потеряла цвѣтъ своего дворянства и дорогой цѣной искупила несбыточныя мечты о невозвратномъ прошломъ Рѣчи Посполитой. Но царь поспѣшилъ укрѣпить свою власть не однѣми побѣдами и кáрами. Польскіе крестьяне равнодушно отнеслись къ надеждамъ шляхты — вернуть независимость Польши. Если бы и осуществились эти надежды, въ выигрышѣ осталась бы только та же шляхта. И дѣло мятежа было не его дѣломъ. Александръ II оцѣнилъ поведеніе крестьянъ. Онъ торжественно засвидѣтельствовалъ ихъ непоколебимую вѣрность и здравый смыслъ, и въ третью годовщину освобожденія русскихъ крестьянъ манифестъ принесъ вѣсть о свободѣ—польскихъ. Царь выражалъ желаніе, чтобы день девятнадцатаго февраля остался вѣчно памятенъ и крестьянамъ Польши, какъ „день вновь возникающаго ихъ благосостоянія". Царь называлъ этотъ день предвѣстіемъ общаго благоденствія его польскихъ подданныхъ. Крестьяне освобождались отъ всякихъ отношеній къ помѣщикамъ. — Полная свобода наступала для нихъ въ самый день манифеста, и за землю, поступавшую крестьянамъ, вознаграждала помѣщиковъ казна. Польскіе крестьяне получили право — самостоятельно управлять своими хозяйственными дѣлами. Ихъ гмина, т. е. волость, совершенно освобождалась отъ вмѣшательства помѣщиковъ, и во главѣ ея становились войты, т. е. старшины,—по выбору самихъ крестьянъ... Крестьяне отозвались на эти перемѣны горячей благодарностью.

Царь принялъ ихъ пословъ, высказалъ надежду на ихъ вѣрность и въ будущемъ. Рѣчь царя прерывали радостныя обѣщанія крестьянъ,—и съ этой минуты въ Царствѣ Польскомъ упрочилась несравненно болѣе твердая основа спокойствія, чего не могли сдѣлать и самыя блестящія военныя побѣды.

Мы видимъ, Александръ II даже кровавой драмой междоу-

собной войны умѣлъ воспользоваться для цѣлей свободы. Преданныя рѣчи его народа должны были внушить ему еще болѣе настойчивыя желанія—поднять гражданское достоинство подданныхъ и ихъ положеніе сдѣлать достойнымъ благороднаго патріотическаго самоотверженія.

И именно, въ самый разгаръ польскаго возстаніе обсуждаются вопросы о земскомъ самоуправленіи, о новыхъ судахъ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Царь, очевидно, искренне вѣритъ въ свой народъ, если не перестаетъ шагъ за шагомъ разрушать старое зданіе и полагать основаніе новому — въ одинъ изъ самыхъ трудныхъ моментовъ внѣшней политики. Онъ убѣжденъ, что именно въ народной свободѣ, въ народномъ гражданскомъ достоинствѣ, въ народномъ нравственномъ развитіи онъ почерпнетъ мощныя силы противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; онъ знаетъ, что это убѣжденіе раздѣляется всѣми благороднѣйшими людьми его царства, и что своими дѣлами во имя свѣта и свободы онъ идетъ на встрѣчу задушевнѣйшимъ думамъ и желаніямъ только что освобожденнаго народа.

XXV.

Указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній послѣдовалъ среди всенароднаго патріотическаго возбужденія по случаю польскаго мятежа. Государь принималъ адресы, привѣтствовалъ депутатовъ отъ сословій—и отвѣтилъ имъ новымъ закономъ, исполненнымъ человѣколюбія и справедливости.

Законъ устранялъ великія жестокости, какія совершались надъ преступниками,—безъ различія преступленій. Старый судъ не зналъ пощады и не совѣтовался съ чувствомъ состраданія. Достаточно было самой незначительной, копеечной кражи, чтобы подвергнуться тѣлесному наказанію.

Судьямъ позорное наказаніе казалось до такой степени

естественнымъ, что они не всегда особенно и доискивались происхожденія обвиненнаго. Дворянъ нельзя было наказывать тѣлесно, но исторія старыхъ судовъ разсказываетъ безчисленное множество, такъ называемыхъ, судебныхъ ошибокъ, и жертвами ихъ безпрестанно являлись даже женщины. Законъ освобождалъ также и мѣщанъ отъ тѣлеснаго наказанія безъ суда, т. е. по усмотрѣнію только полицейской власти. Но законъ повсемѣстно нарушали; низшіе полицейскіе чины не считали необходимымъ безпокоить даже своихъ ближайшихъ начальниковъ и водворяли порядокъ, щедро разсыпая удары правымъ и виноватымъ. Подобные случаи безпрестанно повторялись даже въ столицахъ, — остальная Россія привыкла къ нимъ, какъ къ самому заурядному явленію.

Но помимо розогъ существовалъ еще цѣлый рядъ жесточайшихъ истязаній. Они навсегда увѣчили преступниковъ, налагали на нихъ печать позора до скончанія дней, отнимали у нихъ всякую надежду вернуться въ общество людей, раскаяться въ своихъ, часто невольныхъ, грѣхахъ и въ свою очередь стать людьми. Клейма, штемпелевые знаки, вырываніе ноздрей разъ навсегда превращали преступника въ прокаженнаго, безвозвратно убивали въ немъ добрую волю, или неумолимо озлобляли его противъ всего человѣчества. Въ войскѣ и во флотѣ господствовали свои особыя наказанія — шпицрутенами и кошками...

Всѣ эти ужасы отходятъ теперь въ область преданій. Тѣлесныя наказанія замѣняются заключеніемъ или кратковременнымъ арестомъ. Ссылка за тяжкія преступленія не сопровождается больше наказаніемъ плетьми и клеймами. Правда,— мечта Ростовцева—освободить безусловно весь русскій народъ отъ какого бы то ни было тѣлеснаго наказанія—не осуществляется: крестьянамъ предоставлено право—употреблять розги въ своихъ волостныхъ судахъ,—и окончательная отмѣна ихъ остается вопросомъ будущаго. Но нѣкоторыя лица теперь же

окончательно освобождаются отъ позорной кары: женщины, духовныя лица всѣхъ вѣроисповѣданій и ихъ дѣти, лица, окончившія курсъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, лица крестьянскаго сословія, занимавшія общественныя должности по выборамъ.

Но важнѣе всего, конечно, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, какъ неизбѣжныхъ спутниковъ почти всякаго судебнаго приговора; и въ высшей степени поучительно и благодѣтельно звучала рѣчь царя, провозглашавшаго—тѣлесное наказаніе позорнымъ и унизительнымъ. Именно такой смыслъ имѣлъ указъ, отмѣнявшій истязанія въ войскахъ. Законодатель дѣлалъ это „въ видахъ возвышенія духа въ нижнихъ чинахъ". Очевидно, — наказанія *унижали* духъ и посягали на нравственное достоинство человѣка.

Естественно,—съ какимъ восторгомъ встрѣтили всѣ—и образованные, и простые—новый законъ. Народъ служилъ молебны, писатели объявляли, что у русскаго народа цѣлая гора свалилась съ плечъ, и великое зло навсегда кануло въ бездну.

Законъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній объявленъ въ годовщину рожденія государя, 17-го апрѣля 1863 года. Начало слѣдующаго увѣнчало крестьянскую реформу. Перваго января Государь утвердилъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.

Отнынѣ свободный народъ получалъ право самоуправленія. До сихъ поръ вся жизнь, каждый шагъ русскаго человѣка находились подъ бдительнѣйшимъ надзоромъ начальства. Полицейская власть была единственнымъ центромъ всякой мѣстной дѣятельности, единственной законной руководительницей всякихъ личныхъ начинаній на общую пользу. Манифестъ 19 февраля обнаружилъ высокое довѣріе царя къ зрѣлому самостоятельному уму народа. Вполнѣ послѣдовательно было дать ему возможность — проявить этотъ умъ въ независимой

дѣятельности, предоставить ему самому вѣдать свои мѣстныя дѣла. Земство, слѣдовательно, явилось необходимымъ продолженіемъ отмѣны крѣпостной зависимости.

Въ каждой губерніи учреждается губернское земское собраніе и губернская земская управа, то же самое —и въ каждомъ уѣздѣ: Уѣздное земское собраніе составляется изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными землевладѣльцами, городскими жителями всѣхъ сословій и собраніемъ волостныхъ старшинъ-старостъ всѣхъ сельскихъ обществъ. Уѣздная управа состоитъ изъ шести гласныхъ, избранныхъ уѣзднымъ собраніемъ. Губернское собраніе составляется изъ гласныхъ, избранныхъ всѣми уѣздными собраніями,—отъ двухъ до пяти гласныхъ отъ каждаго уѣзда: число зависитъ отъ количества населенія въ уѣздѣ. Въ губернской управѣ засѣдаютъ шесть гласныхъ, избранныхъ губернскимъ собраніемъ.

На земство возложено попеченіе о земскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ имуществахъ и капиталахъ, о продовольствіи населенія, о дѣлахъ благотворительности, о развитіи мѣстной торговли и промышленности, о страхованіи имущества, участіе въ развитіи народнаго просвѣщенія, въ попеченіи о народномъ здравіи. На всѣ эти нужды земство получило право производить денежные сборы. Собранія завѣдуютъ сборами, направляютъ земскую дѣятельность,—управы—исполняютъ распоряженія собраній. Земства имѣютъ право, при посредствѣ губернаторовъ, дѣлать представленія высшему правительству о мѣстныхъ нуждахъ и возбуждать ходатайства по вопросамъ мѣстнаго благоустройства.

Зданіе — стройное и прочное! Оно немедленно доказало свои достоинства. Общественная дѣятельность не существовала въ старой Россіи. Распоряженія власти надобились рѣшительно всюду въ самыхъ ничтожныхъ вопросахъ. Чиновникъ являлся единственнымъ попечителемъ надъ подданными русскаго царя. Но не всѣ чиновники могли подробно и близко знать потребно-

сти мѣстнаго населенія, и не у всѣхъ могло являться искреннее желаніе—принять участіе въ судьбѣ часто совершенно чуждаго имъ края. Даже и при искреннемъ желаніи выполненіе представлялось иногда затруднительнымъ. Самый честный и благонамѣренный чиновникъ могъ оставить уѣздъ и губернію, перейти на службу въ другое мѣсто, и его замѣнялъ другой, которому также предстояло многому научиться и многое узнать.

Совершенно въ другихъ условіяхъ находятся земскіе дѣятели. Они, уроженцы своего края, кровно связанные съ нимъ—своими жизненными интересами,—вооружены всестороннимъ знаніемъ его нуждъ. А удовлетвореніе такихъ нуждъ отвѣчаетъ ихъ собственнымъ нуждамъ. Промышленное или торговое развитіе какого-нибудь уѣзда — захватываетъ каждаго помѣщика и каждаго крестьянина, живущихъ въ уѣздѣ. Еще ближе стоитъ къ нимъ вопросъ о медицинской помощи населенію, о народномъ продовольствіи во время недородовъ хлѣба. Не всякій, конечно, житель города или деревни способенъ понять важность общаго дѣла и неразрывную связь общаго благосостоянія съ своимъ собственнымъ,—во всякомъ случаѣ,—вездѣ найдется достаточно людей, одаренныхъ этимъ пониманіемъ и готовыхъ своей опытностью воспользоваться для выполненія своего гражданскаго долга.

И такіе люди нашлись.

Прежде всего относительно крестьянъ—самъ Государь засвидѣтельствовалъ всенародно свое полное удовлетвореніе. Учреждая волость для польскихъ крестьянъ и даруя имъ самоуправленіе, онъ въ своемъ указѣ говорилъ: „трехлѣтній опытъ въ Имперіи доказалъ пользу допущенія крестьянъ къ участію въ дѣлахъ сельскаго управленія“.

Освобожденный народъ оказался и на этотъ разъ достойнымъ царскаго довѣрія. Дѣятельность земства быстро стала развиваться съ каждымъ годомъ. Только благодаря ему, въ Россіи съ

этихъ поръ можно было говорить объ удобныхъ путяхъ сообщенія, о больницахъ и, наконецъ, о народныхъ школахъ. Вскорѣ само правительство оцѣнило незамѣнимую пользу земскаго самоуправленія въ дѣлѣ народнаго образованія. Создавая новыя школы и совершенно новый порядокъ народнаго просвѣщенія,—правительство главнѣйшія попеченія о школахъ возложило на земство, и не обманулось въ своихъ ожиданіяхъ.

Земства въ большинствѣ случаевъ направили всѣ свои усилія на развитіе грамотности въ народѣ и, насколько хватало силъ и средствъ, слѣдовали незабвенной истинѣ, выраженной въ высочайшемъ манифестѣ 19-го марта 1856 года: развитіе просвѣщенія въ строго христіанскомъ духѣ—„вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія“. И земства достойно послужили этому порядку и счастью.

Но это—дѣло будущаго. Пока законодатель приступилъ къ послѣдней коренной гражданской реформѣ. Она также давно стояла въ программѣ его дѣятельности. Въ томъ же манифестѣ, гдѣ отдавалась справедливость просвѣщенію, Царь выражалъ одно изъ первыхъ своихъ желаній: правда и милость да „царствуютъ въ судахъ“.

Это значило—произнести смертный приговоръ старымъ судамъ. Тамъ рѣшались дѣла въ потемкахъ, вдали отъ свѣта общественной совѣсти, часто нечистыми руками подкупныхъ судей, и—не было тамъ милости къ слабымъ и беззащитнымъ.

Царь пожелалъ раскрыть настежь двери суда, и самихъ судей поставить предъ судомъ всѣхъ гражданъ и призвать на помощь закону—совѣсть и разумъ своихъ подданныхъ,—безъ различія сословій и состояній.

XXVI.

Вопросъ о преобразованіи судовъ стоялъ на очереди давно. Еще при императорѣ Николаѣ составлялись планы на этотъ счетъ. Александръ II получилъ ихъ въ наслѣдство и разрѣ-

шилъ вопросъ на основаніи современной юридической науки, а главнѣе всего—подъ вліяніемъ все тѣхъ же чувствъ справедливости и довѣрія къ человѣческому достоинству своихъ подданныхъ.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить нововведеніе, совершенно измѣнившее все судопроизводство. Раньше дѣла велись исключительно путемъ канцелярской переписки, тайно отъ общества, даже отъ самихъ истцовъ и отвѣтчиковъ. Осужденный узнавалъ приговоръ внезапно, будто на него падалъ громъ небесный, и онъ не имѣлъ возможности—ни защитить себя, ни даже толково объяснить судьямъ обстоятельства своего преступленія. Но и такіе приговоры заставляли ждать себя цѣлыми годами, иногда десятилѣтіями. Сильный и богатый человѣкъ могъ затянуть рѣшеніе дѣла и, благодаря потаенному судопроизводству, повернуть его въ ту или въ другую сторону.

Теперь судъ становится *гласнымъ* и *устнымъ*. Стороны, т. е. обвинитель и обвиняемый, публично излагаютъ свои доказательства и оправданія. Для обвиненій учреждается особая обвинительная власть,—прокуроръ, для защиты подсудимаго—сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, т. е. адвокатовъ. Раньше, чѣмъ дѣло поступаетъ въ судъ,—происходитъ слѣдствіе. При старыхъ порядкахъ его вели полицейскіе чиновники, и они же являлись обвинителями и, слѣдовательно, управляли всѣмъ ходомъ дѣла. Новый порядокъ создавалъ особую—*слѣдовательскую*—должность и устранялъ полицію отъ производства слѣдствій.

Всѣ вновь созданные суды раздѣлились на двѣ системы,—одна—для маловажныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, другая—для болѣе важныхъ. Первую составляютъ, такъ называемыя, мировыя установленія. Низшая ступень — мировой судья,—онъ единолично разбираетъ дѣло. На его приговоръ можно жаловаться въ высшее мировое установленіе—въ съѣздъ мировыхъ судей.

Другая система—общіе суды—состоитъ также изъ двухъ ступеней—окружнаго суда и судебной палаты. Во главѣ всѣхъ судовъ поставленъ кассаціонный сенатъ, т. е. высшій судъ, отмѣняющій рѣшенія низшихъ судовъ и передающій дѣло на новое разсмотрѣніе суда. Въ сенатѣ два департамента, или отдѣла,—уголовный и гражданскій. Сюда поступаютъ просьбы объ отмѣнѣ приговоровъ общихъ и мировыхъ судовъ.

Таковъ цѣльный и полный строй новыхъ судовъ. Но онъ не достигъ бы цѣли законодателя—осуществлять правду и милость — если бы законодатель не создалъ величайшаго новаго учрежденія, навсегда устранившаго произволъ и кривду изъ дѣятельности суда. Это учрежденіе—*присяжные засѣдатели*.

Они явились рѣшительной новостью въ русскомъ судѣ,—но совершенно послѣдовательной и неизбѣжной. Разъ правительство нашло возможнымъ возложить на народъ завѣдыванье своимъ мѣстнымъ— матеріальнымъ благосостояніемъ и даже участіе въ нравственномъ просвѣщеніи населенія,—не было основаній—лишить тотъ же народъ права — судить о нравственномъ поведеніи, о преступленіяхъ и проступкахъ того же мѣстнаго населенія. Эти права неразрывно связаны одно съ другимъ, и законодатель только желалъ выполнить до конца свое неуклонное желаніе — возвысить въ своихъ подданныхъ нравственный духъ и сознаніе человѣческаго достоинства.

Новое учрежденіе, слѣдовательно, непосредственно вытекало все изъ той же крестьянской реформы, но оно кореннымъ образомъ измѣняло судъ и обезпечивало судьбу и личонсть подсудимаго отъ ошибокъ и пристрастія судей, насколько вообще въ человѣческихъ силахъ достижима правда и справедливость.

в Отнынѣ подсудимый находился въ распоряженіи *обществен-ѣ й совѣсти*. Это значило,—мѣру его преступленія взвѣши*но*ли такіе же люди, какъ и онъ самъ, заинтересованные исключительно въ истинѣ и въ своемъ приговорѣ, ни отъ

кого и ни отъ чего независимые, кромѣ своего внутренняго голоса, своего разумѣнія и своего сердца. Имъ предоставляется полная возможность оцѣнить данный случай—сообразно съ своей практической опытностью, тщательно разобрать условія, при какихъ совершено преступленіе, рѣшить вопросъ, — не было ли оно—несчастной случайностью, не вызвано ли мгновеннымъ раздраженіемъ или дѣйствительно внушено продолжительной, обдуманной злобой? Разница громадная: и вполнѣ благородный, честный человѣкъ можетъ впасть въ минутное заблужденіе, поддаться гнѣву, забыться въ порывѣ обиды. Если къ его дѣйствіямъ примѣнить законъ, безъ всякихъ соображеній объ его личности и внѣшнихъ обстоятельствъ, — преступленіе будетъ отомщено, но правда и человѣческое чувство будутъ оскорблены и унижены.

Изъ исторіи старыхъ судовъ извѣстны случаи, когда люди подвергались тѣлесному наказанію, тюрьмѣ и ссылкѣ за самое ничтожное воровство. Старикъ, умиравшій съ голоду и выброшенный на улицу, совершалъ кражу на нѣсколько копеекъ, попадался въ своемъ преступленіи, и безъ всякаго милосердія карался, какъ опаснѣйшій врагъ общественнаго порядка и чужой собственности. Женщина, надѣвшая на время платье своей сожительницы и заподозрѣнная въ кражѣ, присуждалась къ ссылкѣ въ отдаленныя губерніи, при чемъ похищенное платье самимъ судомъ оцѣнивалось въ пять копеекъ. И такихъ случаевъ—безчисленное множество.

Теперь они не могли повториться.

Совѣсть каждаго изъ двѣнадцати присяжныхъ, призванныхъ судить обвиненнаго, не допустила бы такого вопіющаго несоотвѣтствія проступка и кары. Эта совѣсть даже могла простить сознавшагося преступника, если признавала его преступленіе невольнымъ грѣхомъ. Законъ налагалъ наказаніе только послѣ приговора совѣсти, когда она подтверждала завѣдомо разсчитанную злую волю въ преступникѣ. Присяжные

имѣли право дать *снисхожденіе* обвиненному даже и въ такомъ случаѣ. Злая воля могла быть воспитана тяжелой неудачной жизнью. Преступникъ могъ не понимать ясно всей преступности своихъ дѣйствій—по невѣжеству, по неразвитости. Весьма часто поступки, вызывающіе чувство отвращенія у человѣка образованнаго и просвѣщеннаго, кажутся извинительными человѣку съ грубымъ, темнымъ умомъ. И присяжнымъ надлежитъ разсудить, на сколько преступленіе внушено сознательнымъ желаніемъ совершить зло, и насколько оно явилось результатомъ умственной слѣпоты и нравственнаго отупѣнія.

Все это судомъ присяжныхъ тщательно взвѣшивается, разбирается, и послѣ совѣщанія большинствомъ голосовъ выносится приговоръ: *виновенъ*, или—*не виновенъ*; или—*виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія*.

Новые суды быстро пріобрѣли всеобщее уваженіе и укрѣпили въ русскомъ народѣ высокое понятіе о законности и судебной правдѣ.

XXVII.

Государь, объявляя новый законъ о судахъ, самъ подробно перечислилъ его благодѣянія. Законъ, по мысли царя, водворялъ въ Россіи „судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ“, возвышалъ судебную власть, утверждалъ въ народѣ уваженіе къ закону. Это уваженіе,— говорилъ царскій указъ, — „должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго“.

Въ заключеніе Государь призывалъ благословеніе Божіе на успѣхъ этого великаго дѣла“ и выражалъ надежду, что всѣ его подданные окажутъ ревностное содѣйствіе его намѣреніямъ.

Надежда законодателя оправдалась и на этотъ разъ.

Открытіе новыхъ судовъ совершилось торжественно,—сначала въ столицахъ, потомъ и въ остальной Россіи. На новую дѣятельность шли лучшіе, даровитѣйшіе люди. Судъ правый и милостивый привлекъ къ себѣ благороднѣйшія силы русскаго общества. Служить на только что открытомъ поприщѣ казалось великой честью и высокимъ долгомъ,—и блестящіе таланты, самоотверженная дѣятельность первыхъ судей навсегда остались въ русской исторіи образцами для позднѣйшихъ поколѣній.

Открывая новый судъ въ Петербургѣ, министръ юстиціи напомнилъ судьямъ о заботахъ и цѣляхъ законодателя. Онъ указалъ, что прежде всего отъ самихъ судей зависитъ уваженіе народа къ закону. Строгое исполненіе закона судьями,—все равно, кто бы ни подлежалъ суду,—вельможа или простолюдинъ,—равная защита и покровительство всѣмъ законнымъ требованіямъ: только при этихъ условіяхъ народъ увѣруетъ въ правду и справедливость закона и довѣрчиво станетъ искать ихъ предъ судомъ.

Этого мало. Новый судъ будетъ *воспитывать* общество. Ни отъ кого независимый, ищущій только истины и правды,—онъ и остальнымъ гражданамъ внушитъ чувство личной независимости, сознаніе личнаго законнаго права. Отнынѣ пословица—„съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся“—должна исчезнуть, какъ печальная мудрость темнаго безправнаго времени. Богатство и сила не имѣютъ ни малѣйшаго значенія предъ совѣстью и закономъ. И люди, привыкшіе къ произволу, съ изумленіемъ и злобой видѣли свое безсиліе предъ новыми исполнителями правосудія. Милліонеръ, уличенный въ преступленіи, садился на скамью подсудимыхъ рядомъ съ обыкновеннымъ воромъ. Титулованный и чиновный питомецъ крѣпостного права, не знавшій преграды своимъ желаніямъ и дѣйствіямъ, публично подвергался позору и несъ

тяжкую законную кару — наравнѣ съ своимъ бывшимъ рабомъ.

И еще сильнѣе было изумленіе публики! Предъ ней подробно и свободно обсуждались поступки людей, увѣренныхъ въ своей безнаказанности и въ полной безотвѣтности своихъ жертвъ. Рѣчи прокурора и защитника раскрывали мельчайшія побужденія преступника, объясняли каждую черту его характера, разоблачали всенародно его душу и сердце, — и приговора искали у совѣсти и разума того же народа. На первыхъ порахъ не вѣрилось глазамъ! И у современниковъ навсегда осталось неизгладимое впечатлѣніе послѣ первыхъ засѣданій новаго суда. О нихъ неумолкаемо говорили въ обществѣ, газеты печатали пространные отчеты, рѣчи прокуроровъ и адвокатовъ являлись событіями и долго не забывались. Но особенно всѣхъ интересовала дѣятельность присяжныхъ засѣдателей. Только что освобожденные крестьяне были призваны наравнѣ съ другими сословіями—произносить судъ совѣсти.

Какъ они выполнятъ эту отвѣтственнѣйшую изъ всѣхъ человѣческихъ задачъ? Надъ ними тяготѣло вѣковое рабство; они только что освободились отъ позорныхъ насилій и злоупотребленій,— могла ли послѣ всего этого совѣсть ихъ остаться чуткой и чистой? Но даже если русскій народъ сумѣлъ спасти свою душу и въ ярмѣ крѣпостного состоянія,— хватитъ - ли у него разумѣнія и смѣлости—вникнуть въ сущность часто очень сложныхъ вопросовъ и рѣшить ихъ по внутреннему голосу своего нравственнаго чувства?

Эти вопросы волновали даже людей, искренне вѣровавшихъ въ благодѣянія новаго суда. Самая мысль о представителяхъ общественной совѣсти увлекала ихъ и сулила имъ судъ правый, милостивый и дѣйствительно равный для всѣхъ. Но вѣдь этими представителями суда будутъ простые сѣрые люди, едва успѣвшіе сбросить съ себя образъ раба. Опасенія казались вполнѣ основательными,— но дѣйствительность быстро ихъ

разсѣяла. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ министромъ юстиціи вскорѣ послѣ введенія новыхъ судовъ.

Въ докладѣ Государю министръ заявлялъ, что участіе присяжныхъ засѣдателей въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ возвысило общее уваженіе къ суду, сблизило судей со всѣми сословіями и внушило довѣріе къ судьямъ—обществу и народу. Дальше министръ опровергалъ всевозможныя опасенія относительно присяжныхъ изъ крестьянъ. Это опроверженіе должно остаться незабвеннымъ, какъ историческій документъ.

„Присяжные засѣдатели, преимущественно, изъ крестьянъ“,—писалъ министръ,—„вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды. Имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ правильно и удовлетворительно“.

Самые строгіе наблюдатели удивлялись, какъ скоро и прочно привились новые суды къ русской почвѣ, и какіе дали блистательные плоды. Уже въ первое полугодіе послѣ учрежденія суда присяжныхъ можно было предсказать этому суду славное будущее. И само правительство окончательно увѣруетъ въ плодотворность реформы и будетъ постепенно распространять ее на всю имперію.

Столь же внушительное нравственное значеніе и громадную практическую пользу обнаружили и мировыя учрежденія. Появленіе мирового суда произвело глубокій переворотъ въ понятіяхъ мелкаго люда. Въ той темной средѣ, гдѣ легко мирились даже съ крупными обидами и насиліями, вдругъ стало возможно защищаться отъ всякихъ притѣсненій, искать своего права на законномъ основаніи, безъ всякихъ хлопотъ.

и расходовъ. Стоило только предъявить жалобу, — и законъ неуклонно каралъ виноватаго и взыскивалъ потери и ущербы въ пользу обиженнаго, не взирая на лица и обидчиковъ.

Мировой судья быстро сталъ настоящимъ охранителемъ личнаго права русскихъ обывателей и ихъ общественной нравственности. Старые суды воспитали дикіе, истинно-варварскіе нравы. Извѣстная русская пословица — „за тычкомъ не гонись“ — краснорѣчиво выражала беззащитность бѣднаго и слабаго рядомъ съ богатымъ и сильнымъ. Искать управы на всякаго обидчика и за всякую обиду не было возможности, да это показалось бы страннымъ даже самимъ обиженнымъ. И вдругъ весь этотъ забитый, безправный людъ узнаетъ, что драться нельзя, что даже оскорблять словами составляетъ преступленіе, что всякая обида можетъ быть наказана.

И достигнуть этого въ высшей степени просто. Мировые принимаютъ прошенія ежедневно; нѣкоторые даже, увлекаясь своимъ долгомъ, готовы выслушать просителя во всякое время дня и ночи. И для разговора съ мировымъ не требуется никакихъ хитрыхъ словъ, никакихъ головоломныхъ пріемовъ, — а просто изложить дѣло, какъ оно было. Мировой непремѣнно пойметъ и разсудитъ, — разсудитъ публично, съ полнымъ вниманіемъ къ человѣческому и гражданскому достоинству самаго мелкаго просителя.

На первыхъ порахъ все это казалось необыкновеннымъ, прямо нелѣпымъ. Нѣкоторые знатные господа никакъ не могли допустить, чтобы въ судѣ съ ними обращались такъ же, какъ со всякимъ другимъ отвѣтчикомъ и просителемъ, сажали рядомъ съ мѣщаниномъ и мужикомъ, и послѣднему бѣдняку оказывали такое же вниманіе, какъ и знатному барину. И, — что особенно должно было возмущать подобныхъ баръ, — судъ происходилъ всенародно. Публика набросилась на невиданное зрѣлище. Камеры судей не могли вмѣщать любопытныхъ, и судьи иногда разбирали дѣла во дворѣ, подъ открытымъ небомъ.

Въ первый разъ на Руси простой народъ началъ понимать силу законныхъ правъ и почувствовалъ себя огражденнымъ отъ произвола власть и силу имущихъ. Министръ юстиціи въ докладѣ Государю не преминулъ указать на быстрые и прочные успѣхи мирового суда.

Министръ свидѣтельствовалъ о всеобщемъ довѣріи къ новому суду,—простому и доступному. Народъ скоро понялъ его значеніе и поспѣшилъ широко воспользоваться мировыми учрежденіями для своихъ мелкихъ обыденныхъ интересовъ. Теперь маленькіе незначительные люди, раньше почти совершенно безправные, приносили жалобы на притѣсненія и обиды, прежде остававшіяся безнаказанными и не обращавшія вниманія властей.

Естественно,—сообразно съ успѣхами мирового суда, у русскаго человѣка росло и развивалось болѣе высокое представленіе о своей личности, о своемъ гражданскомъ положеніи. Новые суды, слѣдовательно, не только водворяли законность, возстановляли право и справедливость,—они также воспитывали новыхъ гражданъ и помогали только что освобожденному народу достойно и благоразумно пользоваться свободой во взаимныхъ личныхъ отношеніяхъ и въ общественной дѣятельности.

Всѣ эти нововведенія,—земское самоуправленіе и гласный судъ,—требовали, конечно, и новыхъ людей. На каждомъ шагу правительство обращалось къ самодѣятельности, личному уму подданнаго, требовало отъ него пониманія часто весьма сложныхъ вопросовъ и нуждъ его родины.

Очевидно,—жизненность новыхъ учрежденій зависѣла отъ количества просвѣщенныхъ исполнителей царскихъ желаній. Въ особенности, достоинство суда присяжныхъ засѣдателей неразрывно было связано съ распространеніемъ въ народѣ грамотности и просвѣщенія.

Царю предстояло увѣнчать свое великое освободительное

дѣло, обезпечить его будущее—неограниченнымъ распространеніемъ образованія.

Александръ II вполнѣ понималъ свою задачу. Какое значеніе онъ придавалъ вопросу о народномъ просвѣщеніи,— мы видѣли изъ его указовъ. Еще яснѣе это отношеніе выразилось по слѣдующему случаю.

Министръ народнаго просвѣщенія представилъ Государю отчетъ о своемъ министерствѣ. Отчетъ заканчивался слѣдующими словами:

„Отъ нравственнаго и умственнаго направленія грядущаго потомства зависитъ будущее благоденствіе Россіи, и для достиженія сей высокой цѣли правительство должно употреблять всѣ возможныя усилія и средства“.

Государь противъ этого мѣста сдѣлалъ отмѣтку и написалъ: *Да*! Совѣтникамъ оставалось и здѣсь слѣдовать волѣ царя: и свободному народу предоставить свободу учиться, и нравственно развиваться.

XXVIII.

Дѣятельнымъ сотрудникомъ государя по части народнаго просвѣщенія въ царствованіе Александра II, явился Александръ Васильевичъ Головнинъ. Получивши превосходное домашнее воспитаніе подъ руководствомъ матери,—женщины замѣчательныхъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ,—Головнинъ окончилъ курсъ въ царскосельскомъ лицеѣ. Вскорѣ онъ занялъ мѣсто секретаря при великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ,—и уже по этому одному можно судить о стремленіяхъ и идеалахъ молодого дѣятеля. Головнинъ пріобрѣлъ довѣріе Великаго Князя, сталъ руководителемъ *Морского сборника*, и ему преимущественно журналъ обязанъ своимъ развитіемъ, своимъ чрезвычайно оригинальнымъ содержаніемъ. Головнину принадлежала мысль обратиться къ писателямъ съ предложе-

ніемъ—изучить нѣкоторыя мѣстности Россіи и напечатать свои изслѣдованія въ *„Морскомъ сборникѣ."*

Головнинъ не былъ канцелярскимъ чиновникомъ, не черпалъ своихъ знаній исключительно изъ донесеній своихъ подчиненныхъ и отношеній разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Онъ

еще до поступленія на службу въ морское вѣдомство въ теченіе года путешествовалъ по Россіи, тщательно присматривался къ ея внутренней жизни, къ ея дореформенному положенію. Во время отмѣны крѣпостного права Головнинъ былъ

однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ помощниковъ Константина Николаевича и неизмѣннымъ сторонникомъ Николая Алексѣевича Милютина.

Въ концѣ 1861 года Головнинъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и дѣятельно принялся за коренное преобразованіе всѣхъ учебныхъ заведеній, начиная съ университета и кончая народными школами. Именно для этой цѣли Государь и призвалъ Головнина къ управленію министерствомъ.

Преобразованіе пришлось начать съ университета. Министръ повелъ дѣло, какъ истинно-просвѣщенный человѣкъ. Университеты страдали недостаткомъ хорошихъ профессоровъ, скудостью средствъ, не имѣли достаточно богатыхъ библіотекъ; между профессорами и студентами не существовало нравственной связи, необходимой во взаимныхъ отношеніяхъ учителей и учениковъ. Головнинъ призналъ необходимымъ ознакомиться прежде всего съ университетскими порядками за границей, и съ этой цѣлью послалъ опытныхъ лицъ. Для приготовленія къ профессорскому званію было отправлено въ европейскіе университеты много молодыхъ людей. Одновременно Головнинъ приступилъ къ выработкѣ новаго университетскаго устава.

Министерство не желало, съ помощью только своихъ чиновниковъ, начать и закончить столь важную мѣру. Оно обратилось съ запросами къ профессорамъ и вообще къ людямъ свѣдущимъ. Каждое мнѣніе было взвѣшено и принято во вниманіе. Рѣдко когда-какой либо уставъ разрабатывался такъ осторожно, такъ добросовѣстно, какъ университетскій уставъ 1863 года. Мнѣнія свѣдущихъ людей были напечатаны и до сихъ поръ представляютъ интереснѣйшій историческій матеріалъ. Обширный сборникъ заключаетъ взгляды русскаго просвѣщеннаго общества на университеты и на основы ихъ процвѣтанія. На этомъ прочномъ основаніи министерство построило свой уставъ, — одинъ изъ достойнѣйшихъ памятниковъ всего царствованія Александра II.

Уставъ, вѣрный общимъ задачамъ преобразовательной эпохи, создавалъ университетское самоуправленіе, ввѣрялъ университетскія дѣла совѣтамъ профессоровъ—общеуниверситетскому и четыремъ факультетскимъ,—по числу факультетовъ. Всѣ должности были выборныя, по избранію профессоровъ, и только утвержденіе въ нихъ предоставлялось министру. На утвержденіе попечителей округовъ представлялись только нѣкоторыя важнѣшія дѣла и попечитель могъ пріостановить рѣшеніе университетскаго совѣта въ одномъ случаѣ, если оно не согласно было съ уставомъ. Преподавателей избиралъ также совѣтъ университета.

Одновременно съ новымъ уставомъ измѣнилось къ лучшему и матеріальное положеніе университетовъ. Средства на учебныя пособія значительно увеличились, содержаніе профессоровъ повысилось, и общая сумма на всѣ университеты возросла противъ прежняго почти вдвое немедленно послѣ введенія новаго устава.

Но главнѣйшей заслугой министерства предъ русскимъ просвѣщеніемъ слѣдуетъ считать планъ начальнаго образованія.

До царствованія Александра II начальное народное образованіе находилось въ очень печальномъ положеніи. Среди народа господствовала почти повальная безграмотность. Въ 1856 году на шестьдесятъ четыре милліона населенія существовало всего около восьми тысячъ школъ, учащихся числилось около 450 тысячъ. Но и эти цифры не вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности. Многія школы числились только на бумагѣ, плохо посѣщались крестьянскими дѣтьми, преподаваніе въ нихъ велось до такой степени плохо, что народъ не видѣлъ отъ него никакой пользы. Хорошо устроенныя школы являлись исключеніями.

Съ началомъ новаго царствованія все это должно измѣниться. Во главѣ перемѣнъ и здѣсь стоятъ морское вѣдомство и труды Великаго Князя Константина Николаевича. „*Морской*

сборникъ" доказываетъ необходимость общаго образованія.— И Головинъ—одинъ изъ первыхъ вдохновителей этой мысли. Но еще до его вступленія въ министерство народнаго просвѣщенія,—министръ Норовъ представилъ Государю докладъ— о предоставленіи начальнаго образованія всему народу. Главный комитетъ по крестьянской реформѣ составилъ чрезвычайно широкій планъ народнаго просвѣщенія: предполагалось на каждую тысячу душъ мужского пола открывать одну народную школу, и на содержаніе школъ предполагалось установить особый налогъ. Всякій желающій могъ свободно открывать, какія угодно, школы,—лишь бы только съ вѣдома власти.

Министерство народнаго просвѣщенія съ своей стороны составило особый планъ — устройства начальныхъ школъ, разослало его разнымъ свѣдущимъ лицамъ,—въ томъ числѣ даже нѣкоторымъ иностраннымъ педагогамъ, и впослѣдствіи напечатало сводъ ихъ мнѣній. Въ началѣ 1862 года послѣдовалъ Высочайшій указъ о начальныхъ школахъ. Учрежденіе и завѣдываніе ими возлагалось на министерство народнаго просвѣщенія; въ вѣдѣніи духовенства оставались школы, имъ самимъ учреждаемыя.

Правительство употребило всѣ усилія, чтобы расположить народъ къ новымъ школамъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ,—въ начальномъ образованіи слѣдовало допустить преподаваніе даже на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, чтобы дѣти инородцевъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ не затруднялись на первыхъ порахъ непониманіемъ общаго русскаго языка. Обязательное обученіе пока министерство считало невозможнымъ ввести въ Россіи, при общей бѣдности населенія и непривычкѣ къ грамотѣ. Но за то оно желало привлечь частныхъ лицъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія, поощрять частныхъ учредителей школъ, предоставить право — обучать дѣтей начальной грамотѣ — всѣмъ лицамъ, желающихъ посвятить себя этому дѣлу. Четырнадцатаго іюля 1864 г. государь утвердилъ

положеніе о начальныхъ народныхъ школахъ, и въ указѣ, по обыкновенію, объяснялась цѣль новаго закона. Государь признавалъ „хорошее устройство первоначальныхъ училищъ весьма важнымъ способомъ къ религіозно-нравственному образованію народа“.

Государь подтвердилъ свой взглядъ учрежденіемъ начальныхъ школъ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Этотъ край, смущаемый польскимъ мятежомъ, — правительство желало утвердить въ вѣрности русской державѣ—путемъ свободы и просвѣщенія. Открытіе школъ стало одной изъ главнѣйшихъ обязанностей русской власти на Западѣ. Въ теченіе одного года ихъ было открыто около четырехъсотъ, и, несомнѣнно, эта мѣра принесла несравненно больше пользы миру и русскому дѣлу, чѣмъ самыя строгія наказанія.

Эти преобразованія остались прочнымъ достояніемъ русскаго просвѣщенія. Правительственныя заботы о начальномъ образованіи легли въ основу будущей земской школы—главнѣйшей распространительницы свѣта и грамотности среди русскаго народа. Головнинъ и личнымъ примѣромъ не мало послужилъ успѣхамъ своего дѣла. Въ родовомъ имѣніи онъ построилъ великолѣпную школу для мальчиковъ, съ квартирами для учителей, превосходно обставилъ всѣми пособіями, снабдилъ богатѣйшими библіотеками. Позже—Головнинъ основалъ особую школу и для дѣвочекъ, — и до самой смерти пристально слѣдилъ за развитіемъ этихъ учрежденій. Считая земство—лучшимъ попечителемъ о народномъ образованіи,—Головнинъ обѣ школы передалъ въ завѣдываніе земству, предварительно обезпечивъ ихъ существованіе особымъ капиталомъ.

Общество умѣло оцѣнить намѣренія министра. Призывъ къ личной частной дѣятельности ради просвѣщенія народа—нашелъ живой откликъ.

Преемникъ Головнина графъ Д. А. Толстой главное вниманіе сосредоточилъ на преобразованіи средней школы. Имъ

созданы новыя классическія гимназіи, преобразованы реальныя училища и женскія гимназіи. Въ связи съ новымъ направленіемъ женскаго образованія изданы постановленія о допущеніи лицъ женскаго пола на нѣкоторыя служебныя должности.

Великую услугу народному просвѣщенію оказало военное министерство, — и военный министръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и нравственнаго развитія народа долженъ занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

XXIX.

Дмитрій Алексѣевичъ, — старшій братъ извѣстнаго намъ дѣятеля по крестьянской реформѣ, — первоначальное образованіе получилъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, обнаружилъ блестящія математическія способности и однимъ изъ первыхъ окончилъ курсъ въ Военной Академіи. Онъ дѣятельно занимался военной литературой, писалъ статьи по военнымъ вопросамъ, между прочимъ — о Суворовѣ, какъ полководцѣ, а по выходѣ изъ Академіи въ теченіе пяти лѣтъ служилъ на Кавказѣ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами и былъ раненъ. Милютину не было еще и тридцати лѣтъ, — а онъ уже занималъ весьма видное мѣсто среди военныхъ — ученыхъ и практиковъ. Превосходно зная военныя науки, онъ успѣлъ лично ознакомиться съ войной въ одной изъ самыхъ основательныхъ практическихъ школъ, какую только можно представить, — въ упорной, по истинѣ героической борьбѣ русской арміи съ Кавказскими племенами. И во время пребыванія на Кавказѣ Милютинъ не оставлялъ литературныхъ занятій. Эта дѣятельность увѣнчалась назначеніемъ Милютина на профессорскую каѳедру въ Военную Академію.

Съ этихъ поръ Милютинъ весь отдался военной наукѣ

исторіи. Его лекціи по военной географіи явились совершенной новостью для своего времени, и до сихъ поръ высоко цѣнятся спеціалистами. Но важнѣйшій трудъ Милютина во время профессорства—„Исторія итальянскаго похода Суворова“. Сочиненіе это стяжало славу автору одного изъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ историковъ,—не только въ Россіи, но и на Западѣ. Знаменитый профессоръ Московскаго университета,—Грановскій,—считалъ книгу Милютина необходимой для каждаго образованнаго русскаго и восторженно отзывался объ оригинальности и самостоятельности работы, о необыкновенной ясности авторскаго взгляда, о благородной простотѣ изложенія. Академія Наукъ наградила Милютина преміей избрала его своимъ членомъ—корреспондентомъ. Его исторію перевели на нѣмецкій языкъ.

Это—блестящая карьера ученаго,—но въ недалекомъ будущемъ Милютину предстояло гораздо болѣе широкое поприще государственной и общественной дѣятельности. Въ 1861 году Государь призвалъ его на мѣсто военнаго министра,—и врядъ ли когда еще въ какомъ бы то ни было государствѣ военный министръ умѣлъ охватить такой обширный кругъ общественныхъ интересовъ и съ такимъ постоянствомъ и съ такой истинно-государственной мудростью въ теченіе двадцати лѣтъ служить просвѣщенію своей родины.

Милютинъ принадлежалъ къ кружку просвѣщенныхъ людей, собиравшихся у великой княгини Елены Павловны. Уже это одно достаточно опредѣляло направленіе дѣятельности Милютина. Онъ, быстро поднимаясь по служебной лѣстницѣ, сохранялъ старыя связи съ писателями и учеными. На высшемъ государственномъ посту въ немъ продолжало жить глубокое уваженіе къ уму, образованію и личнымъ нравственнымъ заслугамъ простыхъ смертныхъ. Это уваженіе рѣзко выдѣляетъ Милютина изъ толпы другихъ сановниковъ и сообщаетъ особенно привлекательный характеръ его личности, какъ человѣка и какъ министра.

Немедленно по вступленіи въ министерство Милютинъ усердно принялся проводить въ своемъ вѣдомствѣ тѣ же начала человѣколюбія и справедливости, какими вдохновлялись преобразованія Александра II. Онъ горячо защищалъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній, въ земскомъ самоуправленіи настаивалъ на равноправіи всѣхъ сословій, явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ друзей новаго суда. Не было ни одного просвѣтительнаго и освободительнаго начинанія, гдѣ бы Милютинъ не послужилъ правому дѣлу своими громадными знаніями, своимъ выдающимся государственнымъ талантомъ. Вопросы, подлежавшіе его прямому вѣдѣнію, — получили разрѣшеніе, — вполнѣ достойное свободной, обновленной страны.

Милютину пришлось управлять военнымъ министерствомъ въ очень тяжелое время. Западная Европа переживала одну изъ самыхъ бурныхъ эпохъ своей исторіи. Въ ея центрѣ возникало новое могущественное государство — объединенная Германія. Единство создавалось путемъ жестокихъ войнъ. Во главѣ многочисленныхъ нѣмецкихъ государствъ стояла Пруссія и шагъ за шагомъ отвоевывала себѣ политическое первенство въ германскомъ мірѣ. Сначала раздавлена слабая Данія и лишена Шлезвига и Голштиніи, потомъ у Пруссіи разгорѣлась распря съ Австріей, и въ семь дней окончилась война, унизившая Австрію и проложившая Пруссіи широкій путь къ желанной цѣли. Эти успѣхи не могли не обезпокоить прежде всего Францію и не вызвать зависти у французскаго императора Наполеона III. Уже во время австро-прусской войны стало извѣстно объ его тайныхъ замыслахъ. Очевидно, — сильнѣйшія и просвѣщеннѣйшія государства Европы находились въ ежеминутной опасности предъ новой кровавой борьбой.

Опасность увеличивалась вѣчнымъ недугомъ Турецкой имперіи. Возстанія христіанъ почти не прекращались подъ магометанскимъ игомъ. Европа усиленно препятствовала Россіи рѣшить вѣковой трагическій вопросъ и предпочитала скорѣе

встать на защиту султана, чѣмъ позволить Россіи измѣнить участь его христіанскихъ подданныхъ. На этотъ разъ всеобщее вниманіе привлекъ островъ Критъ.

Населеніе острова не въ первый разъ поднимало оружіе противъ Турціи. Послѣднее возстаніе въ 1858 году было прекращено обѣщаніями реформъ. Турція, по обыкновенію, даже и не подумала исполнить своихъ обѣщаній, данныхъ гяурамъ,—и, восемь лѣтъ спустя, критяне возстали снова. Турки потерпѣли нѣсколько пораженій; островитянъ усердно поддерживала Греція; кровь лилась безъ конца. Русское правительство находило единственное средство — положить конецъ кровопролитію: сдѣлать Критъ самостоятельной областью турецкой имперіи, подъ верховнымъ владѣніемъ султана, т. е. устранить турецкія власти отъ управленія островомъ и сохранить только уплату извѣстной дани султану, какъ верховному владѣтелю Крита.

Державы и на этотъ разъ не поддержали съ должной настойчивостью совѣтовъ Россіи. Въ отвѣтъ же на первый отказъ Турціи—даровать независимость Криту—они отряхнули руки отъ этого вопіющаго дѣла. Турціи этого только и требовалось. Возстаніе немедленно подавили съ невѣроятной жестокостью и пригрозили Греціи войной, если она будетъ поддерживать критянъ. Греція неминуемо потерпѣла бы страшный разгромъ,—Россія поспѣшила предотвратить бѣдствіе, война не состоялась,—но вопросъ о христіанскихъ подданныхъ варварской державы остался открытымъ. И всѣмъ было ясно, что именно Россіи придется рано или поздно расплачиваться за недостойную политику враждебныхъ ей правительствъ. На Востокѣ продолжала висѣть зловѣщая туча, готовая разразиться бурей при первомъ же случаѣ. А такихъ случаевъ турецкимъ христіанамъ представлялось сколько угодно во всѣхъ концахъ оттоманской имперіи.

Едва кое-какъ успокоился Востокъ,—въ Европѣ снова раз-

дался громъ оружія. Пруссія заканчивала свой побѣдоносный путь къ объединенію Германіи. Очень кстати для нея, и въ то же время весьма опрометчиво Наполеонъ III объявилъ ей войну. Пруссія цѣлыми годами готовилась къ роковому столкновенію и теперь явилась на поле битвы во всеоружіи современнаго военнаго искусства и блестящихъ военныхъ талантовъ. Франція была смята и подверглась жестокимъ униженіямъ; у нея отняли двѣ провинціи, взыскали пять милліардовъ дани. Возникла Германская имперія съ громадной арміей и громаднымъ честолюбіемъ молодой міровой державы.

Весьма скоро Россіи пришлось считаться съ новой надменной силой. Пруссіи казалось недостаточнымъ—только однажды разгромить Францію,—ей хотѣлось окончательно ослабить ее, вычеркнуть изъ списка великихъ державъ. А Франція, между тѣмъ, быстро оправлялась,—необходимо было поспѣшить и не дать странѣ вновь вернуть свои силы. Въ Берлинѣ принялись составлять планы новаго нашествія и жадно ждать предлога—объявить войну.

Францію охватилъ ужасъ. Ей грозила смертная опасность, и между тѣмъ она была совершенно одинока. Тогда французское правительство прибѣгло къ помощи русскаго императора. Французскій посолъ откровенно изложилъ Александру II свои опасенія, и встрѣтилъ въ высшей степени благосклонный отвѣтъ. Царь завѣрилъ посла, что Франція можетъ не бояться никакихъ тайныхъ опасностей, а если онѣ явятся,—Франція узнаетъ объ этомъ отъ него самого. Эти увѣренія возымѣли свое дѣйствіе. Александръ II, проѣзжая на Эмскія воды, остановился въ Берлинѣ и переговорилъ съ императоромъ Вильгельмомъ. Германія не посмѣла двинуться. Во Франціи торжествовали. Ея министръ писалъ своему послу: „Я часто говорилъ вамъ, что въ моихъ глазахъ русскій императоръ есть верховный хранитель мира вселенной". Но другія рѣчи говорились въ Берлинѣ; Бисмаркъ, главный совѣтникъ

императора Вильгельма и неукротимый врагъ Франціи, едва сдерживалъ свое негодованіе:

„Скажу вамъ открыто“, — заявлялъ онъ русскому канцлеру, — „я добрый другъ моихъ друзей и врагъ моихъ враговъ“.

Съ этихъ поръ нечего было разсчитывать на дружбу германскаго правительства. Оно неутомимо умножало и совершенствовало свою армію, превратило свою страну въ громадный взрывчатый снарядъ, грозно возвышавшійся въ самомъ центрѣ Европы. Сосѣдямъ волей-неволей приходилось не отставать отъ страшной новой имперіи и, сохраняя миръ, ежеминутно быть готовыми къ войнѣ.

При такихъ обстоятельствахъ положеніе Россіи становилось особенно отвѣтственнымъ, и задача ея военнаго министра въ высшей степени усложнялась. Милютинъ понялъ ее во всѣхъ подробностяхъ, а какъ онъ ее выполнилъ, — показываетъ вся позднѣйшая политическая исторія Россіи.

XXX.

Программа предъ военнымъ министромъ лежала ясная и точная. Она должна быть вѣрнымъ отраженіемъ преобразованій новаго царствованія, т. е. возвышать нравственный духъ народа и просвѣщать его умъ. Эти цѣли — основа всѣхъ плановъ царя, онѣ будутъ руководить дѣятельностью и его даровитѣйшаго министра.

Прежде всего Милютинъ въ армію переносилъ всѣ новыя облегченія, какія получалъ русскій народъ въ своемъ гражданскомъ быту. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній — разумѣется сама собой. Еще болѣе глубокимъ нововведеніемъ явился новый уставъ для военныхъ судовъ.

Раньше и въ военномъ судопроизводствѣ, какъ и въ гражданскомъ, господствовала тайна и канцелярщина. Дѣла тянулись цѣлые годы и приводили къ результатамъ одинаково

жестокимъ и необъяснимымъ. Новый уставъ учреждалъ судопроизводство устное и публичное, вводилъ прокуроровъ и защитниковъ, давалъ, слѣдовательно, военнымъ подсудимымъ тѣ же права, тѣ же средства защищаться, какими владѣли и остальные граждане. Одновременно министръ позаботился устроить и высшее учебное заведеніе для военныхъ юристовъ, вообще жестокую, темную и безправную старину—совершенно замѣнилъ свѣжимъ воздухомъ человѣчности и законности.

Но улучшеніе суда еще не все—въ возвышеніи нравственнаго духа арміи. Она могла теперь положиться на неподкупность своихъ судей и безпристрастіе своихъ законовъ, — но оцѣнить эти благодѣянія и достойно воспользоваться ими — доступно только людямъ лишь развитымъ и сколько-нибудь просвѣщеннымъ. Пруссія свои побѣды приписывала школьному учителю, т. е. широкому распространенію грамотности въ своихъ войскахъ. И прусскіе генералы были правы. Пониманіе какого бы то ни было дѣла дается несравненно легче человѣку умственно-дѣятельному, и военная наука несравненно доступнѣе тому, кто вообще привыкъ дѣйствовать сознательно, отдавать себѣ ясный отчетъ во всемъ, что̀ приходится видѣть и слышать. Солдатъ-человѣкъ гораздо болѣе совершенный воинъ, чѣмъ солдатъ-машина, и чтобы удовлетворить самой строгой дисциплинѣ—надо сначала понять смыслъ приказаній.

Въ старое время держались другихъ взглядовъ. Такъ называемые „отцы-командиры“ вбивали своимъ подчиненнымъ премудрость въ спину,—чтобы она потомъ входила въ голову. Именно такъ объяснялъ свою начальническую философію одинъ изъ заслуженныхъ гвардейскихъ генераловъ и, какъ начальникъ, очень любимый солдатами. Генералъ былъ искренне убѣжденъ, что иначе нельзя выучить солдатъ; солдаты въ свою очередь не менѣе искренно, въ душевной бесѣдѣ со своимъ наставникомъ, говорили:

— Такъ надо! По дѣломъ!.. Безъ порки никакъ невозможно.

Очевидецъ, сослуживецъ этого *образцоваго* отца-командира, очень живо описываетъ, какъ происходило ученіе подъ командой начальника. Описаніе—историческій документъ и въ высшей степени важно для насъ: оно показываетъ, какіе *общепризнанные* порядки пришлось мѣнять преобразователю, и сколько требовалось вѣры въ человѣка, чтобы подобныхъ командировъ и ихъ подчиненныхъ довести до чувства отвращенія къ побоямъ.

Самая трудная задача стараго фронтового ученья—маршировка развернутымъ и сомкнутымъ строемъ,—и вотъ въ этотъ моментъ нашъ герой становился на высоту своего положенія.

„Тутъ“,—говоритъ разсказчикъ,—его пронималъ знаменитый „первый потъ“. Онъ кипятился и гремѣлъ на весь манежъ: „Господъ прошу ногу держать... А унтеръ-офицерамъ—смотрѣть на господъ!.. А люди!.. внима-ніе! .“ Потомъ онъ командовалъ, колонна двигалась, но сначала движеніе не клеилось. Не только солдаты, но и господа—офицеры, съ перепуга, не сразу попадали въ тактъ; „кренделя“ сбивались съ ноги и путали всю свою шеренгу; словомъ, дѣло выходило дрянь! Вотъ тогда-то, при малѣйшей затяжкѣ, колебаніи или учащеніи шага, командиръ неистово кричитъ: „Сто-о-о-й!“ А потомъ вдругъ затихалъ и переходилъ въ разговорный тонъ, чего Боже упаси! Эти разговоры были страшнѣе крика и распеканья, потому что въ подобныхъ случаяхъ отецъ-командиръ велъ слѣдующій разговоръ: „Капитанъ Швенцокъ, у васъ тамъ, въ третьемъ взводѣ, во второй шеренгѣ, какіе-то три негодяя все танцуютъ!“ Несчастный капитанъ бѣгалъ по фронту, заглядывалъ, загадывалъ и все-таки никакъ не могъ разыскать „трехъ негодяевъ“. Но командиръ давно ихъ различилъ и спокойно говаривалъ: „позвольте-ка, я вотъ сейчасъ до нихъ доберусь“... Онъ втискивался въ глубину колонны, и среди мертвой тишины слышалось, какъ командирскіе кулаки громыхали по всѣмъ по тремъ танцорамъ. Въ такія минуты

душа солдатская уходила въ носки и въ пятки,—за то когда командиръ опять двигалъ колонну, всѣ эти носки и пятки, имъ одушевленные, трамбовали манежъ съ такимъ изумительнымъ согласіемъ, что колонна двигалась, какъ одинъ человѣкъ!“

Это выходило очень красиво и доставляло большое удовольствіе отцамъ-командирамъ; но чего стоила эта красота, и до какихъ понятій доходилъ солдатъ за цѣлые годы такой службы, чтобы, наконецъ, считать законнымъ и пріятнымъ такой порядокъ вещей.

Естественно, — съ такими вкусами родиться нельзя, ихъ можно только пріобрѣсти продолжительной привычкой. Поэтому военная служба простому народу представлялась чѣмъ-то въ родѣ каторги. Наборъ рекрутъ происходилъ въ крайне мрачной и жестокой обстановкѣ. Совершалось дѣло насильственное и невыносимо тяжелое для несчастныхъ жертвъ.

Указъ о наборѣ присылался на каждый уѣздъ въ „секретномъ“ пакетѣ. По полученіи его также секретно дѣлались соотвѣтственныя распоряженія,—и тогда по всему уѣзду подымалась страшная тревога, — собирали рекрутъ. На одного назначеннаго къ сдачѣ, брали троихъ,—на случай бракованья. Взятыхъ въ рекруты сводили въ одну избу, для нихъ приготовленную, забивали въ колодки, часто по два человѣка вмѣстѣ, и въ такомъ видѣ оставляли ихъ до представленія въ рекрутское присутствіе.

Принимать такія мѣры было необходимо, иначе всѣ бы рекруты убѣжали. Предстоящая военная служба побуждала бѣжать даже и такихъ рекрутъ изъ крестьянъ, которымъ далеко не сладко жилось и у своего помѣщика. Плачъ и причитанія, которыми обыкновенно народъ провожаетъ покойниковъ, сопровождали рекрутъ въ присутствіе.

Но вотъ среди общаго унынія, царствовавшаго на улицахъ, вдругъ гдѣ-либо среди базара встрѣчали иное зрѣлище. Впереди идетъ музыкантъ, наигрывая на скрипкѣ казачка, за

нимъ — парень, одѣтый въ новый темносиняго сукна кафтанъ, въ новой ситцевой рубахѣ, въ новыхъ китайчатыхъ штанахъ, новыхъ сапогахъ и барашковой шапкѣ. Онъ обвязанъ тремя новыми поясами по поясницѣ и черезъ оба плеча, обвѣшанъ лентами разныхъ цвѣтовъ, прицѣпленными къ поясамъ, къ шапкѣ, къ пуговицамъ, всюду, гдѣ только можно прицѣпить. Пьяный, онъ выбиваетъ трепака и заигрываетъ съ толпою мальчишекъ, его окружающихъ.

Это гуляетъ „наемщикъ", который завтра или послѣ завтра поступаетъ въ рекруты, взамѣнъ сына того старика, который идетъ за нимъ слѣдомъ и расплачивается за все имъ съѣденное, выпитое и испорченное.

Какъ только рекрутское присутствіе признавало сдаваемаго годнымъ, унтеръ-офицеръ громко провозглашалъ — „лобъ!" — и принятому выбривали всю переднюю часть головы, а забракованному — затылокъ.

Служба продолжалась 25 лѣтъ; но и по выходѣ въ отставку солдатъ оставался вѣчнымъ солдатомъ, и его сыновья, по достиженіи девяти лѣтъ, отсылались въ батальоны военныхъ кантонистовъ.

Очевидно, – и военная служба, какъ и все въ старой Россіи, находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ главнѣйшимъ бѣдствіемъ — съ крѣпостнымъ рабствомъ, — и Милютинъ явился въ полномъ смыслѣ освободителемъ русскаго народа отъ тяжелаго ига.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ разрабатывался новый воинскій уставъ, и перваго января 1874 года состоялся Высочайшій Манифестъ о всеобщей воинской повинности. Въ область преданій отходили ужасы рекрутчины и солдатчины. Новый уставъ не допускалъ богатыхъ и знатныхъ — уклоняться отъ службы. Раньше дворянинъ освобождался отъ нея по своему происхожденію, купецъ — откупался деньгами, платя такъ называемую гильдію, т. е. особый налогъ за право числиться въ ку-

печескомъ сословіи. Вся тяжесть обязательной военной службы лежала на низшихъ сословіяхъ—мѣщанахъ и крестьянахъ.

Теперь всѣ сословія совершенно уравнивались относительно воинской повинности. Дѣти дворянъ и купцовъ шли простыми рекрутами рядомъ съ сыновьями крестьянъ. Новый порядокъ вызвалъ, разумѣется, не мало неудовольствій. Купцы соглашались даже на свой счетъ содержать инвалидовъ, лишь бы избавиться отъ военной службы. Но уставъ, не различая сословій и состояній, оказывалъ большое вниманіе образованію. Въ сущности вся военная реформа служила интересамъ просвѣщенія. Такъ она была понята самимъ Государственнымъ Совѣтомъ. Онъ назвалъ предложенія военнаго министра „наиболѣе дѣйствительнымъ и могущественнымъ орудіемъ къ распространенію просвѣщенія".

Всѣ русскіе подданные поступали въ военную службу по жребію. Наемщики не допускались, срокъ дѣйствительной службы назначался въ семь лѣтъ: здѣсь не дѣлалось никакихъ исключеній ни для дворянъ, ни для купцовъ. Но дальше начинались *льготы*. Не малаго труда стоило Милютину отвоевать эти льготы.

Милютинъ распредѣлилъ ихъ по степени образованія: молодые люди, окончившіе курсъ университета, служили во фронтѣ всего три мѣсяца. Гимназисты, окончившіе шесть классовъ, должны служить три года. Окончившіе курсъ въ народной школѣ служили четыре года. Милютину удалось отстоять свой планъ — при полномъ сочувствіи Государя.

Новый законъ оказалъ неисчислимыя услуги русскому просвѣщенію. Но министръ не ограничился льготами для людей, являвшихся на службу уже образованными. Онъ позаботился о распространеніи грамотности и среди солдатъ.

Раньше даже весьма многіе офицеры едва могли подписать свое имя. Они производились изъ унтеръ-офицеровъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы и весьма слабаго экзамена. А въ

унтеръ-офицеры попадали солдаты за хорошее поведеніе и знаніе одной лишь фронтовой службы. Милютинъ еще въ 1867 году исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе объ обязательномъ обученіи всѣхъ нижнихъ чиновъ арміи. Въ полкахъ появились учебныя команды. Обученіе продолжалось въ теченіе двухъ лѣтъ, въ зимніе мѣсяцы, подъ руководствомъ офицеровъ. Солдатъ, не прошедшій этой школы, не могъ быть произведенъ въ унтеръ-офицеры. Экзаменъ на офицера сталъ гораздо строже и труднѣе, — и весьма скоро совершенно исчезли полуграмотные офицеры.

Эти мѣры вызвали множество упрековъ. Не всѣ могли помириться даже съ самымъ простымъ фактомъ: будто солдатъ будетъ хорошо исполнять свои обязанности—безъ тѣлесныхъ наказаній. Противники нововведеній предсказывали новой русской арміи печальное будущее.

Предсказанія не замедлили разлетѣться прахомъ при первомъ же опытѣ. Армія и ея руководитель вышли изъ испытанія съ великой честью, навсегда укрѣпившей за Милютинымъ славу первостепеннаго государственнаго дѣятеля.

XXXI.

Военныя событія въ царствованіе Александра II совершенно согласны съ основнымъ духомъ, управлявшимъ гражданскими дѣлами царя. Здѣсь также предъ нами задачи просвѣщенія и свободы. Освободитель народа менѣе всего былъ способенъ увлекаться военными побѣдами ради торжества и славы, — и всѣ войны при Александрѣ II неизмѣнно оканчивались въ пользу человѣчности.

Много хлопотъ причинили русскому правительству восточныя и южныя границы имперіи. Въ Средней Азіи и на Кавказѣ набѣги дикихъ племенъ не прекращались и требовали громадныхъ жертвъ. Исторія этой борьбы на каждой

страницѣ напоминаетъ героическія преданія сказочной старины: до такой степени тяжелыя и многочисленныя лишенія выпали на долю русскихъ войскъ, и съ такимъ мужествомъ и настойчивостью эти трудности были побѣждены.

Въ Средней Азіи Хива и Бухара признали верховную власть русскаго царя, и съ этихъ поръ дикія степи и первобытныя кочевья стали превращаться въ мирную страну. Россія явилась первой и единственной распространительницей просвѣщенія среди разбойниковъ и изувѣровъ, и азіатскія ханства постепенно начали усвоивать образъ и подобіе гражданскихъ обществъ; промышленность и торговля вступили на правильный путь развитія, и, когда-то едва доступныя, окраины превратились въ надежный оплотъ имперіи.

Еще раньше окончилась гораздо болѣе упорная борьба. Кавказъ окончательно замиренъ, послѣдній вождь горцевъ,—умный и мужественный Шамиль,—отдался въ распоряженіе русской власти и мирно доживалъ свои дни въ Калугѣ. А въ это время русское правительство спѣшило облагодѣтельствовать только что присоединенный дикій край — великой реформой. Съ 1864 года, въ теченіе трехъ лѣтъ, отмѣнялось крѣпостное право по всему Кавказу. Когда Государь получилъ вѣсть объ объявленіи послѣдняго освободительнаго указа въ бывшей столицѣ Мингреліи, онъ произнесъ слѣдующія слова:

„Благодарю Бога, что помогъ намъ довершить освобожденіе крестьянъ во всей имперіи. Да будетъ благословеніе Его на этомъ святомъ дѣлѣ!“

Но съ Востокомъ счеты далеко не окончились, предстоялъ новый поединокъ съ вѣковой притѣснительницей христіанства, съ Турціей, поединокъ, завѣщанный Россіи всей ея исторіей, исконными и непрерывными попеченіями о судьбѣ единовѣрцевъ подъ варварскимъ игомъ мусульманства.

Мы знаемъ,—уже неоднократно вопросъ являлся на сцену, возможнымъ становилось и его рѣшеніе,—но всякій разъ Рос-

сія встрѣчала на своемъ пути корыстную политику западныхъ державъ и вынуждена была слагать оружіе не предъ Турціей, а предъ ея преступными защитниками. Но рано или поздно вопросу предстояло получить естественное рѣшеніе. Турція оказывалась рѣшительно не способной изъ азіатской орды переродиться въ европейское государство, и власть ея надъ европейцами и христіанами съ каждымъ днемъ становилась все болѣе безсмысленнымъ злоупотребленіемъ.

Лѣтомъ 1875 года въ одной изъ турецкихъ областей, въ Герцеговинѣ, вспыхнуло возстаніе. Ближайшій поводъ,—насилія турецкихъ сборщиковъ податей,—мгновенно воспламенилъ вѣковѣчное чувство обиды и ненависти христіанъ противъ турокъ, возстаніе разлилось широкимъ потокомъ по всѣмъ славянскимъ землямъ—Черногоріи, Сербіи, Болгаріи, и громко отозвалось въ русскомъ народѣ.

Турки совершали надъ возставшими неслыханныя жестокости, не щадили ни пола, ни возраста, измышляли новыя казни, мучили дѣтей и женщинъ. Европа пришла въ ужасъ, и выразителемъ ея негодованія явился величайшій государственный человѣкъ девятнадцатаго вѣка,—Гладстонъ. Онъ напечаталъ книгу, исполненную страстнаго негодованія, взывалъ къ чувствамъ справедливости и милосердія культурныхъ народовъ, настаивалъ — отнять окончательно у азіатскихъ варваровъ власть надъ возставшими землями.

Русское правительство раздѣляло эти мысли и чувства. Русскій народъ слѣдилъ съ напряженнымъ участіемъ за судьбой возстанія, посылалъ помощь деньгами и людьми. Воины-добровольцы наполнили славянскіе отряды. Въ церквахъ производили особые сборы въ пользу славянъ, чиновники жертвовали часть своего жалованья, на мѣсто военныхъ дѣйствій отправлялись врачи, сестры милосердія. Ихъ провожали торжественно, служили молебны, говорили одушевленныя рѣчи,— все русское общество жило и волновалось восточнымъ вопросомъ.

И русскій царь—заодно съ своимъ народомъ. Его глубоко печалили вѣсти о страданіяхъ христіанъ, звѣрски усмиряемыхъ турками. Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что славянскія силы будутъ раздавлены, и возстаніе задушено потоками крови. Дальше нельзя было выносить страшнаго зрѣлища,—и Государь рѣшилъ положить конецъ вѣковой драмѣ.

Но достигнуть желанной цѣли оказалось въ высшей степени трудно. Благороднѣйшіе люди Англіи устами Гладстона призывали Европу къ новому крестовому походу; но англійское правительство не желало,—изъ-за турецкихъ неистовствъ надъ болгарами, измѣнить своей обычной политикѣ. Англія страшилась завоеваній Россіи, считала свою власть въ Индіи непрочной, подозрѣвала у русскаго правительства намѣренія нанести ударъ этой власти и навсегда лишить Англію ея значенія на Востокѣ. И Англія встрѣтила сочувствіе прежде всего у Австріи. Здѣсь боялись усиленія славянскихъ племенъ и неминуемаго ущерба — нѣмецкому преобладанію въ австрійской имперіи и вліянію на Балканскомъ полуостровѣ. Кромѣ того, Австрія и Англія предполагали у русскаго царя затаенную цѣль—овладѣть Константинополемъ. Франція была поглощена своими внутренними дѣлами, Германія находилась въ выжидательномъ положеніи,—Россіи приходилось дѣйствовать одной и на свой страхъ.

Императоръ Александръ такъ и рѣшилъ. Онъ заявилъ, что у него нѣтъ никакихъ завоевательныхъ плановъ, что онъ не помышляетъ ни объ Индіи, ни о Константинополѣ и предлагалъ предварительно воздѣйствовать на Турцію совѣтами.

Въ Константинополѣ собрались представители европейскихъ державъ и представили Турціи планъ преобразованій въ славянскихъ областяхъ. Турецкіе министры отлично знали разногласія державъ и не придали никакого значенія ихъ совѣтамъ. Державы принялись прямо ухаживать за султаномъ, понизили свои требованія до послѣдней степени, соглашались

возложить на него только нравственныя обязательства по отношенію къ его христіанскимъ подданнымъ. Султанъ остался непреклоненъ.

Царь зналъ это заранѣе. Въ Москвѣ, принимая адресы дворянъ и горожанъ, онъ заявилъ, что намѣренъ дѣйствовать самостоятельно. Онъ благодарилъ москвичей за ихъ чувства при столь тяжелыхъ обстоятельствахъ и разсказалъ о своихъ усиліяхъ — съ помощью Европы прекратить балканскіе ужасы.

Рѣчь немедленно отозвалась во всей Россіи. Отовсюду стали поступать адресы съ заявленіями пламеннаго сочувствія славянамъ, съ увѣреніями во всеобщей готовности — принести, какія угодно, жертвы ихъ освобожденію.

А Турція между тѣмъ готовилась произвести послѣдній натискъ на болгаръ и сербовъ. Султанъ не сомнѣвался въ своемъ торжествѣ; Европа малодушно отступила предъ рѣшительными мѣрами; — тогда царь повелѣлъ своимъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи. Началась война, внушенная исключительно человѣколюбіемъ, война истинныхъ рыцарей православной вѣры и славянской свободы.

И Россія оказалась совершенно одинокой, — даже хуже. Нѣкоторыя державы, — напримѣръ, Англія, — тайно помогали Турціи. Изъ славянскихъ областей только Черногорія немедленно присоединилась къ Россіи. Сербія осталась зрительницей борьбы. Грецiя и Румынія также воздержались отъ участія въ ней, — и Румынія только позже обнаружила дѣятельность, когда Турція сама объявила ей войну.

Но за то на сторонѣ царя находился весь его народъ. Столицы опять шли во главѣ всеобщаго восторженнаго движенія, и царь опять трогательными словами благодарилъ своихъ подданныхъ, благодарилъ „отъ всей души“.

Царь пожелалъ принять личное участіе въ трудахъ своей арміи. Вмѣстѣ съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Сергѣ-

емъ Александровичемъ онъ отправился на мѣсто военныхъ дѣйствій и оставался здѣсь въ теченіе самаго труднаго времени. При немъ совершилась переправа черезъ Дунай, въ его присутствіи происходилъ рѣшительный бой подъ Плевной, и царь покинулъ армію, когда уже не оставалось сомнѣнія въ исходѣ войны.

Но до этого времени пришлось принести много тяжелыхъ жертвъ,—и царь видѣлъ и понималъ все ихъ значеніе. Онъ желалъ быть „братомъ милосердія“ для раненыхъ, безпрестанно посѣщалъ госпитали. Очевидцевъ глубоко трогали эта доброта и внимательность, и одинъ изъ нихъ разсказываетъ:

„Государь относится съ такою истинною преданностью къ раненымъ, что невольно становится тепло при этихъ сценахъ. Солдатики, какъ дѣти, бросаются на подарки и радуются чрезвычайно наивно. Сколько мнѣ приходилось видѣть этихъ прекрасныхъ синихъ глазъ, слегка овлажненныхъ слезою! Я до сихъ поръ не могу смотрѣть на эти сцены безъ особаго чувства теплоты и умиленія“.

Но присутствіе Государя въ дѣйствующей арміи имѣло еще и другое значеніе.

Императоръ развивалъ неутомимую дѣятельность. Невыносимый лѣтній зной, осеннее ненастье не мѣшали ему вмѣстѣ съ своимъ войскомъ совершать походъ по дикой, опустошенной странѣ. Настоянія докторовъ—вставать позже и вообще внимательнѣе относиться къ здоровью — Государь неизмѣнно встрѣчалъ отговоркой: „Я не могу вставать позже потому, что не успѣю иначе всего сдѣлать“.

И день уходилъ на чтеніе донесеній, на самое пристальное изученіе военныхъ дѣйствій. Государь всегда находилъ въ себѣ достаточно бодрости и присутствія духа—ободрять другихъ. Послѣ неудачъ онъ обращался съ милостивой рѣчью къ офицерамъ: „Не унывайте, Богъ милостивъ“...

И именно въ тяжелыя минуты присутствіе царя явля-

лось особенно благодѣтельнымъ. „Имъ надо любоваться“,—говоритъ одинъ изъ спутниковъ царя, — и въ исторіи войны навсегда останется памятнымъ мужественное рѣшеніе, принятое Государемъ въ самый рѣшительный моментъ.

Плевна преградила движеніе русскихъ войскъ по пути къ Константинополю. Въ крѣпости засѣлъ даровитѣйшій изъ всѣхъ Турецкихъ полководцевъ — Османъ-паша, съ громаднымъ количествомъ войскъ и запасовъ. Завязалась убійственно-жестокая борьба. Всѣ наступленія русской арміи кончались большими потерями. За два дня она потеряла до 15,000 убитыми и ранеными. Армія оказалась разстроенной и ослабленной. Подкрѣпленія были далеко. Упадокъ духа овладѣлъ начальниками, начиная съ Главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича. Онъ призналъ, что войну начали съ недостаточными силами, и что теперь единственное спасеніе — отступить назадъ,—къ Дунаю.

Тогда раздался горячій, энергическій голосъ военнаго министра. Милютинъ, исполненный непоколебимой вѣры въ нравственныя достоинства обновленной русской арміи, возсталъ противъ предложенія Главнокомандующаго. Отступленіе было бы позоромъ,—говорилъ министръ;—оно и не имѣетъ основаній, пока неизвѣстны намѣренія непріятеля; мы должны остаться на своей позиціи, пока не явятся подкрѣпленія.

Государь согласился съ мнѣніемъ Милютина. Рѣшено продолжать осаду Плевны, обложить крѣпость и ждать, пока у Османа-паши не станетъ продовольствія. Ждать пришлось почти три мѣсяца. Наконецъ, Османъ-паша рѣшилъ пробиться сквозь русскія войска и сдѣлалъ отчаянное нападеніе.

Этотъ день—28-ое ноября — рѣшилъ всю войну. Очевидцы описываютъ его чрезвычайно ярко и драматично.

Государь находился невдалекѣ отъ поля битвы. Нѣсколько часовъ прошло въ томительномъ ожиданіи. Флигель-адъютанты, посланные за свѣдѣніями, долго не возвращались. Но, нако-

нецъ, пальба утихла,—было ясно, что сраженіе кончилось въ пользу русскихъ. Лицо Государя просіяло. Подойдя къ военному министру, онъ сказалъ, указывая на него окружавшимъ лицамъ:

— Я говорю, что если мы здѣсь, если мы имѣемъ сегодня этотъ успѣхъ, то этимъ мы ему обязаны. Я этого никогда не забуду.

Прошло еще съ полчаса времени. Около четырехъ часовъ пополудни замѣтили всадника, скакавшаго по направленію къ Императорскому редуту и махавшаго фуражкой. Завидѣвъ Государя, онъ издали закричалъ:

— Ваше императорское величество! Османъ-паша сдается!

Государь быстрыми шагами пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Правда ли?—переспросилъ онъ.

— Ей-Богу такъ, Ваше Величество.

— Спасибо, молодецъ,—молвилъ Императоръ, подавая руку вѣстнику и поздравляя его флигель-адъютантомъ.

Потомъ Государь снялъ фуражку и съ выступившими на глазахъ слезами осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

„Ура“ —вырвалось изъ груди всѣхъ присутствовавшихъ.

— Господа,—сказалъ Государь, обращаясь къ свитѣ,—сегодняшнимъ днемъ и тѣмъ, что мы здѣсь, мы обязаны Дмитрію Алексѣевичу Милютину. Поздравляю васъ, Дмитрій Алексѣевичъ, съ Георгіевскимъ крестомъ 2-й степени.

Пять минутъ спустя, прискакалъ ординарецъ Главнокомандующаго съ донесеніемъ о безусловной сдачѣ турецкой арміи. Плѣнныхъ было 40 пашей, 2000 офицеровъ, 44,000 нижнихъ чиновъ, 84 пушки и множество оружія.

Прежде чѣмъ покинуть редутъ, Государь обратился снова къ военному министру.

— Дмитрій Алексѣевичъ, испрашиваю у васъ, какъ у старшаго изъ присутствующихъ георгіевскихъ кавалеровъ, разрѣшеніе надѣть георгіевскій темлякъ на саблю. Кажется... Я это заслужилъ...

Министръ молча низко поклонился Государю. Свита снова крикнула „ура!“ Позже Милютинъ былъ возведенъ въ графское достоинство.

Государь теперь могъ спокойно оставить армію. Паденіе Плевны заставило, наконецъ, и Сербію объявить войну Турціи. Борьба быстро шла къ концу, и уже въ началѣ декабря Турція обратилась къ европейскимъ державамъ съ просьбою о посредничествѣ. Русскіе приблизились къ Константинополю, турки заключили въ Санъ-Стефано предварительный мирный договоръ. Онъ создавалъ новое болгарское княжество, включавшее всѣ области съ болгарскимъ населеніемъ. Державы не могли допустить такого результата русскихъ побѣдъ, — и на Берлинскомъ конгрессѣ была измышлена искусственная Болгарія, — на сѣверѣ княжество, на югѣ Румелія — провинція, зависимая отъ Турціи. Время быстро разбило эту хитроумную и злокозненную выдумку: Румелія вскорѣ соединилась съ княжествомъ, потребовалось только новое возстаніе.

Но плоды русскаго крестоваго похода, при всѣхъ помѣхахъ Европы, остались великими и безсмертными. Румынія, Сербія, Черногорія получили полную независимость. Греція расширила свои границы. Не посчастливилось только двумъ славянскимъ землямъ—Босніи и Герцеговинѣ: державы отдали ихъ на попеченіе Австріи. Во всякомъ случаѣ, - въ лѣтописи новой исторіи была занесена справедливѣйшая и безкорыстнѣйшая война, какую только когда-либо вели между собой европейскіе народы, - и имя Александра II, освободителя своего народа, явилось въ новомъ блескѣ среди благороднѣйшихъ именъ истинныхъ благодѣтелей человѣчества.

XXXI.

Война только на время отвлекла заботы царя о внутреннемъ развитіи Россіи. Оно совершалось непрестанно, годъ за годомъ, на новыхъ основахъ свободы и законности, создан-

ныхъ царемъ. Всѣ стороны общественной и личной жизни русскаго человѣка становились неузнаваемыми сравнительно съ недалекимъ прошлымъ. Возникло и быстро развилось множество дѣятельностей, едва знакомыхъ или даже совсѣмъ невѣдомыхъ старой дореформенной Россіи. Кругъ дѣятелей разросся и въ высшей степени оживился.

На общественную сцену явились новые люди, молодое поколѣніе маленькихъ, безправныхъ пасынковъ стараго времени,—мѣщанъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Теперь имъ были открыты широкіе пути къ просвѣщенію и службѣ родинѣ на какомъ угодно поприщѣ. Вопросъ рѣшался не происхожденіемъ, не случайнымъ счастьемъ, а личнымъ талантомъ и трудомъ.

Прежде всего разросталось просвѣщеніе, и распространялась грамотность. Земство, получившее въ свое завѣдываніе народную школу, оказалось вполнѣ на высотѣ своего отвѣтственнаго положенія, — и Головнинъ могъ порадоваться дѣятельному осуществленію своей любимой мысли. Среднія и высшія учебныя заведенія быстро наполнялись, особенно послѣ устава о всеобщей воинской повинности. Правительство, очевидно, ставило на почетнѣйшемъ мѣстѣ образованіе, награждало его льготами и правами, трудно было не оцѣнить такой заботливости и практически не воспользоваться ею.

Естественно, съ распространеніемъ образованія размножались дѣятели въ наукѣ и въ литературѣ. Россія готовилась стать дѣйствительно независимой просвѣщенной страной, работать—не по-ученически,— а вполнѣ самостоятельно въ области научныхъ изслѣдованій и въ искусствѣ. Таланты, раньше подавленные тьмой и безправіемъ или вовсе ненужные при всеобщемъ невѣжествѣ, теперь могли смѣло заявить о себѣ и попытать свои силы на глазахъ общества.

Въ особенности литература могла почувствовать себя молодой и воскресшей послѣ весьма недавняго прошлаго. Освобо-

дительныя преобразованія коснулись и ея и въ короткое время вызвали къ жизни новыя литературныя дарованія. Газеты и журналы стали быстро умножаться и принимать живѣйшее участіе во внутреннихъ и внѣшнихъ вопросахъ страны. Они давали возможность людямъ свѣдущимъ и талантливымъ высказывать свои мнѣнія о текущихъ событіяхъ и иногда оказывать немалую услугу самому правительству.

Мы знаемъ, какъ горячо отзывалось русское общество на призывы Государя въ трудныя минуты, какъ единодушно оно засвидѣтельствовало свое негодованіе на вмѣшательство Европы въ домашніе счеты Россіи съ Польшей, какъ преданно готово было встать вмѣстѣ съ царемъ на защиту чести своего отечества. То же самое повторилось и наканунѣ войны за освобожденіе славянъ.

Все это были новые факты новой Россіи. Александръ II своими преобразованіями умножилъ и укрѣпилъ тѣснѣйшія связи между собой и народомъ. Еще во время крестьянской реформы онъ лично обращался съ словомъ убѣжденія къ своимъ подданнымъ, неоднократно велъ простыя рѣчи и съ крестьянами. Русское общество и народъ платили за это глубокимъ чувствомъ благодарности и живѣйшимъ участіемъ въ намѣреніяхъ и дѣлахъ царя.

Періодическая печать, т. е. газеты и журналы, чутко отражали настроенія и мысли страны и служили посредниками между народомъ и властью, самой жизнію и тѣми, кто призванъ управлять ею. Это положеніе создано исключительно царствованіемъ Императора Александра, и легко представить, какъ тѣсно оно связано съ просвѣщеніемъ и нравственнымъ развитіемъ русскаго общества.

Но, помимо умственныхъ успѣховъ, реформы Александра II открыли Россіи новые пути и къ матеріальному благосостоянію. Торговля и промышленность неминуемо должны возрасти.—Милліоны новыхъ свободныхъ гражданъ, огражденныхъ

въ своей дѣятельности законами и правосудіемъ, имѣющихъ доступъ къ образованію, могли теперь безпрепятственно работать на свою и общую пользу. Плоды ихъ труда принадлежали имъ самимъ, и не существовало больше ни силы, ни власти, которыя лишили бы труженика права пользоваться законно пріобрѣтенным довольствомъ и богатствомъ. Возникли промышленныя и торговыя общества, естественныя богатства Россіи стали разрабатываться, желѣзныя дороги покрыли страну съ необыкновенной быстротой. Въ первое же десятилѣтіе новаго царствованія количество верстъ рельсовыхъ путей увеличилось болѣе чѣмъ въ шесть разъ и возрастало непрерывно съ каждымъ годомъ. Одновременно народилось и развилось пароходство. И на всемъ громадномъ пространствѣ имперіи не осталось уголка, гдѣ бы не почуялось дыханіе новой жизни—дѣйствительно живой и возростающей, гдѣ бы сколько-нибудь не осуществлялся идеалъ учителя Александра II: жизнь и движеніе—необходимыя условія для благоденствія государства.

И виновника этихъ именно условій ждала насильственная кровавая смерть! Царствованіе Александра II оборвалась страшнымъ первымъ марта 1881 года. Освободитель русскаго народа потерпѣлъ такую же мученическую смерть, какая и раньше выпадала на долю не одному благороднѣйшему государственному дѣятелю, искреннему другу народнаго блага.

И въ старомъ, и въ новомъ свѣтѣ исторія успѣла занести на свои страницы позорнѣйшія злодѣянія, какія только могутъ унизить человѣческую природу. Эти злодѣянія будто мстили за прекраснѣйшіе подвиги лучшимъ людямъ своего времени.

Во Франціи, давно не имѣющей монархической власти, до сихъ поръ трагическимъ и священнымъ вѣнцомъ окружена личность короля Генриха IV. Въ этой странѣ не было государя, болѣе близкаго къ своему народу и болѣе любимаго

имъ,—не было правителя, болѣе благодушнаго и болѣе искренняго въ своемъ благодушіи. И онъ имѣлъ несчастье совершить великій актъ свободы, предоставилъ своимъ подданнымъ-протестантамъ законное право—открыто исповѣдывать свою вѣру.

И за это дѣло истинно-христіанскаго милосердія его постигъ смертельный ударъ темнаго фанатика-католика, поразившаго короля за вѣротерпимость, какъ за смертный грѣхъ и преступленіе.

Такая же драма совершилась уже въ нашемъ вѣкѣ среди другого народа, при другихъ обстоятельствахъ,—но сущность чудовищнаго преступленія и здѣсь та же самая.

Въ то время, когда Россія только что увидѣла свой народъ свободнымъ, въ Америкѣ шла междоусобная война также изъ-за свободы, — но еще болѣе жалкихъ и несчастныхъ рабовъ, чѣмъ даже подданные русскихъ помѣщиковъ. Южные американскіе штаты строили свое благополучіе на рабствѣ негровъ и не могли представить другого порядка, признать въ негрѣ человѣка и гражданина. Сѣверъ, давно возмущаемый этимъ національнымъ позоромъ, вынужденъ былъ взяться за оружіе и войной внушить рабовладѣльцамъ болѣе человѣческій образъ мысли.

И въ этой войнѣ—величайшимъ защитникомъ рабовъ явился президентъ американской республики—Линкольнъ. Онъ провозгласилъ свободу негровъ на сѣверѣ и довелъ это дѣло до конца на югѣ. На верху славы — его поразилъ ударъ убійцы,—и убійца свое злодѣяніе сопровождалъ крикомъ: „Свобода! югъ отомщенъ!“

Югъ мстилъ за поруганную свободу! Только въ голосѣ одичавшаго и обезумѣвшаго преступника могла сложиться подобная мысль! И вотъ такая-то мысль подняла руки убійцъ и на Александра II. Въ Царѣ-Освободителѣ усмотрѣли препятствіе къ *свободѣ*, грезившейся безнадежно-больному воображенію...

И царь погибъ — на пути къ дальнѣйшему развитію задачъ своей жизни, погибъ въ цвѣтѣ силъ и стремленій къ общему благу.

Русскому народу суждено занести въ свою исторію самое преступнѣйшее и безсмысленнѣйшее злодѣяніе, какое только совершалось волею людей, — и въ то же время о жертвѣ злодѣянія навѣки сохранитъ самую трогательную, самую благоговѣйную память, какая только можетъ жить среди народа о монархѣ.

И народъ немедленно послѣ кончины Императора поспѣшилъ выразить свою признательность его имени — памятниками. Они стали воздвигаться по деревнямъ на средства крестьянъ. Какое чувство руководило крестьянами, — можно видѣть изъ ихъ заявленія — своему старшинѣ.

Старѣйшіе домохозяева села Лабуньки, Люблинской губерніи, собрались въ первую годовщину отмѣны крѣпостного права послѣ смерти Александра II и заявили слѣдующее: — Они — крестьяне — „желаютъ на долгое время оставить память объ освобожденіи ихъ отъ тяжелой зависимости отъ помѣщиковъ и для того, чтобы такое воспоминаніе переходило изъ рода въ родъ, и чтобы никогда не изгладилась изъ сердецъ ихъ дѣтей и внучатъ любовь къ Великому Освободителю, въ Бозѣ почившему императору Александру II, они рѣшили воздвигнуть памятникъ“.

Тотъ же голосъ вѣчной благодарности внушалъ и другимъ крестьянамъ воздвигать скромные, но краснорѣчивые памятники почившему Освободителю.

И этотъ голосъ будетъ внятенъ самому отдаленному потомству не только крестьянъ. Исторія сохранила навсегда яркія и неизмѣнно волнующія воспоминанія о крѣпостномъ рабствѣ. Милліоны обыкновенныхъ людей рождались, жили и умирали въ неволѣ, не оставляя послѣ себя историческихъ слѣдовъ, оплаканные развѣ только своими близкими. Но рабство тяго-

тѣло и надъ людьми, отмѣченными особой милостью судьбы—только не на радость, а на еще болѣе горькое горе. На землѣ нѣтъ болѣе жестокой драмы, чѣмъ униженіе и гибель высшихъ человѣческихъ дарованій подъ гнетомъ прирожденнаго позора, въ рабствѣ, ничѣмъ не заслуженномъ, доставшемся по наслѣдству,—въ рабствѣ, налегающемъ на человѣка одновременно съ развитіемъ его нравственныхъ силъ,—ума и таланта.

И вотъ повѣсти о такого рода жертвахъ помѣщичьей власти не допустятъ никакому времени посягнуть на славу, окружающую имя Александра II. Возьмемъ для примѣра одну изъ такихъ повѣстей—въ самыхъ краткихъ и простыхъ чертахъ, и посмотримъ, возможно ли когда-либо мыслящему уму и чувствующему сердцу равнодушно вспомнить такое „доброе старое время!“

XXXII.

Талантъ не различаетъ породы и происхожденія, дается весьма часто худороднымъ и обѣгаетъ знатныхъ. Представьте барина, одного изъ тысячъ, умѣющаго пожить и совершенно неспособнаго лично подумать о своей жизни, совершенно безпомощнаго безъ работы другихъ на его особу. У этого барина сотни подвластныхъ людей, обязанныхъ исполнять его волю безпрекословно, не считаясь ни съ своими наклонностями, ни даже съ своей совѣстью. И вотъ среди этихъ сотенъ рождается ребенокъ съ искрой таланта, даже генія. Это значитъ, онъ съ первой минуты сознанія будетъ невольно, непреодолимо стремиться къ цѣли, внушенной ему природой, она вложила въ него дарованіе и подчинила своему голосу: онъ не можетъ быть другимъ, иначе ему падлежало бы переродиться, и менѣе всего онъ можетъ быть рабомъ Для него жить—значитъ, слѣдовать не своему призванію, а волѣ господина. Этого мало. Воля господина, сравнительно сносная для зауряднаго чело-

вѣка, талантливому можетъ показаться невыносимымъ бѣдствіемъ. Талантъ всегда соединяется съ особенно тонкой впечатлительностью,—и явленія, безразличныя для другихъ,—у человѣка одареннаго могутъ вызывать глубокіе и мучительные отголоски, и въ особенности если это талантъ художника или поэта.

Представьте,—крѣпостной мальчикъ одаренъ именно такимъ талантомъ. Во снѣ и на яву онъ видитъ себя художникомъ. Онъ жадно ищетъ случая учиться, отдаться врожденному влеченію, забыться въ высшемъ для него счастьѣ—въ творческомъ вдохновеніи. Онъ считаетъ драгоцѣнной находкой всякій рисунокъ, мечтаетъ даже о простомъ малярѣ, какъ о своемъ учителѣ,—онъ живетъ и дышетъ только въ тѣ минуты, когда можетъ срисовать первую попавшуюся картинку.

Такъ угодно судьбѣ, природѣ мальчика. Но той же судьбѣ также угодно, чтобы онъ былъ рабомъ своего господина. А этому господину требуется не художникъ—свободный и вдохновенный, а просто поваръ, сначала—кухонный мальчикъ. Это означаетъ,—нашъ талантъ обязанъ чистить кастрюли, выносить помои, топить печку,—а преимущественно — претерпѣвать жестокую „науку“ главнаго повара, т. е. вѣчно ходить съ надранными ушами и взлохмаченной головой.

Будущій художникъ все-таки продолжаетъ изнывать все той же мукой, собираетъ картинки, по цѣлымъ часамъ любуется на нихъ, пока грубый окрикъ и жестъ повара не перенесутъ его изъ міра мечтаній въ дѣйствительность... Но барину или его слугамъ является другая фантазія. Нашъ художникъ долженъ быть не поваренкомъ, а казачкомъ. Мальчикъ онъ бойкій, смышленый—какъ разъ для комнатнаго лакея.

И талантъ начинаетъ по цѣлымъ суткамъ въ передней ожидать, пока не прикажутъ подать трубку или стаканъ воды. Молчаніе полагается безусловное: въ немъ должно выра-

жаться глубочайшее благоговѣніе къ господину и господскому дому.

Но юный художникъ — натура легкомысленная, ежеминутно забывающая высшій приказъ. Онъ чуть слышнымъ голосомъ напѣваетъ народныя крестьянскія пѣсни, а главное,

Фельдмаршалъ графъ Д. А. Милютинъ.

продолжаетъ срисовывать картинки, для чего похищаетъ карандашъ у конторщика. Особенный восторгъ у него вызываютъ великіе герои, въ родѣ Соловья-Разбойника и генералы — Кутузовъ, Платовъ. Онъ способенъ цѣлыми часами любоваться на свои сокровища, и чертить, чертить безъ конца.

казачку не полагается подобное своевольство, онъ непремѣнно расплатится за свою страсть,—и расплатится, какъ только можетъ расплатиться лакей и рабъ.

Однажды ночью, въ большой праздникъ, шестого декабря, баринъ уѣдетъ на балъ. Казачекъ остается одинъ на всю ночь: вотъ когда ему полное раздолье—приняться за живопись! И онъ на этотъ разъ непремѣнно докончитъ генерала Платова. Часы бѣгутъ, работа спорится, артистъ не замѣчаетъ времени, забываетъ обо всемъ окружающемъ: онъ весь во власти своего призванія, того голоса, какой поэтами принято называть голосомъ вдохновенія. И онъ не услышитъ, какъ раздастся другой голосъ, для казачка болѣе важный, чѣмъ всякій другой.

Баринъ вернется усталый отъ веселья, жаждущій поскорѣе успокоиться отъ всенощнаго труда. Каждая минута промедленія разжигаетъ его гнѣвъ. Его заставляютъ ждать нѣсколько минутъ, и казачекъ, нарочно существующій для встрѣчи барина, вмѣсто того чтобы броситься къ нему навстрѣчу при первомъ шорохѣ,—углубился въ какую-то мазню и ничего не видитъ, не слышитъ...

Онъ долженъ, наконецъ, проснуться! Пощечины сыплются градомъ, но это только предисловіе: главная исторія разыграется завтра, на конюшнѣ. Тамъ кучера, при помощи розогъ, внушатъ казачку, что значитъ званіе лакея, и какое преступленіе пренебрегать обязанностями этого званія ради какого-то природнаго влеченія и дарованія.

Такова правдивая исторія, одна изъ множества подобныхъ: она ничто иное, какъ отрывокъ изъ біографіи малорусскаго поэта Шевченко, и въ ней нѣтъ ни единой черты преувеличенной или прикрашенной. Напротивъ,—намъ извѣстна только малая доля испытаній, вынесенныхъ будущимъ поэтомъ. Онъ самъ не любилъ разсказывать о темномъ прош-

ломъ, но каково оно было — показываетъ его восторгъ при освобожденіи.

Свободой Шевченко обязанъ Жуковскому. Этотъ истинно добрый и благородный человѣкъ уже не въ первый разъ принималъ участіе въ судьбѣ безправыхъ талантовъ. Онъ предварительно сторговался съ помѣщикомъ Шевченко, потомъ придумалъ слѣдующую исторію: знаменитый живописецъ Брюлловъ напишетъ съ него портретъ, устроится лоттерея среди многочисленныхъ личныхъ друзей и почитателей поэта въ высшемъ обществѣ, и на вырученныя деньги Шевченко будетъ выкупленъ на свободу.

Все такъ и произошло. Свобода, наконецъ, была получена. Одинъ изъ земляковъ поэта разсказываетъ, какое впечатлѣніе произвела на Шевченко эта вѣсть.

Дѣло было въ началѣ весны. Разсказчикъ сидѣлъ у открытаго окна. Вдругъ черезъ окно вскакиваетъ въ комнату Шевченко, чуть не сшибаетъ съ ногъ хозяина, бросается къ нему на шею и кричитъ: „свобода, свобода“!

— Да ты не сошелъ ли съ ума, Тарасъ? — спрашиваетъ ошеломленный землякъ.

А Шевченко все прыгаетъ и выкрикиваетъ:— „свобода, свобода!“

„Понявъ въ чемъ дѣло“,—продолжаетъ разсказчикъ,— „я уже съ своей стороны сталъ душить его въ объятьяхъ и цѣловать. Сцена эта кончилась затѣмъ, что мы оба расплакались, какъ дѣти“...

Сколько же подобныхъ сценъ происходило, когда по землѣ русской пронеслась вѣсть о свободѣ—для всѣхъ и каждаго! И сколько такихъ же одаренныхъ, *призванныхъ* людей осчастливила эта вѣсть, повергла въ такой же искреннiй глубокій восторгъ.

Предъ нами разсказъ также одного изъ земляковъ Шевченко и также бывшаго крѣпостного. Это—человѣкъ гораздо

болѣе сдержанный, профессоръ, важный чиновникъ, извѣстный ученый и писатель — Никитенко. Его молодость прошла среди обидъ и лишеній. Онъ не могъ, по своему крѣпостному положенію, учиться въ гимназіи, — и это препятствіе едва не довело его до самоубійства. Только дѣйствительно выдающійся талантъ и счастливая случайность вывели его на вольный свѣтъ. При помощи все того же Жуковскаго онъ получилъ свободу, — но его родные — мать и братъ оставались въ рабствѣ, и одно воспоминаніе объ ихъ судьбѣ — приводило его въ отчаяніе. Онъ самъ профессоръ университета, полноправный членъ общества, пользуется извѣстностью и вліяніемъ, а его мать въ полномъ распоряженіи барина и какого-нибудь его любимаго раба!

Но вотъ является манифестъ 19-го февраля, — и какой свѣтлый праздникъ настал въ семьѣ бывшаго крѣпостного!

Вотъ его собственный разсказъ.

„Мнѣ принесли манифестъ около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ ли что есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей, дѣтямъ и одной нашей пріятельницѣ въ кабинетѣ предъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ пятое марта и имя Александра II Освободителя“.

Разсказчикъ не могъ усидѣть дома. Ему захотѣлось видѣть обновленный народъ, — и онъ пошелъ бродить по улицамъ, всюду встрѣчая толпы у расклеенныхъ объявленій. Вездѣ встрѣчались лица довольныя и спокойныя. Въ разныхъ мѣстахъ читали манифестъ и безпрестанно раздавались слова: „Указъ о вольности — свобода“.

Никитенко встрѣтился съ знакомымъ и вмѣсто привѣтствія обратился къ нему съ восклицаніемъ:

— Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе, - отвѣчалъ тотъ.

На русской землѣ несомнѣнно царствовалъ свѣтлый праздникъ: это — лучшее важнѣйшее опредѣленіе освободительнаго подвига Царя. И оно останется таковымъ навсегда: свободная, просвѣщенная граждански и нравственно развивающаяся Россія вѣчно будетъ считать свою исторію со дня пятаго марта и не перестанетъ воздвигать рукотворные и нерукотворные памятники Царю, неизмѣнно вѣровавшему въ ея великія духовныя силы и подъ вліяніемъ этой вѣры даровавшему ей свободу, всеобщее равноправіе предъ закономъ и открывшему свѣтлое будущее богатымъ, но раньше скованнымъ и униженнымъ талантамъ русскаго народа.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраст

„Дѣтское Чтеніе“.

Съ приложеніем **„ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА“** для родителей и учителей

на **1899** годъ.

(Тридцать первый годъ изданія).

У. К. М. Н. П. **„Дѣтское Чтеніе“** разрѣшено къ выпискѣ въ Уч. библ. ср. и низш. уч. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит., одобрено Уч. К. Собств. Е. Имп. В. канц. по учр. Имп. Маріи и Гл. У. В. У. З. для воспит. кад. корп.

Подписная цѣна на годъ:

на **„Дѣтское Чтеніе“** съ **„Педагогическимъ Листкомъ“** — 6 руб. съ пересылкой. На **„Дѣтское Чтеніе“** безъ **„Педагогическаго Листка“** — 5 руб. съ пересылкой, На **„Педагогическій Листокъ“** отдѣльно — 2 руб. съ пересылкой. За границу — 8 руб. На полгода 3 руб., на четверть года 1 руб. 50 коп.

ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: за страницу 20 руб., за полстраницы 10 руб.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Редакторъ **Д. И. Тихомировъ**

Его же. Изъ міра великихъ преданій. Изд. 7-е. 1898 г. Ц. 1 р. Книга занесена въ каталогъ книгъ для безпл. народ. читаленъ Мин. Н. Пр. (стр. 105).

Его же. Народные разсказы. 1. Титъ. 2. Маланья. 3. Вавило. 4. Маша на дѣвичникѣ. Ц. 10 к.—Книга занесена въ каталогъ книгъ для безпл. народн. читаленъ Мин. Нар. Просв. (стр. 105).

Его же. Илья Муромецъ. Ц. 8 к.

Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Избр. мѣста. Для семьи и школы. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

В. И. Немировичъ-Данченко. За Дунаемъ. Вып. 1-й Ц. 25 к. Вып. 2-й. Ц. 40 к. Книги одобрены Особ. Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр. для ученическихъ младшаго возраста библіот. мужск. и женск. гимн., для ученич. библ. нач. учил., для народн. библ. и читал. и для публичныхъ народныхъ чтеній. (Ж. М. Н. П. № 2, 97).

Его же. На краю свѣта. Другъ за друга. Повѣсть для дѣтей, въ 3-хъ част. Роскошное изданіе. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к. Книга занесена въ катал. книгъ Мин. Нар. Просв. для безплатныхъ читаленъ. (Стр. 103).

Его же. Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть для дѣтей. Со многими рисунками. М. 1898 г. изд. 2-е. Цѣна 65 к., въ папкѣ 75 к., въ бумажкѣ 60 к.— Особ. Отд. Уч. К. М. Н. П. Книга допущена въ ученич. библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя библіотеки и читальни. (Ж. М. Н. П., № 3, 97 г.). Гл. Упр. В. У. З. одобрена для рот. кад. корп. (Циркуляръ № 19, 97 г.).

Его же. Поднебесный аулъ. Повѣсть для дѣтей. Ц. 75 к. Допущена М. Н. Пр. въ уч. биб. и нар. библ. и чит. (Ж. М. Н. Пр. № 7, 1898 г.).

И. Н. Потапенко. Голодъ, разсказъ для дѣтей. Роскошное изд. Ц. 40 к.

Его же. Драма на дворѣ. Пов. для дѣтей. Со многими рисунк. 1896. Ц. 60 к.

Его же. Два таланта. Повѣсть. Ц. 50 к.

А. С. Пушкинъ. Избранныя сочиненія. Младшій возрастъ. Т. I. Ц. 30 к. Книга занесена въ катал. книгъ для безпл. читал. М. Н. Пр. (стр. 109).

Ф. В. Фарраръ. Жизнь Іисуса Христа, въ 2-хъ част. Изд. 2-е. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к. Книга помѣщ. въ опытѣ катал. М. Н. Пр. для библ. средн. уч. завед.

Тэнъ Бринкъ. Лекціи о Шекспирѣ. Перев. И. Д. Городецкаго. Ц. 40 к.

Л. П. Никифоровъ. Элементарный курсъ психологіи, для самообразованія. (По Карре и Ликье). Ц. 25 коп.

Щепкина. Родныя мѣста. Разсказы для дѣтей. М. 1882 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Тихомирова Е. и Богданова Н. Слоны, обезьяны и попугаи. Изд. 3-е. Ц. 35 к. Книга занесена въ каталогъ книгъ для безпл. читаленъ М. Н. Пр. (Стр. 105).

Е. Н. Тихомирова. Пумъ. Изъ исторіи маленькаго мальчика. Съ рисунк. Ц. 35 к.

Г. А. Мачтетъ. Васька-горнистъ. Разск. для дѣтей, съ рисунками. Ц. 20 к.

Д. Л. Мордовцевъ. Погибель Іерусалима. Историческій разсказъ. Ц. 10 к.

М. Поспѣловъ. Дѣдушка-посолъ. Разсказъ. Ц. 6 к.

Киплингъ Р. Разсказы для дѣтей, пер. съ англійск. Ц. 50 к. Уч. Ком. М. Н. П. книга одобрена для ученич. библіотекъ среднихъ и низшихъ учебн. заведеній и допущ. въ безпл. народ. библіотеки и читальни. (Ж. М. Н. П. № 5, 97).

Его же. Ч. 2-я. Ц. 40 к. (Уч. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. ср. учебн. завед. и въ безпл. народн. читальни. (Ж. М. Н. П. № 11, 97).

